

ЯНВАРЬ 1991

1

уральский *9/11/91*
С Л Е Д О П Ы Т

Фото О. Капорейко

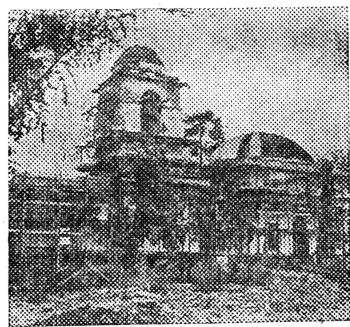
ХРАМ

Ю. СЕНТЯБРЬ

БОГОРОДИЦЫ НА УФАЛЕЙКЕ

Учредители —
Союз писателей РСФСР,
Ассоциация советских
книгоиздателей,
трудовой коллектив журнала
Издатель — Средне-Уральское
книжное издательство

2
ХРАМ БОГОРОДИЦЫ НА УФАЛЕЙКЕ
В традиционной рубрике «Ждет защиты»,
начатой в 1990 г., продолжается разговор
об истории создания, осквернения и воз-
рождения храма в Нижнем Уфалее.
Ю. Сентябрьев

3
БЛИЗКОЕ. Стихи. А. Комлев

4
БАЛЛАДА О ПОТЕРЯННОМ ИМЕНИ
В сжатой, строго документальной манере
повествует автор о трагической судьбе
загадочного боевика-революционера Кон-
стантина Мячина-Яковлева-Стояновича.
История взлета и падения — путь от руко-
водителя отряда по перевозке царской
семьи из Тобольска в Екатеринбург, ко-
миссара ВЦИК и командующего фрон-
том — до заключенного Соловецкого ла-
герьа.
А. Моисеев

14
КРАЕВЕДЧЕСКИЙ БУМЕРАНГ
На вопросы читателей отвечают читатели-
краеведы.

16
СЛЕДОПЫТСКИЙ ТЕЛЕГРАФ
Информация о работе юных следопытов.

17
СТИХИ. П. Крапивин

18
СОТЫЙ. Быль. Б. Козулин

22
**ЦВЕТНЫЕ НАЗВАНИЯ ВОКРУГ
ТОТЬМЫ**

Топонимические загадки — наша постоян-
ная тема. О жизни и лексике загадочных
народов — вепсов, чуди, меря — расска-
зывается на примере топонимии бассей-
на реки Тотьмы.

А. Кузнецов

25
**РАСПЕЧАТЫВАТЕЛЬ СОСУДОВ, ИЛИ
НА МОИСЕЕВОМ ПУТИ.** Повесть
В фантастической форме автор пытается
решить проблемы экологии, ее влияния
на людей, на детей в первую очередь.

Кто должен ответить за новые поколения,
рождающиеся с генными изменениями.
Стоит ли вообще иметь детей? Кто име-
ет на это право?

А. Балабуха

51
НФ ВИКТОРИНА-91

53
**ВНУТРИ ЗЕМЛИ... ЯДЕРНЫЙ
РЕАКТОР?**

Новая гипотеза о строении нашей планеты
и ее ядре.

А. Шалимов

54
ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ
Ответы на вопросы читателей.
Продолжение разговора о загадочных яв-
лениях человеческой психики.

В. Готов

57
КАМАРАДА ВАЛЬТЕР. А. Чечулин

58
КЛЮЧ ОТ ЦВЕТКА ЛЮЦЕРНЫ
Наблюдение за жизнью ос-мегахил.
Первые энтомологические заказники.
В. Гребенников

62
КАКАЯ ПЕСНЯ ГОРЛО ОБОЖГЛА.
Стихи. Ю. Назарин

63
ВОЗВРАТ. Рассказ
История возвращения «афганца», попав-
шего в свою страну в «мирную» жизнь,
где все идет как ни в чем не бывало.
Демобилизованного сержанта, внутренне
начиненного войной, тотчас буквально от-
брасывает назад...
А. Верников

73
ПРАВНУК УНТЕРА ЛАВРЕНТИЯ
Новые интересные штрихи к биографии
В. К. Блюхера и его сына Всеволода.
В. Пашин

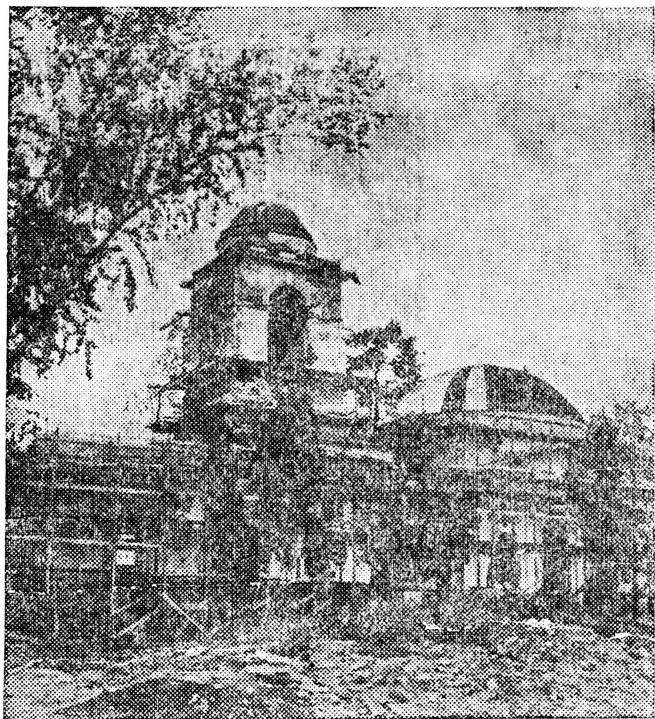
76
ЭКЗОТЫ НА ОКНАХ
Рассказ о загадочной «пальме ураганов».
А. Семенин

77
МИР НА ЛАДОНИ
Краткая информация об интересных фак-
тах и находках.

78
ТАЛОН ДЛЯ ТЕССЕРИСТА
Новый вид коллекционирования — талоны
на продукты и промышленные товары.
Скоро это будет историей, или мы запу-
таемся в талонной системе?
В. Руденко

уральский
СЛЕДОПЫТ
январь 1991
1

Храм Богородицы на Уфалейке

оживший и озвученный сюжет из кровавой истории первых христиан. Чудесный эффект создавали бликующее солнце, звонкая капель и крики невидимых голубей под сводами. Но как он был силен, этот эффект присутствия! Как яркие краски, как густа и свежа живопись, словно художник вот только-только отложил в сторону кисть.

И мы перенеслись в историю.

...Похоже, получилось так, что поселок Нижний Уфалей родился не на своем месте, а четырьмя верстами ниже по течению реки. В 1766 году на берегу Уфы, там, где вливались в нее воды Уфалейки, возникли пристань и небольшое селение. Оно так и именовалось — Пристань. Отсюда начинало свой водный путь на Нижегородскую ярмарку кричное железо Верхнеуфалейского завода.

В 1774 году прошла через Пристань пугачевская вольница, оставив на берегу Уфы одни головешки. Но скоро селение отстроилось вновь.

А в 1818-м владелец Верхнеуфалейского завода Губин в четырех верстах от Пристани вверх по реке Уфалейке в лесу дремучем начал возводить железоделательный завод. И первыми жителями поселка стали пристанские — 12 будто бы переселилось сюда домов.

Так среди хвойной тайги, гранитных, известковых и гнейсовых гор возник еще один завод и поселок при нем — Нижний Уфалей.

К моменту сооружения в селении храма (1849) здесь обитало уже около восьмисот жителей и среди них, как не преминул отметить летописец, сорок семь раскольников (беглопоповцев и поморцев). Средства на церковь пожертвовал заводовладелец.

Кто возводил храм — неизвестно, но современные искусствоведы полагают, что он по-своему уникален. Ротондальных церквей, утверждают они, на Урале не много: одна (арх. Свиязев) в Перми, три других в Челябинской области — в Миньяре, селе Илек и в Нижнем Уфалее. Все имеют прямую связь с московской школой архитектора М. Ф. Казакова.

«Изысканность церкви придавали шпили, три из которых располагались по главной осевой линии над колокольней, куполом и алтарем. Четыре небольших шпиля с маленькими главками находились по углам от купола, как бы символизируя в сочетании с главным шпилем давно ушедшее в прошлое пятиглавие русских храмов», — пишет искусствовед В. Медведева.

Было солнечное мартовское утро, когда мы, проваливаясь в неверном снегу, добрались до паперти и, с трудом приотворив застоявшуюся половину двери, протиснулись внутрь храма.

В притворе над нами угрожающе нависли полурухнувшие потолочные балки. В проломах крыши зияло голубое небо. Но миновав притвор, мы прямо-таки остолбенели от вдруг явившейся красоты. Со стен и сводов храма смотрели на нас святые с выразительными скорбными лицами, в богатых ярких одеяниях. При нашем появлении они словно бы все разом задвигались, заговорили, обращаясь к нам. Царственными жестами они указывали на окружающий разор — нарушенный пол, исчезнувший иконостас, продырявленные своды. Они недоуменно кивали на безобразные раны, нанесенные их телам и одеждам руками варваров. У кого-то до красного кирпича высверлены глаза, на ком-то краской намалевано негодное... Это был

БЛИЗКОЕ

Художнику Н. Г. Засыпкину

Церковь освятили в 1853 году — в честь Казанской иконы Божьей матери, и стала она называться Богородицкой. А строительство все продолжалось. Через тридцать лет каменные столбы, что держали купол, заменили арками. В 1889-м году соорудили паперть, а в 95-м — кованую ажурную с чугунными воротами ограду.

Ежегодно 20 июня от церкви отправлялся крестный ход на гору к каменному памятнику. Нижнеуфалейцы возвели его в 1880 году — в память о случившейся тем летом буре, натворившей в селении много разрушений.

На площади был еще один памятник — в честь освобождения крестьян от крепостной зависимости.

И еще одно событие, начисто забытое в нынешнем Нижнем Уфалее, хотелось бы напомнить. 21 сентября по старому, а 3 октября по новому стилю 1903 года при этой самой земской школе открылась первая в поселке бесплатная библиотека-читальня. И открылась она на средства, завещанные российскому земству петербургским издателем-просветителем Флорентием Федоровичем Павленковым. Таких библиотек он завещал открыть две тысячи. И одна из этих двух тысяч пришлось на Нижний Уфалей.

Библиотека стала центром просвещения и культуры. Самые почтенные люди в разное время возглавляли ее общественный совет: старший лесничий Уфалейского горного округа А. А. Гульбе, управляющий заводом Удденберг, жена управляющего А. М. Дюкова... В 1913 году уездная земская управа отмечает библиотеку в числе 11 с наибольшим процентом читателей к населению — 52,4. К этому времени она располагается в собственном доме из трех комнат, раздевалки и кухни. В этом же доме жила и библиотечкарь — выпускница 8-классной женской гимназии.

Ничего этого Нижний Уфалей, увы, не помнит. Может быть, поэтому нынешняя его поселковая библиотека ютится в ужасных условиях — в старом купеческом доме, который с тех купеческих времен не ремонтировался и не обзаводился мебелью.

Вот все, что нам известно о поселке и его храме. Известно также, что в начале 60-х годов нашего печального века церковь закрыли и передали уфалейскому горторгу, который распорядился устроить под сводами соле- и мылохранилище.

...С большой неохотой растаемся мы с обществом святых и покидаем стены полуразрушенного храма.

— Господи, твоя воля, — вырывается у меня, атеиста. — Да как же можно проходить мимо этой поруганной красоты и не подать руки? Что стало с нами, господа? В какое время затхлого языческого варварства обретаемся мы?

Что делать, слышится привычный ответ. Экономические проблемы, преступность, беззаконие — вот главное сейчас. Не до храмов пока.

Да как же мы не уразумеем до сих пор, что ввиду такого вот вселенского святотатства человеку уже ничего не стоит нарушить любую моральную заповедь: украсть, солгать, надругаться над ближним... То есть наплотить тех самых вторичных проблем, воюя с которыми мы столько уже лет создаем иллюзию бурной деятельности! Из этого порочного круга никогда ведь нам не выйти!

Ю. СЕНТЯБРЕВ

Фото Олега Капорейко

ОТ РЕДАКЦИИ.

Когда этот номер уже был сдан в печать, мы узнали, что в Нижнем Уфалее начата и полным ходом идет реставрация храма. По инициативе местного отделения Общества охраны памятников истории и культуры, при поддержке епархии, предприятий и населения за дело взялось совместное предприятие ФРГ и СССР фирма «Стандарт» (г. Коркино Челябинской обл.). Мы порадовались за нижеуфалейцев — подали такую они руку поруганной красоте. Всегда бы так опаздывать нам с критикой!

Кажется,
сквозь весь невзрачный свет
падает такой прозрачный снег.
Крестиком
снежинка на стекле...
Чудится,
от отроческой сказки
шапочка и шарф
домашней вязки.

Тихо проступают две звезды,
Скатертное поле по наклону.
При дороге ветхие кусты,
Редкие огни
по окоему.

Эти сплетенья древесных жил.
Ржавые травы
текут откосами.
В лоскутах снега —
летит, лежит.
По перегону
мотает космами...

Глянуть кругом —
пузыри небесные,
бурые брызги,
воздуху бездна.
Даль заболочена,
глубь заповедана —
вотчина, дедина...

И забелеется
чудью заволочьей,
встанет монголинкой —
темью в глазах.
И заневестится
русью русалочьей
в леших лесах.

Сами плетутся
в метлы, в корзины
пегие прутья,
древесные жилы...

Сколько бродил,
сколько ездил по северу,
а не приметил такого доселе.

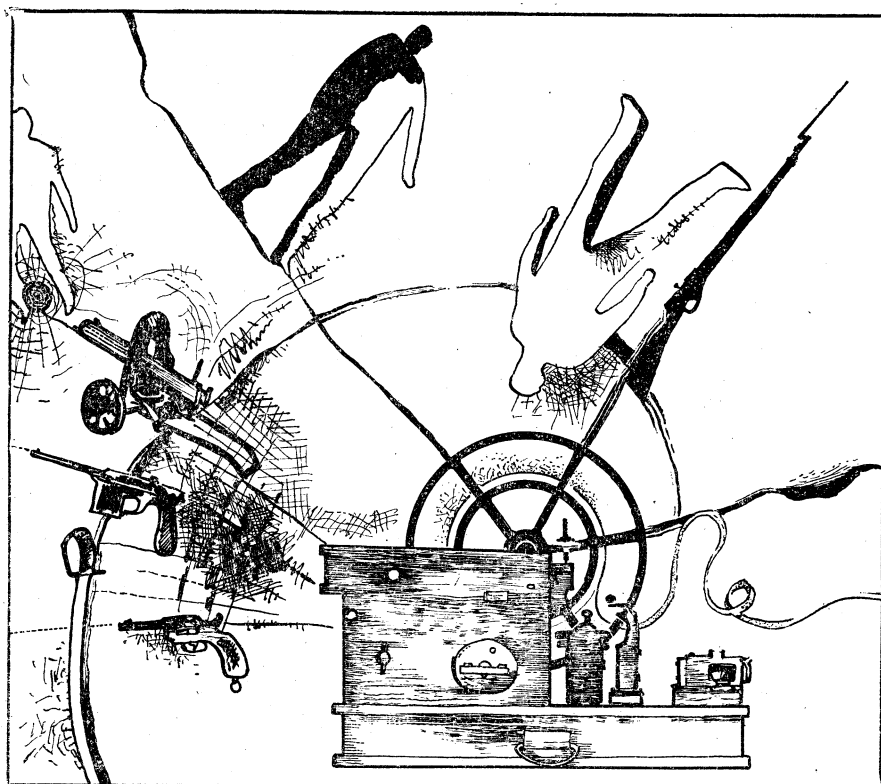
Тянутся
в ленте закатной
березы —
розовые.

Белые омуты,
черные ели,
пашни да кровли
облачно-серые.

Тихость сквозная...
Дерево-заревое
у сердцевины
севера старого.

Баллада о потерянном ИМЕНИ

Перед вами опыт автобиографии и самозащиты бывшего большевика, нелегала-профессионала, сотника боевой дружины, политэмигранта, делегата II Всероссийского съезда Советов, участника Октябрьского переворота в Петрограде, комиссара Военно-революционного комитета, заместителя председателя ВЧК, комиссара ВЦИК по перевозке царской семьи, командующего Урало-Оренбургским фронтом, участника революционного движения, сотрудника советских представительств и газет в Китае, заключенного английской тюрьмы и Соловецкого лагеря, ударника строительства Беломорско-Балтийского канала имени Сталина, ответственного работника Сиблага, снабженца и врага народа К. А. Мячина-Яковлева-Стояновича (подпольные клички Андрей, Азиат, Овод, Сотник, Тормос, Николай, Базиль, Крылов, Антон, Костя-боевик).

Рисунки Владимира Ганзина

К

«Ответ клеветникам

великому моему удивлению, некоторые лица... воспользовавшись моим отсутствием в СССР, в своих мемуарах и записках уделили значительное место моей работе с целью очернить меня... Это заставляет меня взяться за перо...

В ответ моим клеветникам я противопоставляю это простое описание моей жизни, о которой я с гордостью могу сказать:

— Да, я провел бурную, полную опасностей жизнь боевика-революционера и мне есть чем гордиться перед пролетарскими массами».

Обращение написано блеклыми чернилами, крупно, разборчиво. Под ним дата: 8.7.31 г. К тому времени Мячин-Яковлев уже два года сидит в печально знаменитом первом ГУЛАГа Соловецком лагере. Среди уголовников и врагов по борьбе. Можно понять его отчаяние. Письмо Генсеку и главе ОГПУ: «Не наступил ли момент развязать мне руки, чтобы я снова мог служить Республике и партии, как служил ей всю жизнь?» Никакого ответа. Газеты обливают его грязью — старые товарищи молчат. «Думаю... закончить свою карьеру в области слезниц... У дедушки Калинина имеется громадный запас хорошо отпечатанных ответов. Ты еще не успеешь подумать написать ему слезницу, а он уж тебе, пожалуйста, ответ: «Отказать...» — пишет Мячин в те дни своей жене Ольге Ильиничне. — Давай, Лелька, бросим это безнадежное дело. Поддерживать нас некому. Я ведь грешник среди своих старых коммунистов».

А теперь обратимся к «Перечню боевых эпизодов», к своего рода конспекту революционной автобиографии Константина Алексеевича Мячина.

БЕЗУМСТВО ХРАБРЫХ.

Мячин. Урал — граница. 1903—1910 гг.

1903—1904 гг. Первое знакомство с революционерами. Разброска прокламаций. Вступление в кружок Прокопьевой-Николаевской. Чтение революционной литературы, лекции. Связь с рабочими железнодорожных мастерских Уфы: Алексакиным, Мыльниковым, Хаустовым, Трясоноговым и другими.

Шел Косте тогда семнадцатый, трудовому его стажу — шестой. Сирота, отец умер в год его рождения. Опекал старший брат Александр, приказчик в обувном магазине, двигал по своей линии. Костя был мальчиком на побегушках, пока не устроился на «железке». Здесь его «испортили», и брат, как отпетого, за участие в кружках выгнал на улицу.

1905 год. Стал большевиком. Борьба с черной сотней. Перевозка бомб с дачи «Золотое дно» в город. Охрана митингов, собраний, явок. Сражение с казаками в железнодорожных мастерских 9 декабря. Попытки покушения на полицмейстера и взрыва казарм с казаками. Не удалось.

А сражение с казаками, где юному Мячину-Оводу (романтика!) выпало по жребию бросать бомбы и тем самым принять боевое крещение, вошло в историю первой русской революции на Южном Урале как одно из немногих вооруженных выступлений.

В тот день в мастерских собрался общегородской митинг. Охраняли местные дружинники, в основном такой молодняк, как Костя. Власти стянули сюда казаков и сол-

дат. Рабочими командовал лидер уфимских большевиков Якутов. Он призвал поддержать восставших москвичей и дать защитникам трона вооруженный отпор. Когда те придвинулись к корпусу, в них полетели бомбы. Казаки отступили. Начали обстрел, затем пошли на приступ.

Были аресты и суд. Якутова приговорили к виселице. Казнили. Бомбистов никто не выдал. По воспоминаниям, ими были Кадомцевы Иван с Михаилом. О третьем бомбисте не упоминается. Им был Мячин. Поймали бы, вместе ему вместе с Якутовым.

1906—1907 гг. Метание бомбы в квартиру руководителя черносотенцев. Экспроприация токарного станка для обточки оболочек бомб. Экспроприация шрифта (несколько пудов) и краски в типографии Зайцева для организации подпольной типографии.

Организация боевой дружины в Екатеринбурге и Златоусте, создание дружин на Симском, Миньярском и других горных заводах. Конференция боевых организаций Урала на Александровской сопке у Златоуста. Преследование жандармами. Бегство с документами.

Экспроприация оружия на винном складе (95 браунингов, десять тысяч патронов). Экс на динамитном складе возле Катав-Ивановска. Взято несколько пудов динамита, пироксилина, капсюлей с гремучей ртутью. Первое неудачное (благодаря его оплошности) нападение на почтовый поезд. Второе нападение и разезда Воронки (взято 25 тысяч рублей). Перевозка динамита в Уфу на паровозе с Трегубовым. Третье нападение на поезд у станции Дема (взято около 250 тысяч рублей). Работа в бомбовой мастерской. Подготовка побега из тюрьмы Михаила Гузакова. Передача трех браунингов, ядовитых веществ. Отказ Гузакова от побега.

Надо отметить на редкость удачное проведение экспроприаций. За небольшим исключением, они проводились успешно. Ни одного раненого или убитого. Один только арест — Михаила Кадомцева. Все это говорит о высокой организации боевой работы, которой руководили братья Эразм, Михаил и Иван Кадомцевы, а также Костя Мячин. После того, как они выбыли из игры, — арест Михаила, эмиграция Ивана и Эразма, — Мячин стал сотником боевой дружины.

1908 год. Первый миасский экс (взято 40 тысяч рублей). Он вошел в историю боевых отрядов народного вооружения¹.

1909—1910 годы. Второй миасский экс (взято 95 тысяч рублей). Предательство. Разгром организации, аресты. Совещание боевиков в Уфе после экса на даче «Золотое дно». Решение: на взятые деньги организовать партийную школу. Командировка на Капри к Максиму Горькому. Каприйская школа. Концентрация оставшихся боевиков в Бельгии. Переговоры с Горьким об организации протеста общественности Европы против суда над боевиками в Челябинске. Организация Болонской партийной школы. Занятия ведут Троцкий, Коллонтай, Менжинский, Маслов, Богданов, Покровский, Луначарский и другие лидеры партии. Редактирование партийной газеты в школе. Преследование школы российской охранкой. Помощь итальянских революционеров. Поездка всей школы в Париж к Ленину.

1911 год. Постановление боевой организации захватить киевское казначейство. Командировка в Киев. Встреча в Берлине с Каутским у него на квартире в присутствии Коллонтай. Приезд в Питер. Преследование охранкой... Разведка в Киеве. Подготовка охранкой встречи в Киеве царя. Выдача конспиративной квартиры предателем. Бегство на север Финляндии.

Во время охоты охраны за Константином Мячиным, многих переходов границы он потерял свое имя, данное при крещении, обрел имя-маску. Не стало Мячина, стал Василий Васильевич Яковлев. Был подлинный Яковлев бедным петербургским студентом и потерял паспорт. За

¹ См. А. Моисеев. Миасские экссы. «Уральский следопыт», 1990, № 7.

«потерю» получил чуть ли не сто рублей. Под этим именем Мячин спасался в эмиграции, Яковлевым вошел в историю Октября и начала Советской власти, Яковлевым ушел в новую эмиграцию.

ВООРУЖЕНИЕ ДЛЯ ЦЕЛОЙ АРМИИ.

Яковлев. Финляндия. 1911 г.

Из одиссей Яковлева в Финляндии обратим внимание на дело «Джона Графтона». В августе пятого года газеты сообщили о таинственной гибели загадочного парохода. Цитируем «Финляндскую газету»:

«Таинственный пароход

В трех милях от Кеми сел на мель пароход. Таможенные досмотрщики на патрульной шлюпке подъехали к пароходу, взойшли на борт и выразили желание его осмотреть. Их встретила вооруженная команда, говорящая по-английски. Досмотрщикам предложили или взлететь в воздух, или сейчас же удалиться. Оба досмотрщика были заперты в каюте, где им угрожали револьверами. Спустя час они оставили судно, а через двадцать минут после их удаления раздался взрыв.

Вернувшись к судну, обнаружили, что оно затонуло, а команда скрылась.

К месту взрыва отправлены военные суда. Выловлены ящики с ружьями и штыками швейцарской работы, обнаружены также водонепроницаемые ящики с патронами, всего 120 тысяч патронов. Ружьем найдено 5 тысяч штук».

За несколько месяцев до взрыва доверенные лица японского военного атташе в Швеции закупили в Гамбурге 35 000 винтовок системы «Росс» и 7 500 000 патронов к ним, кроме того у разных бельгийских оружейных фирм 30 000 шестизарядных револьверов и несколько тонн динамита. Груз принял в Гамбурге и Остенде пароход «Эллен» под английским флагом, после погрузки взяв курс на Копенгаген. В Северном море оружие было перегружено в трюм «Джона Графтона», также под английским флагом.

К месту назначения, берегам Финляндии, судно пришло в назначенный срок, но его никто не встретил.

Часть оружия сгрузили на острове Остерботния, остальное решили спрятать в шхерах Ларсмо. Здесь и произошла осечка, заблудились. Да еще привлекли внимание таможенников и береговой охраны. Капитан, латышский социал-демократ Ян Страутман, клячка Каптэс, приказал взорвать судно. По морскому дну разметало тонны динамита и семь с половиной миллионов патронов.

Оружие было предназначено для октябрьского вооруженного восстания. Закупали его эсеры П. Рутенберг, Е. Азеф и финский националист К. Циллиакус на средства, собранные объединенным комитетом революционных партий России. Виновен в гибели «Джона Графтона» Евно Азеф. Это одна из наиболее гениальных по режиссуре провокаций платного сотрудника охраны.

Рыбаки до самой революции подрабатывали ловлей «огнестрельных рыбок», покупатели на них всегда находились. Пытались «рыбачить» и сами революционеры. Из социал-демократов наведывались в шхеры Ларсмо Николай Буренин, член «Боевой технической группы» при ЦК РСДРП, потемкинец Анатолий Бржезовский, представители уральских БОНВ Николай Накоряков и Константин Мячин.

«Начальнику Финляндского Жандармского Управления от Начальника С. Петербургского Охранного отделения.

По сведениям, полученным от Заграничной агентуры через Особый Отдел Департамента Полиции, нам стало известно, что в Борго, д. № 34 по Речной улице, принадлежащем некоему Шебергу, имеющему винный погреб в Гельсингфорсе, проживает какой-то русский. Предполагая, что означенное лицо Мячин, мною за домом Шеберга было установлено наблюдение». На этот раз его предупредили и помощи скрыться.

А в Мустамяках финские патриоты Яковлева-Мячина предупредить не смогли. Но и тут повезло. В перестрелке ему удалось бежать через окно. С месяц прятался в лесу и на даче русского писателя Леонида Андреева. Когда все успокоилось, переправился через шведскую границу.

Это был последний нелегальный переход Мячина. Стало ясно, что охранка следит за каждым шагом. Он стал преступником высшего разряда. За пять лет департамент полиции издал шесть циркуляров с всероссийском розыске Мячина-Яковлева. Его ловила полиция и жандармы всей империи. Такой чести удостаивались немногие революционеры. Фамилия Мячина мелькает в розыскных документах охраны с крайне высокими оценками. «Очень серьезный революционер», «видный работник Рос. Соц.-Дем. Раб. партии», «известный боевик социал-демократов»...

Вот портрет нашего героя из розыскных циркуляров особого отдела полиции:

1909 год. «22 лет, выше среднего роста, шатен, очень маленькие усики, лицо продолговатое, скуластое; носит темные очки, демисезонное коричневое пальто, черные брюки, штилеты и серую «заклепку». Фотографическая карточка при сем полагается».

Через четыре года. «26 лет, выше среднего роста, без бороды и усов, коренастого телосложения, слегка суженные стального цвета глаза, под глазами морщины, придающие лицу старческий вид. Цвет волос темно-русый. Когда в 1911 году ездил в Россию, то волосы у него были выкрашены в рыжий цвет... Одет в черную круглую мягкую шляпу, серое английское пальто с широкими карманами, округленными снаружи; движения порывистые, но уверенные».

К охоте за государственным преступником была подключена и заграничная агентура.

ЛЮБОВЬ ПОДСЛЕДСТВЕННА. Яковлев. Бельгия. 1914—1917 гг.

В марте 1914 года заграничная агентура направляет в Особый отдел Департамента полиции донесение:

«На днях уезжает в Россию некая Наталья Петровна Сиротинская, что-то вроде невесты «Рюрика», и будет находиться с ним в переписке. Возможно, в случае поездки «Рюрика» в Россию, он ее посетит. Жить она будет в Одессе на улице Петра Великого, дом № 9, квартира 3, у своего отца Сиротинского. Сиротинская — студентка, вращалась в эмиграционных кругах Брюсселя».

Тотчас же за ней установлено постоянное наблюдение «на предмет установления связи и ареста Мячина». Дана клячка Дворянка. Наталья Сиротинская охотники отвели роль подсадной утки. Все письма Мячина переписывались. Копии подшивались в розыскное дело:

«Наташа, я совсем теряюсь в догадках об исчезновении моих писем. Мною послано 4 письма, причем ни на одно нет ответа... Или эти длинные письма давно покоятся на дне Вашей глубокой корзины (сиречь корзины Вашего папаша) Или... (и это самое мерзкое «или») письма мои прилипают к рукам идиотов в гороховом пальто...

...Наташа, приезжайте сюда. Я тоже буду очевидно в вечерней школе. Хочу быть инженером... С осени сяду за книги... Мой инженер обещал сделать все возможное, желая поставить меня на рельсы. На рельсах-то, сказал я ему, я уже стою давно. Ну тогда, говорит, ходу прибавим.

Базиль».

3 мая 1914.

Инженером Мячину стать не удалось. Он стал электромонтером высокой квалификации. Работал на заводах Всеобщей компании электричества, участвовал в профсоюзной работе, был секретарем профсоюза на заводе. И конечно, в активе организации большевиков-эмигрантов.

«Наташа, у меня есть к вам небольшая просьба. Я дав-

рисовал Жан-Пьер

но собирался украсить мою мансарду двумя гравюрами. Одна из них это «Грачи прилетели» Саврасова и другая «Над вечным покоем», кажется, Куинджи. Думаю, что найдете, ибо они очень популярны... Затем еще одна просьба. Не можете ли Вы там добыть где-нибудь книгу Брема «Жизнь животных»... попытайтесь найти у знакомых, попросите разрешения послать ее сюда на две недели, не больше, затем, прочитав, я ее вышлю.

Базиль.
Это письмо без даты. Означено только: «воскресенье, вечер». Простим автору ошибку с художником. Возможно, впрочем, речь шла совсем не о картине. И ошибка могла быть вполне предусмотрена.

«Наташа. Получил Ваше письмо сегодня утром. Я, Наташа, нарочно не ходил на работу до 8½ часов утра — ждал почту. Рад до бесконечности... Наташа, по случаю получения письма объявляю амнистию... Если Вы уж приедете когда-нибудь к нам, то я Вас больше не отпускаю.

Сергей. 12 мая 1914 года. Брюссель».

Это письмо предпоследнее в деле по розыску Мячина. Может, влюбленные нашли иные пути связи, недоступные охотникам. А вернее всего, переписка оборвалась. Фронт разорвал Европу. Летом 1914 года началась первая мировая война. Между Бельгией и Россией встала Германия. Мячин, как и все эмигранты, был интернирован.

Письма из Брюсселя перестали приходить, но слежка за Натальей Сиротинской продолжалась. Вот записи в «Дневнике наблюдений»:

«Лето 1914. Зарудинцы — имение Ольшанских, Киев (филеры Погребной и Кулешов), деревня Наумовка — имение Селиверстовой. Харьков (филеры Решевский и Рыбачук). 22 августа Белгород (филеры Савельев и Шустиков). Одесса — 24 августа, 6 сентября выехала на пароходе «Князь Потемкин» к отцу в Очаков, где он призван на воинскую службу». 30 декабря выехала в Варшаву (филеры Волков и Хомутова). В Варшаве Дворянка становится сестрой милосердия. 23 февраля исчезает из-под слежки.

Соблазнительно предполагать, что в эти месяцы она сумела выбраться в Бельгию и встретиться с Мячиным. Но это маловероятно. Вернее всего, она была на передовой, где филерам в штатском делать нечего.

Сиротинская была обнаружена лишь 2 июля в Одессе. Помотала же она своими постоянными разъездами филеров! 17 июля выезжает в Брест-Литовск и Варшаву, 15 сентября снова в Одессе. 2 октября в Москве. 15 октября в Одессе, выехала в Минск.

«...Дочь поручика Наталья Петрова-Сиротинская в форме сестры милосердия 17 сего октября, в 5 часов дня прибыла в Минск, а 18 октября в 12 часов дня с поездом № 61, в вагоне № 1884, 3 класса, предназначенном для воинских чинов и сестер милосердия, выехала на станцию Молодечно...»

Она едет защищать Родину, а за ней слежка.

15 апреля 1916 года филеры фиксируют в дневнике наблюдения, что Дворянка встречается в Киеве со студентом-политехником. Новая любовь? Вероятнее всего. Логично бы прекратить слежку. Ничего подобного. Охранка еще надеется, что чувство пригонит преступника к ней.

С середины 1916 года Дворянка в Одессе, живет дома. Записи обрываются 14 января 1917 года. Последняя свидетельствует, что форму сестры милосердия она не носит, в списках сестер не числится. И это понятно, у нее ребенок.

Через месяц самодержавие рухнет, а охота за Мячиным-Яковлевым продолжается. И похоже, прекращать ее не собираются. Но на дворе уже февраль семнадцатого. Яковлев, как и тысячи других, за кем шла охота, может уже легально возвратиться в Россию.

НА ГРЕБНЕ РЕВОЛЮЦИИ.

Яковлев. Петроград — Москва — Урал. 1917, весна — 1918, весна

Возвращение в Петроград через Стокгольм — Торнео. Встреча со старыми товарищами-партийцами в доме Кшевской. Возвращение на Урал.

В описи документов, изъятых при аресте в 1928 году, значится удостоверение ЦК РСДРП Яковлеву от 27.06.17. за подписью Стасовой. Такие удостоверения вручались наиболее опытным, надежным большевикам.

Избрание председателем Симского Совета и парторганизации. Делегирование на съезд уральских Советов в Екатеринбург. Товарищ (заместитель) председателя. Делегирование на II Всероссийский съезд Советов.

Судя по всему, Яковлев-Мячин прибыл в столицу задолго до октябрьских событий, так как активно участвует в подготовке вооруженного восстания.

Яковлеву поручается самое ответственное дело — обеспечение восстания оружием. Пригодилась его связи с финскими революционерами и националистами.

Поездка по поручению Свердлова в Гельсингфорс и Торнео для переправы оружия в Петроград. Перевозка оружия с Сестрорецкого завода.

Коммунистическая фракция съезда Советов назначает Яковлева комиссаром телеграфных и телефонных станций. Захват с отрядом матросов главной телефонной станции на Мойке. Атака юнкеров на станцию, разоружение, отправка в Кронштадт. Организация специальной ударной группы слушателей из свабургской телеграфной роты для замены забастовавших телефонисток. Уничтожение винных погребов. Встреча с Джоном Ридом.

В описи документов, изъятых при аресте, удостоверение Яковлева на право реквизиции телеграфных аппаратов от 8.11.17. Комиссар ВРК на Центральной телефонной станции — это очень ответственный пост. Телефон — это связь. Не случайно именно за станцию шли самые ожесточенные бои во время восстания. В записях В. И. Ленина за 8 ноября пометка: «530 — телефон Яковлева — комиссара». В документах Октября имя Яковлева встречается многожды, в печатных источниках тоже, но всегда без пояснений, что это за человек. Именно Яковлеву с его отрядом Советское правительство доверяет delicate задание — арест Викжельдора. Всероссийский исполком железнодорожников, руководимый меньшевиками, призвал саботировать Советы с большевиками.

Постановлением Совнаркома выделена пятерка по организации ВЧК в составе: Дзержинский, Ксенофонтов, Ильин, Петерс, Яковлев. На совещании избран первым заместителем председателя. В описи документов, изъятых позднее при аресте, значится удостоверение ВЧК на имя Яковлева № 21 за подписью Дзержинского.

Арест учредителей. Выключение всей телефонной сети в момент разгона учредителей по личному распоряжению Ленина. Вызовы Лениным в Смольный и встречи с ним.

Яковлеву с его отрядом уже как одному из руководителей ВЧК поручается разгон Учредительного собрания. Хрестоматийный эпизод — матрос Железняк объявляет учредителям: «Караул устал!» Мол, пора расходиться. Разгон проходил отнюдь не безболезненно, ведь в составе собрания немало «бывших», все потерявших в революцию, немало заклятых врагов с первых дней. Яковлев был верным офицером революции, и приказ ее командования, как и все другие приказы, выполнил безупречно.

Участие в совещаниях по организации Красной Армии. Командировка на Урал в качестве военного комиссара. Совещание в Уфе всех старых боевиков.

В описи документов, изъятых при аресте, значится удостоверение Яковлева, уполномоченного по организации Красной Армии от 18.02.18 г. Дата, отделенная от этого числа пятью днями, считается днем рождения Советских Вооруженных Сил. У их истоков стоит К. А. Мя-

чин. Он никогда не был военным, но у него богатый опыт создания боевых отрядов народного вооружения (БОНВ), руководства ими. По своей структуре, разработанной Эразмом Кадомцевым в годы первой русской революции, БОНВ представляли народную армию.

Яковлеву-Мячину доверят высокий пост — военный комиссар огромнейшей Уральской области, в нее входила территория всех нынешних уральских областей и республик. Трудно сказать, каким бы он был военным комиссаром. Приступить к обязанности ему не дали: Уралсовет своей властью поставил на эту должность своего человека — Филиппа Голошекина. Ослушание центральной власти? Да. Самодетельность, местничество для Уралсовета, возглавляемого «леваком» Александром Белобородовым, близким Троцкому, было характерно. Окружение Белобородова было ему под стать.

Конфликт погасил один из организаторов Красной Армии Подвойский. Он взял сторону екатеринбуржцев, аннулировав мандат Яковлева. Тому ничего не оставалось, как уехать в родную Уфу и включиться в местные дела, в основном военно-организационные. Штаб БОНВ поручает ему добыть в центре оружие. В Питер Яковлев едет не с пустыми руками.

Перевозка в Питер 40 вагонов хлеба. Столкновение и перестрелка в пути с самостийными отрядами.

Нагрузка состава пушками, броневиками, винтовками, амуницией для отправки на Урал против Дутова.

Получение от Менжинского 5 млн. руб. для нужд Красной гвардии под личную ответственность. Перевозка 25 млн. руб. из Петрограда в Уфимский банк.

«ГРУЗ ДОЛЖЕН БЫТЬ ДОСТАВЛЕН ЖИВЫМ».

Яковлев. Москва — Тобольск — Екатеринбург. 1918, апрель

Поручение Совнаркома ВЦИК перевезти царскую семью Романовых из Тобольска в Москву. Перевозка. Возвращение в Москву с докладом. Интервью журналисту «Известий».

В воспоминаниях Яковлев-Мячин так описывает обстоятельства получения особого задания правительства:

«Во время остановки в Москве я явился к председателю ВЦИК тов. Свердлову, с которым работал вместе еще в дореволюционное время в подполье на Урале и в Петрограде. Я передал членам ВЦИКа, сидевшим в то время на голодных пайках, несколько мешков калачей, привезенных нами из Уфы...

Свердлова я встретил в Кремле в его кабинете. После нескольких обычных теплых товарищеских приветствий... как обычно, твердо и определенно заговорил товарищ Яков.

— Я тебя давно ждал. У меня есть с тобой секретный разговор. Сейчас мне некогда... После заседания ВЦИКа приходи прямо ко мне в кабинет...

После я узнал, что в это время у него проходило совещание с тов. Лениным по предстоящему мне поручению... Через час пришел Яков.

— Ну, дело вот в чем, — прямо и решительно приступил к делу Свердлов. — Совет Народных Комиссаров постановил вывезти Романовых из Тобольска пока на Урал.

Я весь вспыхнул огнем — заговорила старая уральская боевая закваска.

— Исполню в точности, товарищ Свердлов, — ответил я. — Каковы будут мои полномочия?

— Полная инициатива... Мандат получишь за подписью Председателя Совнаркома товарища Ленина и моей, с правами до расстрела, кто не исполнит твоих распоряжений. Только уральцы уже потерпели поражение. Екатеринбургский Совет... хотел увезти Романовых — охрана не дала. Омский Совет... тоже ничего не смог сделать. Там теперь несколько отрядов и может произойти кровопролитие... Там такая каша, надо скорее расхлебать... Все уральские отряды будут в твоём распоряжении... Во

всех твоих действиях строжайшая конспирация. По всем вопросам... обращай исключительно ко мне. Вызывай по прямому проводу...

Чтобы окончательно убедиться в правильности понятых мною инструкций, я спросил:

— Груз должен быть доставлен живым?

Тов. Свердлов взял мою руку, крепко пожал ее и резко отчеканил:

— Живым. Надеюсь, выполнишь инструкцию в точности. Все нужные телеграммы уже отправлены. Действуй конспиративно. Ну, прощай».

О самой перевозке царя написано много. Скажем только, что Яковлев-Мячин выполнил приказ, как всегда, строго по инструкции: доставил «груз» живым. Хотя это чуть было не стоило ему жизни. Узнав, что екатеринбуржцы решили в пути инсценировать нападение и перестрелять Романовых «случайно», он повернул на Омск. За что был объявлен Уралсоветом изменником революции, подлежащим немедленному расстрелу. Лишь вмешательство Свердлова, добившегося от екатеринбуржцев обещания, что без разрешения центра Романовых пальцем не тронут (увы, слово они не сдержали), спасло тогда Яковлева от расправы. Его хотели арестовать и после сдачи царской семьи в Екатеринбурге. Он вспоминает об этом так:

«Голошекин сказал:

— Ваше счастье, Яковлев, что Ленин за вас! Все ваши действия он считает правильными. — Он крикнул, помолчал немного, а потом дружеским тоном продолжал: — Эх, Яковлев, революционность вы все-таки потеряли.

Это было уже для меня ново. Уральцы действительно крепко рассердились и, вероятно, никогда не простят мне своей собственной оплошности».

Он оказался прав. Екатеринбургцы его не простили. В их воспоминаниях — печатных и архивных — нет ни одного доброго, даже правдивого слова не только в адрес Яковлева, но и всего отряда южноуральцев, который сопровождал последний царский поезд.

Вот строки из обращения Мячина к товарищам из Соловецкого лагеря, где он пытался снять с себя обвинения. Их три. Первое — в попытке «воровства» Романовых. «...В инциденте с перевозкой Романовых из Тобольска в Екатеринбург я был прав и действовал по распоряжению центра. Я доказал это документально: телеграфными лентами моих переговоров (со Свердловым). К сожалению, мои документы не опубликованы в партийных органах, и потому все мои друзья и личные враги находятся в этом вопросе в полном неверии».

Документы, о которых пишет Яковлев-Мячин, занесены в опись 1928 года: копии документов по перевозке Романовых (58); оригинал документов; телеграфная лента переговоров со Свердловым; документы Омского совдепа; постановление президиума областного Совета Урала о снятии обвинения с Яковлева в измене за подписью Белобородова от 30.04.18.

КРАСНЫЙ ГЕНЕРАЛ БЕЗ АРМИИ.

Яковлев. Самара — Уфа. 1918, май — июль

В «перечне боевых эпизодов» об этих месяцах сказано: Назначение командующим Самаро-Урало-Оренбургским фронтом. Разоружение самостийных отрядов. Поездка в Оренбург. Смещение мной Блюхера. Подавление мятежа анархистов-матросов в Самаре.

Мое распоряжение взорвать ж/дорожный мост и линию. Отмена моих распоряжений тов. Подвойским. Отправка двух вагонов оружия в Симский округ для нужд партизанщины. Отсутствие армии. Напор чехословаков. Отступление в Уфу. Троцкий с Подвойским, Кобозевым, уральцами. Назначение вместо меня командующим фронтом Муравьева. Приезд тройки: Кобозев, Благодрагов, Муравьев. Отказ от командования Уфимским фронтом.

Яковлев получил назначение сразу же после отчета за перевозку царской семьи. Отчитывался со своим заместителем Петром Гузаковым. Их слушали Ленин, Свердлов и Антонов-Овсеенко, бывший тогда одним из наркомвоенмором республики. Действия их были признаны правильными. И сразу же назначение: Яковлев — комфронт, Гузаков — его заместителем. Задание — добить Дютова. Против него действовало несколько отрядов, несогласованность мешала завершить разгром.

В ночь на 27 мая бикфордовым шнуром по великой трансматериковой железнодорожной магистрали рванул мятеж чехословацкого легиона, и Самара из тылового превратилась во фронтовой город. В Самаре было объявлено эсеровское правительство — Комуч (Комитет членов Учредительного собрания). Заявив, что они совсем не против Советов, а против засылая в них большевиков, эсеры сумели привлечь на свою сторону народ и в считанные дни создали многочисленную Народную армию. Заслоном на ее пути у Кинели встали красногвардейцы южноуральских БОНВ. Больше месяца под началом Яковлева и Гузакова они сдерживали народоармейцев с белочехами. Чехарда в руководстве, измена военспецов помогли белым сломить сопротивление.

В Уфе оказалось сразу три комфронтами: Урало-Оренбургским — Яковлев, Уфимско-Самарским — Блохин, Чишминским — Хлебников. Здесь же начальник Уфимского полевого штаба эсер Махин и присланный командующим только что образованным (пока на бумаге) Восточным фронтом эсер Муравьев. Командует и находящийся в Уфе один из наркомвоенмором Подвойский.

20 июня Муравьев издает приказ об образовании на Восточном фронте четырех армий. Во Вторую сводятся отряды, действующие в районе Уфы. Командующим назначен Яковлев, заместителем — Гузаков. Через неделю Яковлева заменяют Махиным. Штаб БОНВ предложил для подготовки партизанской борьбы образовать Горный штаб. Махин пробовал сорвать это дело, а когда вопреки ему штаб был-таки создан, сделал все, чтобы он не работал. Чуть ли не тайком от него завозили в горы оружие. Занимались этим Яковлев с Гузаковым. Вскоре Махин сбегал к белым, захватив все секретные бумаги штаба Второй армии.

Перебежчика сразу поставили командующим Хвалынской группой Народной армии, действующей против красного Царицына. Но уже через полгода эсер Махин прозрел. На сторону красных Махин так и не перешел, очевидно, убоявшись возмездия, а эмигрировал. Позднее вступил в Югославскую компартию, воевал с фашистами, будучи одним из заместителей Иосипа Броз Тито в партизанской армии. Вышел в отставку генерал-лейтенантом.

Махина сменил новый посланец Муравьева — Харченко, тоже эсер, тоже военспец. И этот перебежал к белым, прихватив около четырех миллионов армейской казны. Его предательство помогло белым. 5 июля они вошли в Уфу.

ЧЕРНАЯ ОСЕНЬ ВОСЕМНАДЦАТОГО.

Яковлев. Уфа — Омск

Черная, потому что именно тогда Константин Мячин совершил поступок, который ему не прощен до сих пор. Он перешел на сторону белых. Трудно в это поверить, ознакомившись с его революционной биографией, но было так. Перешел, и белые газеты поместили его обращение.

«Солдатам Красной Армии»

К Вам обращаюсь я с этим письмом, к Вам, рядовые солдаты, а не к вашим безответственным руководителям, которые по своему произволу вершат судьбы нашей бедной истерзанной страны...

Еще когда я был на советской территории, мне безумно хотелось кликнуть клич среди вас. Красноармейцы, довольно крови, напрасной крови, бессмысленной нам, борьба напрасна, бесполезна.

...Все те, с которыми я делился своими мыслями и от них не скрывал своей глубокой грусти по поводу того, что творится в Советской власти, поймут, что если я решился окончательно уйти из лагеря большевиков несколько месяцев тому назад, то на это были глубокие причины, и что я пришел сюда именно в тот момент, когда войска Учред. собрания отступали от Казани и Самары, лишний раз подтверждает. Подумайте и вы, солдаты Красной Армии, над этим и вслушайтесь в то, что я буду говорить вам.

Советская власть, желая перешагнуть законы, по которым идет развитие народов, и желая дать разом царство земное — социализм, приносит лишь царство небесное всем тем, кто хоть на йоту верит иначе, чем приверженцы Советской власти. Забывши все законы, Советская власть все разрушает на своем пути, губит страну своими опытами.

Развилась звериные инстинкты, развилась каста людей, опьяненная этой властью, и вместо лучезарного царства социализма воцарятся грубый произвол наследников царского режима.

Вам говорят о скорой победе Советской власти.

Это неправда.

Помните, красноармейцы, наступил момент грозный, со всеми губительными для каждого русского человека последствиями, и если не произойдет объединение со сторонниками Учредительного собрания, то наша страна будет окончательно порабощена, и погибнут тогда все завоевания Русской революции.

Наступил момент, когда каждому нужно задуматься над тем, какая участь готовится нашей истерзанной России.

Теперь для России вопрос жизни и смерти.

Вы должны сами решить участь Советской России и протянуть руку сторонникам Учредительного собрания. Не бойтесь: она не будет оттолкнута, и всякий, кто бы из вас захотел открыто и честно заявить об этом, тот встретил бы на территории Учредительного собрания лишь одно полное сочувствие...

Вот, солдаты Красной Армии, то, что заставляет меня сказать Вам — мой долг, долг бывшего вашего начальника.

Бывший Главнокомандующий большевистским Урало-Оренбургским фронтом В. Яковлев.

Победоносное для эсеро-меньшевистского «народовластия» лето закончилось боями на Волге. Становая река России стала рубежной и в великом противостоянии красного и белого. Пали Самара, Симбирск, Казань. До сердца страны, Москвы, осталось полсутки поездом. Казалось, гибель революции предreshена. Но сентябрь повернул события вспять. 10-го вернули Казань. Через пять дней командир Железной дивизии Гай телеграфировал Ленину, еще не оправившемуся от пули эсерки Каплан: «Дорогой Владимир Ильич! Взятие Вашего родного города — это ответ за вашу одну рану, а за вторую будет Самара». 3 октября была освобождена Сызрань, через четыре дня белые оставили Самару. В эти же дни дутовцы разгромлены под Орском. 16 октября была освобождена Бугульма, 29-го — Бугуруслан, 8 ноября — Ижевск.

Умышленно даю победоносную хронику осени восемнадцатого, чтобы показать, как нелогичен поступок Яковлева-Мячина. Почему он одним махом перечеркнул свое революционное прошлое? Почему именно в ноябре, когда белые отступают? Есть ли хоть капля здравого смысла в поступке революционера? Кто может объяснить его поступок, кроме него самого?

Из обращения Стояновича-Мячина к товарищам-боевикам в 1931 году с Соловков по поводу второго обвинения:

«Все мыльные пузыри досужих писак о моей чуть ли не контрреволюционной деятельности лопнули тут же, лишь только при моем возвращении из Китая в СССР

мной были предоставлены документальные данные. Однако... мой переход к учредителям остался до сих пор мной не разъясненным. Не придавая большого значения переходу и не ожидая столь сурового наказания, я надеялся... и это обвинение, если не снять с себя совершенно, то по крайней мере разъяснить документальные мотивы моего поступка, но мое заключение...

Петр Гузаков должен помнить, когда он был моим помощником командующего армией, у нас были сомнения в успехе массового наступления... Мы не исключали возможность перехода на партизанщину при занятии территории Урала белыми... Как результат моего убеждения, мною было дано распоряжение отправить два вагона разного оружия в Симский округ и спрятать там в ущельях гор на случай перехода на нелегальное положение».

После падения города уфимцы эвакуировались в Николо-Березовку, а затем в Сарапул. Здесь состоялось совещание боевиков. Речь шла о работе во вражеском тылу.

«На нем я заявил,— пишет Мячин,— что наступило время партизанщины на Урале. Нам, боевикам, необходимо перейти к подпольной работе, я лично решил это сделать и еду в Уфу, район мне более других известный. Охотников кроме меня не оказалось, но никто не возражал против моего решения. По согласованию с Уфимским Советом я получил от соответствующих органов 5 тысяч рублей, тарантас, лошадь, документы и выехал через фронт в Уфу».

В Уфе Мячин находился на нелегальном положении около трех месяцев, скрывался у Василия Горелова (товарищ по боевой дружине). Он ждал связей с фронта, но оттуда никаких известий. Его планы на организацию восстания симских рабочих рухнули. Предатель выдал тайные склады оружия. Мячин пытается организовать подполье, это ему не удается. Вынужденное безделье, отсутствие каких бы то ни было связей, бесполезность пребывания в тылу врага подтолкнули Мячина на шаг, погубивший его.

«Я должен указать на одну психологическую черту боевика, выработавшуюся в процессе длительной борьбы и часто заставлявшую его проявлять значительно большую самостоятельность, чем она допускалась партийными рамками,— объясняет он.— Мы, боевики, не всегда согласовывали свою деятельность с партией... И только наши удачи спасали нас от исключения из партии. Поэтому, когда уезжал я из Сарапула в тыл противника, я по-прежнему был уверен, как старый боевик, что имею тот карт-бланш, которым я всегда пользовался в борьбе с врагами. Касательно работы, я и сам не знал, в какой форме она выльется в подполье, да и трудно было заранее сказать что-либо по этому вопросу... Подробный план я решил выработать на месте.

...Я видел, как учредители сворачивали свои организации и готовились к эвакуации... Бездействие тяготило меня, отступить при таком положении, когда видишь, что достаточно одного внутреннего толчка, чтобы все здание учредителей рухнуло, я считал для себя, как боевика, невозможным. И вот в этот момент у меня созрел план удара противнику в тыл, воспользовавшись для этой цели его же аппаратом...

Итак, я начал опасную игру. Меня могли при первом же моем появлении повесить, не поверив моему заявлению... Опасность была велика, но я шел один и никого в это безумное мероприятие не втягивал...

Если бы мне удалось осуществить задуманное мной дело хоть отчасти, тогда бы результаты моей работы сами оправдали мой поступок, и тогда, разумеется, не в Соловках сидел бы я. Но на этот раз обстоятельства сложились против меня, и меня постигла неудача».

Мячин надеялся, что враги примут его «измену» за чистую монету, доверят высший пост, и он сможет исполнить свой замысел по организации восстания в помощь наступающей Красной Армии.

Поначалу у Мячина все складывалось удачно. В те дни командование чехословаков обнародовало декларацию о прощении и приеме в Народную армию всех, кто воевал с ними. Ею и воспользовался Мячин.

По требованию руководства белых, он написал заявление, свой переход объяснил тем, что разочаровался в партии большевиков и считает себя социалистом-народником, поддерживает идеи Учредительного собрания с его демократией и народовластием. Следует сказать, что политика, проводимая Комучем по отношению к населению, была более мягкой, чем диктатура пролетариата, обусловленная чрезвычайным положением осажденной республики Советов. Именно поэтому Комуч, как и другие эсеровские правительства тех месяцев, пользовались поддержкой уральцев и сибиряков. Для гарантии искренности Мячина вынудили написать обращение к красноармейцам. После такой проверки ему поверили, наказывать за прошлые прегрешения не стали. Тем более, что он связал себя с классом имущих, женившись на дочери купца второй гильдии И. П. Алексеева.

Константину Мячину-Яковлеву было тогда 32 года. Его невесте едва исполнилось 18.

Ольга Ильинична разделила все последующие скитания и мытарства мужа. На всю жизнь обиженная его признанием (проговорился, что женился не по любви, а чтобы обмануть учредителей, войти к ним в доверие), она родила от него трех детей. При малой его помощи, а потом и без него поставила их на ноги. Места их рождения — Харбин, Шанхай, Москва — сами по себе говорят о кочевой ее, совсем не радостной, неустроенной и вечно униженной жизни.

Тогда все вроде бы складывалось, как Мячин задумал. Враги ему поверили. Можно действовать. Но везучему в стольких смертных рисках на сей раз не повезло.

Толчком к крушению замысла послужили события в далеком от Уфы Омске. В ночь на 18 ноября здесь произошел контрреволюционный переворот. Антанте надлегло играть в демократию, она поставила во главе белого движения на востоке, сделав Верховным правителем России, мало смыслящего в политике, но убежденного монархиста адмирала Колчака. Первое, что сделали путчицы — прекратили игру в народовластие. Они не только разогнали эсеровско-меньшевистские правительства, но и пересадили, услав за пределы России и даже порасстреляли их членов. Комуч не избежал общей участи. И разве мог рассчитывать на снисхождение бывший комиссар ВЦИК и командующий красным фронтом, когда вчерашних героев ниспровержения совдепов ставили к стенке.

«Колчаковцы меня арестовали, заявив на допросе, что номер с заявлением не пройдет и что они не такие глупцы, как учредители, чтобы придать мне какую бы то ни было веру. План мой рухнул. Меня увезли под конвоем контрразведчиков в Омск к Колчаку на расправу».

«Когда красные подступали к Уфе, беляки бежали,— вспоминает Ольга Ильинична.— Арестованному Мячину К. А. они разрешили взять с собою меня и Екатерину Ильиничну, его родную тетку... Однажды, уже по дороге к Омску, вернувшись с прогулки, он сказал, что его хотели сейчас расстрелять, но как муж сумел отвести от себя беду, осталось загадкой. Очевиднее всего, умение убеждать и подчинять себе людей. В ту ночь он не спал и все время мне говорил: «Что я наделал!»

Когда приехали в Омск, его сдали белочехам... Я стала ходить на прием к начальнику... и просить отдать мне его на поруки, что и было сделано... накануне Нового года. Как-то, не помню, кто это был, какой-то человек (очевидно, из доброжелателей мужа) сказал: «Будьте готовы!» и указал время отбытия поезда в Харбин. И мы тайком поехали на вокзал, нашли этот поезд, сели и вскоре прибыли в Харбин».

В «перечне эпизодов» об этом смертном месяце сам

Мячин пишет скупое и недосказанное: «Отправка под конвоем в главный штаб (?) на допрос в Челябинск. Арест колчаковцами. В застенках уфимской контрразведки. Требование денег. Угроза расстрелом. Отправка под усиленным конвоем в Челябинск (?). Передача чехам. Отправка в Омск Колчаку. Передача в чешский штаб. Чешская контрразведка. Требование Красильникова моей выдачи. Хлопоты жены перед Кошеком (?). Бегство в Китай при помощи Кошека...»

Сплошные вопросы. На них пока нет ответа.

«Моя тактическая ошибка, подведенная под статью позорного контрреволюционного деяния, если и не сможет как таковая отпасть совершенно, как отпали все прочие, возведенные на меня легкомысленными фантазерами «преступления», то должна будет получать иное освещение, а именно красное, а не черное,— завершает надеждой Мячин объяснение своего поступка.— ...Только для оказания возможно большей помощи своей партии в тылу противника пожертвовал я собой, но не другими, и решил на этот гибельный для себя шаг... Мне трудно доказать целесообразность своего поступка, раз нет налицо положительных результатов моего перехода, а имеется лишь голый факт перехода».

СИНИЙ ДЫМ КИТАЯ.

Стоянович. Харбин — Кантон — Шанхай. 1919—1928 гг.

Подошел к китайской главе жизни Константина Мячина и невольно вспомнилась популярная песня Евгения Долматовского:

В далекий край товарищ улетает.

За ним родные ветры вслед летят.

Любимый город в синей дымке тает...

Пропойте третью строку. Конец ее разве не поется как «синий дым Китая»? Случайное созвучие? Оказывает-ся, нет. Подсознательно случилось у автора оно.

Песню эту Долматовский написал под впечатлением проводов летчиков-интернационалистов. Улетали они в Китай...

Китайская глава жизни Мячина самая смутная, до сих пор подернута синей дымкой тайн.

В обращении к старым товарищам-боевикам Стоянович-Мячин отводит третье обвинение недругов, что он в Китае заодно с белоземляками пакостил нашей стране. Отводит уверенно, но все-таки туманно. Мол, мой приезд из Китая ускорила необходимость.

«Нужно было доказать свою чистоту поведения партийца в работе последних лет в Китае. Задача чрезвычайно трудная, так как работа велась нелегально большей частью и сохранить документы не всегда было возможно. Я все свои 10 лет шаг за шагом развернул перед следственными властями, подтверждая все фактами, и эта часть моей революционной деятельности, как мне заявили в ОГПУ, была расследована детально и дала только благоприятные для меня результаты».

«В Харбине мы нашли комнату и поселились. Муж устроился в ж. д. мастерские. Знаю, что очень скоро он организовал группу товарищей и начал с ними заниматься. Затем вместе с ними организовал забастовку, после которой пошли повальные обыски. Многим, в том числе и мужу, удалось скрыться у товарищей. Они помогли ему достать паспорт на имя Стояновича, дали денег, и через некоторое время ему удалось выехать в Шанхай».

В один абзац уложились китайские воспоминания Ольги Ильиничны.

А «Перечень боевых эпизодов» той поры долгий. Не сидел без дела Стоянович-Мячин, не мог он жить спокойно. Все переезды, риск. Неумный был человек. Но что расскажешь, если за скупыми строками конспекта автобиографии ни документов, ни воспоминаний. А ведь написать их на Соловках у него время было. Не хотел? Не имел права? Потому, вчитываясь в «эпизоды», можно только предполагать, сопоставляя с хроникой событий в Китае двадцатых годов, чем там занимался Стоянович.

Работа на маньчжурской мельнице. Неудачная забастовка. Увольнение. 1920 год.

Механические мастерские Сунгарийской ж. д. в Харбине. Парторганизация. Подпольная работа. Занятия в рабочих кружках.

Всеобщая забастовка КВЖД. Председатель стачечного комитета и военно-революционного комитета. 1921 год.

Организация боевой дружины и ее деятельность: добыча оружия, денег.

Преследование китайскими властями. Перемена паспорта.

Именно тогда Мячин-Яковлев стал К. А. Стояновичем. Сменив очередной и последний раз фамилию, он вернул имя и отчество — Константин Алексеевич.

Командировка в Южный Китай. Кантон. Поездка под видом торговца солью. В семейном альбоме снимок Стояновича с подписью его рукой: «1921 г. Кантон». Большой, измученный вид. Он тогда уже страдал желудком. Позднее мог есть только манную кашу, соблюдая строгую диету. Оброс черной бородой. В боевой юности он не случайно среди прочих имел кличку Азиат. Очень похож на китаец, а еще на Дзержинского и Подвойского.

Организация первой коммунистической ячейки. Печатание и распространение прокламаций. Издание газеты. Руководство ячейкой, забастовкой, партизанскими выступлениями в тылу реакционных армий: взрывы мостов, агитация и т. д.

Представительство РОСТА, журналистика. Враждебное отношение со стороны англичан.

В архиве Мячина: удостоверение от 10.07.25 о работах его секретарем чайного, рыбного советов, транспортной комиссии и финансового совещания при торгпредстве СССР в Южном Китае в 1924—1925 гг.; удостоверение: «Предъявитель сего есть действительно гражданин Союза Советских Социалистических Республик Стоянович Константин Алексеевич, 39 лет, что и удостоверяется. 15.12.24». Этой же датой отмечено удостоверение о советском гражданстве Стоянович Ольги Ильиничны с детьми Людмилой и Алексеем. На удостоверениях печать и подпись Генерального консула СССР в Шанхае.

Возвращение в Шанхай. Секретарь консульства. Работа в качестве начальника информбюро миссии Бородина. Ведение переговоров с Сунь Ятсеном о приеме миссии. Банкет у Сунь Ятсена. Присутствовали все члены правительства и Гоминдана. Участие в открытии знаменитой военной школы в Ваньпу.

Забастовка на иностранной концессии. Арест на территории англичан. Работа в советских учреждениях, в газетах и информационных агентствах.

Обыск, арест английской полиции как большевика. Три месяца английских и китайских тюрем. Попытки англичан и сторонников Чан Кайши добиться его расстрела. Освобождение консулом т. Козловским.

Участие в охране консульства от белогвардейцев. Прорыв через кольцо белогвардейцев для отправки телеграммы в Москву о разгроме консульства.

Изгнание из Шанхая. Приезд в Харбин. Возвращение в СССР.

В архиве Мячина удостоверение от 18.02.28, Харбин, в том, что он служил на КВЖД в должности коммерческого агента и направляется на постоянное жительство в СССР, прилагается к бесплатному билету № 402 для проезда по железным дорогам СССР.

Подытожим китайскую главу жизни Стояновича-Мячина. С первых же дней новой своей эмиграции он включился в революционное подполье. Он участвует в создании партийных организаций, а значит Коммунистической партии Китая, оформившейся летом 1921 года. Включается в создание китайских профсоюзов. Руководит забастовками и партизанскими выступлениями. Он гражданин СССР. Советские торговые представительства, газет, консульства ему доверяют, он является их сотруд-

ником. Как особое доверие — включение его в миссию Бородина, наделенную Советским правительством значительными полномочиями. Ему постоянно грозят аресты и смерть. Нет, Константин Мячин не изменил себе, делу своей жизни.

В СОВЕТСКИХ ЛАГЕРЯХ.

Стоянович. Соловецкий лагерь — Беломорбалтлаг — Сиблаг. 1929—1937 гг.

Последние строки «Перечня боевых эпизодов...»:

Заявление тт. Сталину и Менжинскому. Арест. Внутренняя тюрьма НКВД. Бутырки. Соловки.

В описи документов, изъятых при аресте, значатся: заявление Яковлева Ген. секр. ЦК ВКП(б) Сталину и начальнику ОГПУ Менжинскому от 12.03.28; копия письма Яковлева товарищам по подполью и революционной работе от 12.03.28.

В декабре 1927 года Мячин отправил из Китая семью в СССР — в Уфу, к родственникам, сам же приехал несколько позднее. С семьей был совсем немного, уехал в Москву устроить жизнь. Думается, он надеялся, что заслужил своей добросовестной, самоотверженной работой в Китае поощрения и хорошего назначения, и якобы был такой разговор. Но наградой ему за все стал арест.

Следствие шло чуть ли не год. Все обвинения в ходе его были сняты, кроме измены осенью восемнадцатого. Суд состоялся в июне 1929 года. Приговор зачитан 28 июня. 10 лет заключения. Так был расценен его переход к учредиловцам.

Соловецкий лагерь. Беломорлаг. Ровно четыре года. Освобожден досрочно со справкой: «Согласно постановлению Центрального Исполнительного комитета от 4 августа 1933 г. за самоотверженную работу на строительстве Беломорско-Балтийского канала им. тов. Сталина с Вас снята судимость и Вы восстановлены в гражданских правах».

Какова же судьба ударника Беломорканалстроя? В семейном архиве хранится такой документ:

«Справка

Дана настоящая начальнику Осиновской группы 2-го отделения Сиблага ОГПУ тов. Стояновичу К. А. в том, что на его иждивении находятся: жена его Стоянович Ольга Ильинична, дети: Людмила, 13 лет, Алексѣй, 12 лет, Ирина, 5 лет. Всего иждивенцев четыре...»

Справка датирована ноябрем 1933 года. Значит, в это время он уже в системе лагерей Сибири был отнюдь не рядовым работником. Согласитесь, невообразимо превращение вчерашнего зека да еще с таким серьезным обвинением, как контрреволюция.

Служебную карьеру бывшего контрреволюционера освещает пункт 19 «Личного листка по учету кадров», заполненного К. А. Стояновичем 7.06.37 г.: «Рабочий стаж... 1927—1937. Кемь. Белбалтлаг, административно-хозяйственная работа. Осиновка, Томск. Начальник лагеря, начальник колонии, начальник коммунального отдела».

Через 20 дней после заполнения «Личного листка...» Стоянович-Мячин пишет в Москву Сталину и Ежову:

...С 1936 года началось непонятное для меня гонение. Меня уволили, затем снова приняли на работу, затем в 1937 году в марте месяце снова и окончательно уволили без объяснения причин. Вокруг моего имени создали такую обстановку, что вот уже три месяца, как я не могу нигде получить себе работу... Если уж в НКВД за мной значится еще какое-нибудь преступление (нельзя же допустить, чтобы за одно и то же преступление я снова нес наказание), то меня необходимо немедленно арестовать и снова судить...

Я категорически заявляю, что я ни в чем не виновен...

Прошу Вас дать распоряжение расследовать мое дело и дать мне возможность жить и работать. Если я не получу ожидаемой от Вас защиты, то я буду везде и всюду, где бы ни был, предметом постоянной травли и преследований. Прошу защитить!»

Кремль Стояновичу не ответил, Лубянка тоже. Но без внимания не оставила: он устроился в отдел снабжения инструментального завода в Ворсме Горьковской области. Поработать здесь ему дали совсем немного.

Дочь Мячина Людмила Константиновна считает, что он пострадал из-за своего характера. Лейтенант в синей фуражке, шит и меч на рукаве, поинтересовался, как это он оказался в Китае. Стоянович вдаваться в разъяснения не посчитал нужным, вспылил: докладывать каждому сопляку не обязан. Тот, конечно, удовлетворил любопытство. Семья проводила отца и мужа в командировку и больше не видела. Он был взят на вокзале.

Думается, характер тут ни при чем. Стоянович был обречен. Переход к учредиловцам снова стал поводом для ареста. Дважды за одно не судят? Может, где-то и нет. Конечно же, Стоянович оказался и «провокатором охраны», и «изменником Родины», и «шпионом» чуть ли не всех вражеских разведок. Следователи Лубянки свое дело знали.

В сообщении родным о смерти было сказано, что К. А. Стоянович-Мячин умер 16 сентября 1938 года. Какой смертью, не уточнено. Вопрос снимает дата приговора. Он вынесен был Военной коллегией Верховного суда СССР 16 сентября 1938 года. В день смерти. Удивительное совпадение! Скор был на расправу сталинский суд и обжалованию не подлежал.

КТО ТЫ, СТОЯНОВИЧ-ЯКОВЛЕВ-МЯЧИН?

Константин Мячин реабилитирован посмертно, уже двадцать лет как реабилитирован. Сегодня стена умолчания вокруг его имени рухнула. А удовлетворения нет. По-прежнему стоят вопросы над поворотами его судьбы.

Почему же все-таки он изменил в восемнадцатом? Как могли доверить ему работу в подполье Китая? За что англичане хотели его расстрелять? Почему он уже через считанные годы после своего преступления получил советское гражданство? Простили? Но за что же тогда Соловки и Беломорканал? Все-таки виновен? Но ведь и полсрока не сидел. За самоотверженный труд на Беломорканале? Да не гоняли его на трассу. Он бы земляной каторги с его желудком просто не выдержал, да и ноги к тому времени плохи стали. На Соловках и Беломорканале он мог поддержать здоровье только на хозяйственно-административной работе. Ему был создан шадящий режим. За что такие привилегии изменнику Родины?

А как понять умопомрачительный курбет при освобождении? Вчерашний лагерник — начальник лагеря!

А может быть, все-таки странности в жизни Мячина-Яковлева-Стояновича не случайны. Он участвовал в создании ВЧК, был среди первых чекистов, в системе НКВД закончил свою гражданскую жизнь. Так почему бы не считать его чекистский стаж непрерывным? Разве не мог он перейти к белым по заданию? Разве не мог быть в Китае советским разведчиком? Журналист, сотрудник советских представительств. Это же почти узаконенное прикрытые разведчиков во всем мире. Вспомни Рихарда Зорге. Тоже журналист и тоже начинал в Китае, причем после отъезда Стояновича и тоже в Шанхае.

Тайны последнего двадцатилетия Константина Мячина, думается, хранят архивы КГБ. Лишь доступ к ним, естественный в пору открытости и гласности, дает возможность отобразить полный, не искаженный образ этой незаурядной личности.

Послушаем напоследок голос его из далекого тридцать первого года, с Соловков. Зов надежды, обращенный в будущее, к нам с вами:

«Найдется же со временем беспристрастный историк, который вынесет на свет это трагическое дело, едва ли по своей ужасной сути имеющее прецедент даже в нашей величайшей революции, и предаст его на суд нового поколения, которое сможет уже более спокойно и объективно отнестись к старому ветерану двух революций».

Много откликов и предложений вызвал очерк о судьбе Далматовского Успенского монастыря («Уральский следопыт», 1990, № 4).

ЧИТАТЕЛЬ ДОПОЛНЯЕТ

Опасность не миновала

Успенский монастырь — это чудо, не поддающееся природному воздействию, но людское равнодушие нашло способ разрушения. Его результаты были бы еще плачевнее, если бы в 1951 году не заступился за монастырь генерал-майор Дмитрий Андреевич Терюхов.

Но даже и в наши дни кто может сказать, что монастырь уже вне опасности? Завод уходит, а на его место вселились сразу два предприятия. СМУ-5 спихало бульдозером монастырское кладбище. На территории монастыря грохочет тяжелая техника.

Сегодня много говорят о реставрации монастыря, но дальше разговоров не идут: то нет материалов, то людей. И удивляешься: как же наши предки, не имея ни техники, ни многого другого, сооружали такие прекрасные храмы и здания? А мы даже ремонт не знаем, с какой стороны начать.

Неужели наше поколение родилось для того, чтобы все разрушить?

А. ЖЕРНАКОВ,
член комитета спасения
Далматовского
Успенского монастыря

Строители Пауесовы

Родиной моего отца А. Д. Пауесова было село Першино Далматовского района. В родословной Пауесовых его земляк М. П. Бирюков писал: «Весной 1708 г. вместе с шестью другими мастерами-каменщиками из г. Соликамска в село Никольское (Далматово) прибыла по вербовке семья Пауесова Мелентия Потапови-

ча (1665—1728), жена его Степанида Григорьевна и трое сыновей: Сидор, Иван и Петр.

По прибытии в Далматовский монастырь сам отец и два старших сына, Сидор и Иван, стали штатными монастырскими каменщиками, а по мере подрастания в эту работу включились и младшие сыновья — Петр и Павел. Но так как в монастырь вербовались только отец со старшими сыновьями, то младшие занялись затем сельским хозяйством (они были в числе монастырских крестьян, основавших д. Першино).

В 1712 году старший сын Сидор был слан в рекруты.

Мелентий Потапович с сыном Иваном проработал в монастыре 17 лет. Их руками сложено около 1/7 всех крепостных стен вокруг монастыря, главный монастырский собор и многие каменные жилые и хозяйственные помещения».

Кстати, Петр Пауесов был одним из вожakov антифеодального выступления монастырских крестьян.

Вот такие сведения мы имеем благодаря Михаилу Павловичу Бирюкову. Не могу не поделиться ими.

Э. ПОПОВА,
г. Свердловск

ЧИТАТЕЛЬ ПРЕДЛАГАЕТ

Музей-заповедник

На базе всего монастырского комплекса предлагаю создать Государственный музей-заповедник истории, архитектуры, просвещения и народных промыслов Зауралья.

Музей может объединить центры: научно-просветительный — с краеведческим музеем, клубом, библиотекой, архивом; культурно-исторический — с концертным залом, музыкальными классами, кинотеатром, кафе, туристическим бюро, магазином «Союзпечать», салонами сувениров, фотографией; ремесленно-хозяйственный — по возрождению народных промыслов и многоукладного хозяйства на землях заповедника.

Способы возрождения, вероятно, придется искать, изучая опыт, имею-

щийся в нашей стране и за ее пределами (Соловки, музей-заповедник в Габрово и т. д.).

Кроме государственных, придется находить и другие источники бюджета: счет в банке на реставрацию монастыря; компенсация ущерба, причиненного монастырю заводом, строителями, частными лицами; благотворительные акции со стороны советских миллионеров (академики, чемпионы и т. п.); часть доходов от туризма, ремесел и промыслов; часть доходов церкви; лотереи и т. п.

Возрождение бывшего Успенского монастыря положительно скажется на всех сферах жизни г. Далматово и области. Легче будут решаться вопросы занятости населения в периоды безработицы, которая неизбежна при рыночной экономике.

Р. КУЛЬТИКОВА,
г. Нижний Тагил

Требуется энтузиаст

Прочитал о Далматовском монастыре, посмотрел фотографии, и такая меня грусть взяла, что не смог не написать вам. Что же это происходит в нашей стране? Неужели мы совсем потеряли чувство гордости за свою Родину, что смогли довести до такого состояния наши исторические места?

В отношении того, как спасти остатки монастыря, мое мнение такое. Прежде всего надо найти того, кто бы мог возглавить кампанию по спасению — из числа энтузиастов, живущих в этой местности. Неплохо было бы опубликовать эти снимки не только в «Уральском следопыте», но и в других журналах, чтобы привлечь к спасению монастыря больше людей. Необходимо как можно быстрее освободить монастырь от различных мастерских и предприятий. Открыть счет в Госбанке СССР на восстановление монастыря.

Готов перечислить определенную сумму на возрождение памятника старины.

А. БАРАНОВ,
г. Нижние Серги

Неотяготительный налог

Журнал поднимает вопрос о судьбе монастыря в Далматово и о способах его возрождения. К этому можно и нужно присоединить проблему Николаевского монастыря в Верхотурье и сотен других церквей на Урале. Они должны быть восстановлены и действовать в своем изначальном предназначении. Но верующим сегодня не под силу поднять такую глыбу. Нужна финансовая помощь. В нравственном аспекте это было бы вернее всего сделать всем миром, ведь громили-то храмы собора, значит, и вину искупать следует всем, не ожидая, когда в той или иной душе созреет гражданский порыв совести. Надо просто-напросто обложить все работающее и руководящее население неотяготительным налогом, скажем, по рублю в месяц, с членов партии — по два рубля, а сколько будет пожертвовано сверх того — воля каждого. Эта акция стала бы хорошим примером солидарной ответственности населения за преступные эксперименты в обществе.

Считаю, что церковные колокола следует восстановить только на погребения от предлагаемого налога. Колокол — это символ памяти...

О. ЛУЗЯНИНОВ,
г. Нижний Тагил

ЧИТАТЕЛЬ ОТВЕЧАЕТ

Медаль из бабушкиного сундука

Так называлась заметка-вопрос читателя Н. Семенова из Кемерово, напечатанная в нашем журнале (1990, № 3). Публикуем ответ, который показался нам наиболее полным, с дополнениями к нему члена правления секции коллекционеров при Свердловском областном отделении Фонда культуры СССР.

Медаль, представленная Н. Семеновым, учреждена 12 июля 1864 года высочайшим указом императора Александра II военному министру Д. А. Милютину.

Медалью награждали всех генералов, офицеров, нижних чинов войск и милиции, участвовавших в 1859—1864 годах в экспедициях и военных действиях против горцев в пределах Западного Кавказа (за Кубанью и на восточном берегу Черного моря); священников и медиков, исполнявших

свои обязанности во время военных экспедиций; чиновников военного и гражданского ведомств, состоявших при войсках во время экспедиций; добровольцев, принимавших участие в сражениях; нестроевых нижних чинов, находившихся во время военных действий при отрядах или участвовавших в сражениях.

Указом императора Александра II от 2 ноября 1864 года медалью награждались также чины морского ведомства, воевавшие с горцами.

В 1864—1867 годах на Санкт-Петербургском монетном дворе было отчеканено более 211 тысяч медалей. Лицевая сторона — портрет императора Александра II. Обратная — надпись по окружности: «За покорение Западного Кавказа». В центре даты: «1859—1864». Размер 28 (29) мм.

Медали изготавливали из серебра. Носили на груди на Георгиевско-Александровской ленте. По повелению императора Николая II от 13 августа 1911 года лица, получившие ранения и контузии, носили медали на ленте с бантом.

Судя по различным источникам, возможно существование не менее трех разновидностей этой медали: диаметром 29 мм, изготовленная из серебра (описана выше); диаметром 28 мм, изготовленная из бронзы (скорее всего, менее распространена); диаметром 28 мм, изготовленная из серебра, под образом портрета Александра II надпись: «Н. Козинъ Р» (образец, представленный Н. Семеновым).

Николай Алексеевич Козин — воспитанник Горной технической школы. С конца 40-х годов XIX века значится медальером петербургского монетного двора. С 1853 по 1855 год — вольноприходящий ученик Академии художеств. В 1855 году получил звание художника-медальера. Имя Козина упоминается в архивных документах до 1913 года. Он автор памятной медали в честь отмены крепостного права в России.

В. ПИРОГ,
г. Краснокаменск
Читинской обл.

Медали и кресты чеканились нескольких типов из разных металлов, включая золото и серебро. Знакомся с источниками, можно сделать вывод о существовании четвертого, наиболее редкого варианта медали, изготовленного из меди (темной бронзы) диаметром 28 (29) мм. Этой медалью награждали тех, кто не принимал непосредственного участия в боевых действиях.

Номеров медали не имели, поэтому установить по наградным спискам (если они сохранились в архивах) имя первоначального владельца

невозможно. Во второй половине XIX века медали уже не возвращали после смерти награжденного в Капитул орденов или военное министерство, а оставляли в семье, поэтому часть реликвий сохранилась до наших дней.

В. БОЙКО

На вопрос Н. Семенова ответили также В. Пуронен из села Трегубово Новгородской обл., Н. Шпет из Барнаула, В. Ковалев из крымского города Краснопереконска, ленинградец Ю. Кольцов.

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

Судьба артиллериста

В годы войны я служил в разведывательном отделе 52 «А» (начала на 2-м, а затем на 1-м Украинском фронтах). Летом 1944 года наша армия вела бои в районе г. Яссы. С ходу его взять не могли, и войска перешли к окопной войне.

Наше подразделение располагалось в стороне от штаба в молдавской деревне. В свободные минуты к нам иногда навещались знакомые офицеры, чтобы отдохнуть от дел, а то и выпить немного вина.

Среди офицеров выделялся один майор-артиллерист. Ходил он в кирзовых сапогах, пилотке, которая сидела на нем не по уставному. Я подумал: какой-нибудь бывший бухгалтер. Фамилия его была Бессонов. Имя и отчество уже не помню.

В первую мировую войну он служил в артиллерии в чине поручика, командовал артполком. За храбрость награжден шашкой с Георгиевским крестом.

После революции вместе с полком перешел на сторону Советской власти, воевал на Дальнем Востоке, удостоен ордена Красного Знамени. Вскоре по состоянию здоровья был уволен, жил в Челябинске, занимался литературой, дружил с Бажовым. В 1937 году Бессонова арестовали, орден и шашку у него при аресте изъяли (я лично видел квитанцию), и началась его лагерная жизнь.

В 1943 году его освободили, отправили на фронт, который тогда проходил по Днепру. Из запасного полка он с несколькими десятками других солдат был направлен на пополнение в одну из дивизий.

В пути его встретил командир дивизии и взял к себе в штаб.

Бессонов участвовал в разработке артиллерийского огня при форсировании Днепра. Дивизия понесла самые малые потери, а Бессонову

присвоили звание ст. лейтенанта (т. е. опять поручика), перевели в штаб артиллерии 52 «А». За разработку плана арт. наступления под Корсунь-Шевченковским его наградили орденом Красной Звезды и присвоили звание майора.

Может быть, кто-то из читателей знал Бессонова, его остальную жизнь и связи с П. П. Бажовым?

Е. БОГАТЫРЕВ,
г. Ступино Московской обл.

Храмы, которых нет

Обращаюсь в «Краеведческий бумеранг» с просьбой рассказать об исчезнувших с лица земли храмах Нижнего Тагила, которые были в свое время украшением города.

А. КРАСНОВ,
г. Кировград

«Детям войны»

Раны Великой Отечественной войны все еще живут в наших душах. Еще есть люди — «дети войны» — которые ищут своих родителей, родственников, друзей. Алтайские энтузиасты-следопыты организовали розыскное бюро и предлагают тем, кто нуждается в помощи, написать по адресу: 658260, Алтайский край, Егорьевский район, Новогорьевское, а/я № 3 «Поиск». Не забудьте вложить конверт со своим адресом.

В качестве вопроса житель Верхнего Уфалея т. Фоминых прислал нам заметку из газеты «Челябинский рабочий». Перепечатываем ее с небольшими сокращениями.

Находка в центре Афин

Буквально в двух шагах от главной площади греческой столицы я обнаружил забытые могилы потомков известных русских деятелей прошлого.

Две простые мраморные плиты расположены под пальмами в сквере на улице Филелинон. Они закрыты раскидистыми кустами и заросли травой, так что сразу их увидеть невозможно.

На одной из плит вырезана надпись: «Софья Илларионовна Демидова, княгиня Сан-Донато. Рожденная графиня Воронцова-Дашкова. Рождена 25 августа 1870 года. Скончалась 16 апреля 1953».

Рядом могильная плита ее мужа — бывшего российского посланника в Греции Елима Павловича Демидова, князя Сан-Донато.

Какова судьба и исторические корни русских людей, чьи останки покоятся в самом центре Афин?

В. МАЛЫШЕВ

Сарапул Удмуртской АССР, красные следопыты музея комсомольской славы городского Дома пионеров:

Зоя из Ершовки

В городской газете «Красное Прикамье» мы прочитали поэму Аркадия Мерзлякова «Девушка из Прикамья» — о подвиге и трагической гибели комсомолки из села Ершовка Зои Коротковой. Нас заинтересовало: Зоя Короткова — реальное лицо или художественный образ? И вот мы в Ершовке. Селу уже более трехсот лет. У него богатая история и традиции. На несколько километров вытянулось оно по левому берегу Камы напротив Сарапула.

Розыскали школу, в которой, как оказалось, есть пионерский отряд имени Зои Коротковой. Здесь мы и услышали подробный рассказ о ней.

В 1941 году шестнадцатилетняя Зоя поступает на курсы медицинских сестер, а через год она уже на фронте. В том же году ее наградили медалью «За боевые заслуги».

В 1944-м шли жестокие бои на Украине. Зоя на боевых позициях перевязывала тяжелораненых бойцов и готовила их к отправке в тыл, когда в район медицинского пункта прорвалась группа фашистских мотоциклистов. Защищая раненых, она открыла огонь из автомата, но патроны кончились, и фашисты схватили ее... Советские бойцы, освободившие село, нашли истерзанное тело Зои: ей выкололи глаза, на груди вырезали звезды... Зою похоронили в братской могиле у села Китайгородка. На обелиске высечено ее имя.

В Ершовке есть улица имени Зои Коротковой. В последующие поездки мы встретились с сестрами Зои, были в доме, где она родилась и жила. Теперь экскурсоводы нашего музея рассказывают посетителям о 19-летней героине Великой Отечественной войны, своей землячке Зое.

**г. Миасс Челябинской области,
Шатров Сергей Григорьевич,
учитель и инструктор по туризму:**

По отрогам Южного Урала

180 километров предстояло пройти отряду девятиклассников из средней школы города Карабаша по гор-

ным хребтам и долинам Южного Урала.

Наш путь лежал на запад до горной вершины Юрма. Отсюда на юг до Златоуста, затем на восток до Миасса и Ильменского заповедника и далее на север в направлении Карабаша до озера Тургояк. В походе участвовало десять юношей и девушек. Капитан — Миша Амиров, медицинская сестра — Нина Беспалова. На мне — одиннадцатом участнике похода — лежали дела организационные и бытовые.

Первую походную ночь провели на лесном кордоне возле поселка Раскуиха на полпути к Юрме. А на следующий день начали трудный подъем на Юрму. Высота ее немалая — 1029 метров. По-башкирски Юрма означает «не ходи». Склоны горы усыпаны камнями, валунами, повсюду сухой валежник, нагромождения упавших деревьев...

На вершине встали перед нами гигантские каменные столбы — Чертовы ворота и Сапог, напоминающие развалины древнего замка.

На двухдневном пути к Дальнему Тагану пришлось преодолеть обширное сухое болото, заваленное буреломом, заросшее камышом и кустарником такой высоты, что не видно солнца. В них легко заблудиться. Продвигались медленно, выдерживая направление по компасу.

За болотом вышли к домику охотников, где и провели очередную ночь. Познакомились с охотниками-кротоловами, и у костра слушали их рассказы об уральской жизни и местной топонимике.

Ай — река, на которой стоит Златоуст, по-башкирски означает «лунная», «серебристая» и просто «луна». Таганай — таган, подставка для Луны. Эта гора так высока, что своей вершиной достигает Луны, подпирает ее. Ночью Луна плывет по небу и останавливается на вершине, чтобы отдохнуть.

Тургояк значит «стоп нога»: путник, остановись и полюбуйся сказочной красотой озера. Миасс — малое болото, а Карабаш — черная голова.

Один из охотников, держа в руках пучок сена, сказал: «А шумит, однако, сено. Значит скоро будут дожди». «Пора бы им быть», — подтвердил другой охотник. — Уж больно сушит». Но мы успели закончить свой поход до наступления ливней.

В последующие дни поднялись на Дальний Таганай и Круглицу. Возле Уржумки вышли к обелиску — символической границе между Европой и Азией. На Золотом пляже Тургояка три дня участвовали в слете и соревнованиях по туризму.

В Карабаш возвратились с коллекциями и путевыми записками, полные незабываемых впечатлений.

Свердловск,
детский клуб «Патрис»:

Бажов в Шайдурихе

Нас в клубе почти сто человек. Дел интересных много: радио, кинология, верховая езда, борьба, спортивное ориентирование, туризм, лыжные, пешие, лодочные прогулки, походы, путешествия, краеведение, экология и даже — латынь.

Десять наших ребят, участвуя в операции «Чистая Чусовая», за 26 дней прошли на плоту под парусом 542 километра. По заданию ученых они брали пробы воды и выполняли другие экологические работы.

Побывали следопыты клуба в городе Чусовом, в музее Ермака, созданном спортсменами горнолыжной школы олимпийского резерва. Это этнографический музей под открытым небом.

Другой такой же музей сотворил в Верхней Снячихе Иван Данилович Самойлов.

Но особенно заинтересовала Шайдуриха, село на Урале, где некоторое время учительствовал уральский сказитель П. П. Бажов. Оказалось, что здесь лишь немногие помнят, где стояла школа, в которой учительствовал Павел Петрович. Мы еще намерены побывать в Шайдурихе. А пока просим ребят этого села поискать старожил, поговорить с ними. Может быть, найдутся свидетельства пребывания в селе П. П. Баждова.

Красноурьинск
Свердловской области,
юные экологи средней школы № 1:

Наука начинается в школе

Школьному научному обществу «Юный эколог» уже 10 лет. Вначале был кружок ботаников. Потом возникли секции фенологов, зоологов, метеорологов, по изучению памятников природы. Есть у нас и свои топографы-картографы.

В общество вступают ребята, начиная с 7—8 классов, и работают в нем до окончания школы. Многие не порывают с ним, продолжая учебу в институте, техникуме, училище.

Нам помогают ученые Института экологии растений и животных, Института леса, специалисты гидрометслужбы. В 1984 году нашему научному обществу была вручена брон-

зовая медаль ВДНХ. В марте 1990 года работы юных исследователей вновь представлены для показа на выставке.

Каждое лето юные ботаники отправляются в экспедиции в окрестности Красноурьинска и Серова для изучения флоры Северного Урала. Удалось обнаружить виды трав, которые произрастают только на Урале: ветреницу пермскую, качим уральский, лен северный, лаготис уральский. Появился интерес к поиску. Однажды нашли растение, о котором ничего не сообщалось в определителях. Оказалось, что это коломия линейная, выходец из Северной Америки, впервые обнаруженная в СССР в 1924 году на территории Башкирии. Наша находка отодвинула далеко к северу границу распространения коломии.

Туристы и местные жители охотно посещают скалы Шихан, Пузан, Пещерный, Гардабудский, Синие Скалы, Бабушкин Камень, пещеру Жилище Сокола. Это не проходит для природы бесследно. Вырубаются деревья, вытаптываются травы, редкие растения. Люди мусорят в пещерах, ловят летучих мышей, которых становится все меньше и меньше. Скалы надо охранять. Мы собрали фототеку всех прибрежных скал, записали легенды о них, составили подробную карту перспективных памятников природы реки Каквы, выработали рекомендации по сохранению скал и все это представили в городские организации. Основываясь на наших исследованиях, исполком Красноурьинского Совета народных депутатов принял решение об охране семи памятников природы на реке Какве.

Работы юных исследователей собраны в двадцать рукописных томов. Составлена рукописная «Красная книга охраняемых растений Свердловской области». Готовится к изданию «Фотогербарий растений Северного Урала». Вычерчена карта «Перспективные памятники природы», получившая высокую оценку в Комиссии по охране природы Уральского отделения Академии наук СССР.

Ребята изготовили многочисленные слайды, которые используются на уроках и лекциях. На основе материалов общества изданы брошюра «Памятка фенологу» и методическое пособие «Познай свой край родной».

В школе мы оформили несколько стендов по охране растений. По текстам и рисункам ребят отпечатано четыре серии плакатов, листовки по охране природы. Мы передали их во все школы, детские сады, больницы, в пионерские лагеря, в музей, в дом отдыха. Развешиваем их в парковой зоне.

*«Следопытский телеграф»
подготовил
Леонид Богоявленский*

Павел КРАПИВИН

* * *

Тут очищать не надо грязь,
Грядущая грязнее грязь,
Как на вокзале безобразий,
Тут заморожена боязнь.

Кусок реки, кусок помойки,
Кусок домов залез на лес.
Искать подпорки после порки
Я убежал туда, малец.

Вонючий слив микрорайона,
Геодезический треног
Нам были ваннами радона,
Килиманджаро вне тревог.

Через планету прорастала
Американская сосна,
Подружка видела Тристана
И, как Тристан, была честна.

Под валунами жили духи,
Храня игрушки темных сил.
Чтобы проверить эти слухи,
Ни духу не было, ни сил.

И рядом с этим адом, раем,
Об аде думая в раю,
Мы бесимся и загораем,
Едим боярку и хвою.

Душе оказывая милость,
В дни перестроечной жизни
Здесь ничего не изменилось,
И слава Богу, черт возьми!

* * *

Словно гриб, я обнимаю нить
Годовую, тихо усыхая.
Нам с тобой свидетелями быть:
Снег приходит по звонку
трамвая.

Вам, снежинки, хорошо парить,
Хоть и ловят вас слепые ноздри.
Вы сумели, нет, не заменить,
А заставили забыть про звезды.

Утром встанем. Вязнут голоса.
Поднялись карнизами пороги.
Свысока лимонная блесна
Смотрит на робеющие ноги.

Я ступлю на тонкий творожок
Первоотрешения пороши.
Как, скажите, все же хорошо
То, что и считается хорошим!

* * *

Проехал многотонный грузовик.
Оконное стекло переживало,
Его натугу, сдерживая крик.
Беда внезапно брызнувшего жала
Прожгла поверхность.

Воздух не спеша
Не то вошел, не то наружу
вышел,
И стало слышно, как у нашей
мышьи
Прощается кусок карандаша.

Борис КОЗУЛИН

Рисунки
Владимира Ганзина

К концу смены Сашка и Юрка окончательно вымотались. Вагонетка с высоким штабелем снарядных ящиков ни за что не хотела заползать на пригорок. Все чоровила съехать назад. Ребята пыхтели, подпирали груз плечами, скребли по шлаку деревянными подметками. Пот градом катился с обоих, рубашки — хоть выжимай.

Яростно отталкиваясь от шпал, подростки заставляли вагонетку, пусть медленно, воробьиным шагом, но все-таки двигаться вперед. С тревогой поглядывая на верх огромной пирамиды. Опасно раскачиваясь, та поминутно грозила опрокинуться и раздавить их. Окованные железом ящики под снаряды для «катуш» были так велики, что любой из мальчишек мог свободно поместиться внутри. Попасть под такие — все равно, что побывать под гусеницами танка.

Сжав зубы и чертыхаясь, ребята с отчаянным усилием преодолели, наконец, подъем и перевели дух. По ровному месту тележка пошла легче и быстрее. До цеха упаковки, развернутого прямо под открытым небом, уже рукой подать.

— Ну-ка, глянь, что там впереди? — попросил Сашка.

Юрка сошел с рельсов и, посмотрев, махнул рукой:

— Тормози! Заключенные на линии. Сейчас конвой остановит.

Сашка сунул под колесо щепку и тоже шагнул с путей.

Бригада заключенных человек в десять-пятнадцать таскала к двум вагонеткам заплombированные

ящики. В сторонке, сдвинув на глаза примятую кепку, сидел с тельняшкой на коленях бригадир Колька-Полчаса. Оголенный до пояса, с исколотыми синей тагуировкой грудью и руками, он блаженно жмурился под нежаркими лучами вечернего солнца и дымил папирсой. Свое странное прозвище Колька получил, как рассказывали, после выигранного у дружка спора, когда он дольше других без остановки отпускал заковыристые матерки и ни разу не повторился. В награду ему достались шикарные нэпманские «бочата» — золотые карманные часы известной фирмы «Павел Буре» на толстой золотой цепочке — и эта кличка.

Время от времени бригадир зорко поглядывал из-под козырька на свою команду. Стоило кому-нибудь на минуту замешкаться, как Колька, поблескивая фиксой, тут же раздражался в адрес виновника гневной тирадой, состоявшей из вычурного мата, после чего все налаживалось. Заморенные, худосочные колонисты начинали поспешно суетиться, хватались за ящики и, оттягивая руки, ташили их к узкоколейке. А Колька удовлетворенно поворачивался навстречу солнцу.

Сашка знал Кольку-Полчаса не только как отъявленного матершинника, но и как ловкого пройдоху-обманщика. Несколько раз он надувал пацанов с упаковки, подсовывая им вместо выменных на хлеб и табак гимнастерки или нательной рубахи свертки с обтирочными концами и грязными тряпками. «Куклы», как поясняли знающие люди.

Внешне торг обставлялся честно и благородно,

Назначалось время и место. Украдкой, когда не видит конвой, обновку показывали и даже давали пощупать, а затем на глазах у ребят заворачивали в бумагу. Только придя на место, не ожидавшие подвоха пацаны с удивлением обнаруживали, что их, как дурачков, обвели вокруг пальца. Негодовать в открытую было невозможно — общение с заключенными запрещалось, а спорить с Колькой — бесполезно. В ответ на претензию он строил удивленные глаза, бил себя в грудь и божился, что он ни при чем, знать ничего не знает, а в следующий раз надо лучше смотреть.

Бригада подтаскивала к вагонеткам последние ящики и скоро должна была двинуться в путь к железнодорожной платформе. Охранники с винтовками наперевес, ни во что не вмешиваясь, невозмутимо наблюдали за погрузкой.

Заключенных приводили на работу из расположенной неподалеку зоны. Шедшие по бокам конвоиры следили за равенством, подгоняли отстающих. Последним, хлопывая себя вицей по начищенным хромовым сапогам, в фуражке набекрень в ворота входил начальник конвоя Костя Шальной.

К заключенным Сашка испытывал двойственное чувство. Большинство из них составляли такие же работяги, как и он сам. Немало было и совсем молодых ребят, по внешнему виду его ровесников. В рваной одежде и разбитой обуви они боязливо, тайком от охраны, выпрашивали у упаковщиков кусочек хлеба или самосада. Сашке было жаль таких. Но были и другие — с вкрадчивым голосом и бегающими глазами, синими наколками и воровским жаргоном.

Большая часть подконвойных трудилась на сколачивании ящиков. Снаружи, по углам тарного цеха, стояли сторожевые вышки с прожекторами, а у ворот взад-вперед прохаживался часовой. Вольнонаемным работникам, кроме сменных мастеров и контролеров, вход в тарный цех был запрещен. Не пускали туда и Сашку с Юркой. Проехав мимо наружной охраны, они прогоняли пустую вагонетку через полутемный тамбур за вторые, внутренние, ворота, за которыми раздавался перестук молотков, и ждали, пока заключенные загрузят ее и вытолкнут обратно.

Чтобы скоротать время, ребята обычно заходили в столярку, куда вел вход из тамбура. В небольшой комнате с верстаком и ворохом курчавой стружки на полу было светло и вкусно пахло смолистым деревом. Тут хозяйничал седоусый столяр дядя Миша. Ремонтировал инструмент для заключенных, чинил конторскую мебель.

С некоторых пор Сашка стал замечать, что Костя Шальной зачастил на упаковку и все время вертится возле Маши Малининой. Сашке давно уже нравилась эта бойкая сероглазая девушка. Нравилась ее приветливость, доброта, ямочки на щеках. Нравилось, как она говорит, смеется. Да вообще все привлекало в ней. Наверно, поэтому он робел в ее присутствии, боялся встретиться взглядом.

Когда подъехали к упаковке, там вовсю кипела работа. Девчата и женщины укладывали в ящики головки и ракетки — составные части снарядов, закрывали крышки и запоры, принимались за следующие.

— Смотри, Шальной опять уже возле Маруськи

ошивается! — сказал Юрка, едва они остановили тележку.

— Ладно, чего глядеть-то, не кино ведь. Давай сваливать! — недовольно пробурчал Сашка, заходя сбоку за тележку.

Ребята поднатужились, крикнув, приподняли один край вагонетки, навалились и — гора тары с грохотом рухнула в траву. Оставив тележку обратно на рельсы, Сашка с Юркой пошли к упаковщикам.

Укладывая детали, Маша торопливо переходила от ящика к ящику. Сидевший в проходе Шальной загораживал ей дорогу, хохотал и пытался обнять, когда у нее были заняты руки. Девушка обходила его, увертываясь от заигрываний. Наконец остановилась и глянула на того в упор:

— Отвяжись ты, смола! Тебе что — делать больше нечего?! Пожалуюсь вот начальнику цеха, что работать мешаешь!

Не замечая подходивших Сашку и Юрку, Шальной презрительно скривился:

— Подумаешь, принцесса какая! Видали и не таких!

— Вот и иди к ним! Чего ко мне привязался?!

— Ты что к нашим девчонкам пристаешь?! — вскрипел Сашка. — Козел блудливый!

— Как ты меня назвал, щенок? А ну повтори, что ты сказал?! — Шальной прыгнул с ящика и, расстегивая кобура, двинулся на ребят. — Да я вас сейчас, молокососы, как мух перестреляю!

— Не дури, Шальной! — побледнев, предупредил Юрка и схватил подвернувшийся под руку молоток.

— Вы что, совсем с ума посходили?! — вмешались упаковщицы. — Перестаньте сейчас же! Леля!!! — заорали они, заметив вдали сменного мастера Ольгу. — Иди сюда скорей!

Шальной оглянулся, увидел устремленные на него со всех сторон взгляды, одернул гимнастерку и, ничего не сказав, пошел прочь.

К взволнованным ребятам подошла Маруся.

— Саня, ты не мог бы мне ручку сменить у молотка? А то вот этот товарищ поломал ее, — она шутиливо ткнула Юрку в загривок.

— Когда это? — повернулся тот.

— Когда с «козлом блудливым» разговаривал! Не мог аккуратно на место положить?

Сашка повертел сломанный молоток в руках:

— Ладно, сейчас схожу.

Постукивая деревяшкой, заменившей ему оставленную во фронтовом госпитале ногу, столяр подметал пол.

— Дядя Миша, можно я ручку сделаю, — попросил Сашка.

Столяр взглянул на него поверх очков:

— Валяй, не возражаю. Погоди-ка, у меня тут где-то заготовка была.

Насадив молоток, довольный, что у него все так ладно и быстро получилось, Сашка распроштался и направился к дверям.

В полумраке тамбура раздавался топот ног. Закончив работу, из цеха выходили на построение заключенные. Пробираясь вдоль стенки, чтобы не мешаться с колонистами, Сашка вышел из распахнутых ворот и свернул в сторону.

— Стой! — окрикнул его стоявший у выхода незнакомый конвоир. — Назад!

Сашка не понял, к кому относится это обращение, и продолжал идти.

— Стой! — повторил охранник и поднял винтовку. — Кому сказал!

Внутри у Сашки все сжалось. Беспомощно помотав вокруг, он спросил конвоира:

— А где тот солдат, который раньше здесь стоял?

— Ничего не знай. Вставай строй! — охранник показал винтовкой на колонну заключенных.

— Эй ты, фраер! — крикнул из строя Колька-Полчаса. — Айда к нам! Места на нарах всем хватит!

В колонне весело заржали. Сашка на мгновение представил себя в бараке в одной компании с Колькой-Полчаса и прочей шпаной и содрогнулся. Только этого еще не хватало!

— Я же вольный! — торопливо начал он убеждать конвоира. — На упаковке работаю. На мне и одежда другая. Я только в столярку заходил.

Охранник скользнул взглядом по Сашке и угрожающе шелкнул затвором:

— Ставай строй! Стрелять буду!

— Попался, голубчик?! — раздался у Сашки за спиной злорадный голос Шального. — Молодец, Садыков! — похвалил он конвоира. — Правильно действуй, по уставу!

— Не слушает, товарищ начальник! — пожаловался охранник. — Из цеха вышел — я задержал. Строй не идет. Упаковка, говорит, работает. Я не знай его!

— Как это не слушает? — наигранно удивился Шальной. — Ничего, у меня послушает. А ну, стано-

вьсь в строй! Быстро! — приказал он и вытащил из кобуры наган. — Становись, или сейчас при всех... — он взвел курок и повел револьвером в сторону заставшей колонны заключенных, — заставлю тебя «Барыню» плясать!

— Да ты что, Костя?! — взмолился Сашка. — Ты-то ведь знаешь меня?

— Ну и что из этого? — ехидно усмехнулся Шальной.

Подбежавший помощник начальника конвоя что-то тихо прошептал на ухо Шальному. Тот изменился в лице.

— Как девяносто девять?! Пересчитать еще раз!

— Два раза пересчитывал. Все точно.

— Обыскать весь цех! За штабелями посмотрите, в ящиках! Спрятался где-нибудь, сукин сын! Ищите!

— Слушаюсь! — козырнул помощник и побежал в тарный цех.

— Понял, что произошло? — Шальной хмуро посмотрел на подростка. — Вот не найдут его, сотым в зону пойдешь ты. Сто человек утром я принял, сотню должен обратно привести.

— А я-то причем? — заволновался Сашка. — Чего я у вас там не видел?

— Баланды похлебаешь — умней станешь! Садыков, — обратился Шальной к охраннику, — этого пока никуда не отпускай! Пусть здесь стоит. А ты, — повернулся он к Сашке, — не вздумай уйти! Порядки наши знаешь: шаг влево — шаг вправо считается за побег. Конвой стреляет без предупреждения.

Шальной застегнул кобур и поспешно направился вслед за помощником. Сашка застыл. Вот вляпался так вляпался! Надо же было ему выйти из столярки ни раньше ни позже! А что, если не найдут сотого?

Сашка посмотрел на заключенных. В ожидании потерявшегося охрана поставила их на колени. И, действительно, ведь уйти никак нельзя. Шарахнет конвоир в спину и отвечать не будет. И, как назло, никого из знакомых поблизости нет. Он оглянулся и увидел вдалеке Машу. Обрадованно замахал руками.

— Ну, ты чего стоишь? — недовольно заговорила девушка, подходя ближе. — Не дождешься тебя!

Сашка отдал молоток и рассказал, что произошло.

— Не отпускают вот.

Глянув на конвоира, на заключенных, Маша испуганно ойкнула и повернула назад.

— Я сейчас, Сашок. Сейчас начальника цеха позову. Ты не бойся, никуда они тебя не уведут. Я быстро.

Минуты ожидания казались часами. Внезапно в тамбуре раздались звуки шагов. Сашка встрепенулся и с надеждой посмотрел на ворота. Опираясь на самодельную тросточку, вышел дядя Миша. Припадая на ногу, подошел к Сашке:

— Ты все еще здесь? А говорил, что надо поскорее.

Сашка объяснил ситуацию.

— Да вы что?! — напустился столяр на конвои-

ра. — Это же упаковщик! Он ко мне заходил! Так и меня можно схватить!

— Отойди, отец, не мешайся! Ты — другое дело.

— Как это другое дело?! — закипятился дядя Миша. — Он такой же вольный, как и я! Да вы что?!

Конвоир вдруг вытянул шею и посмотрел на выход из цеха. Сашка оглянулся и увидел рассвирепевшего Шального, который тащил за шиворот шуплого парнишку. Втянув в плечи стриженую голову, тот утирал кепкой разбитый нос. С силой толкнув беглеца в сторону стоявших на коленях заключенных, начальник конвоя дал ему вслед пинка и заорал:

— Вста-ать!

Колонна медленно поднялась на ноги. Помощник пошел по рядам, пересчитывая наличный состав, а Шальной подошел к дяде Мише и Сашке.

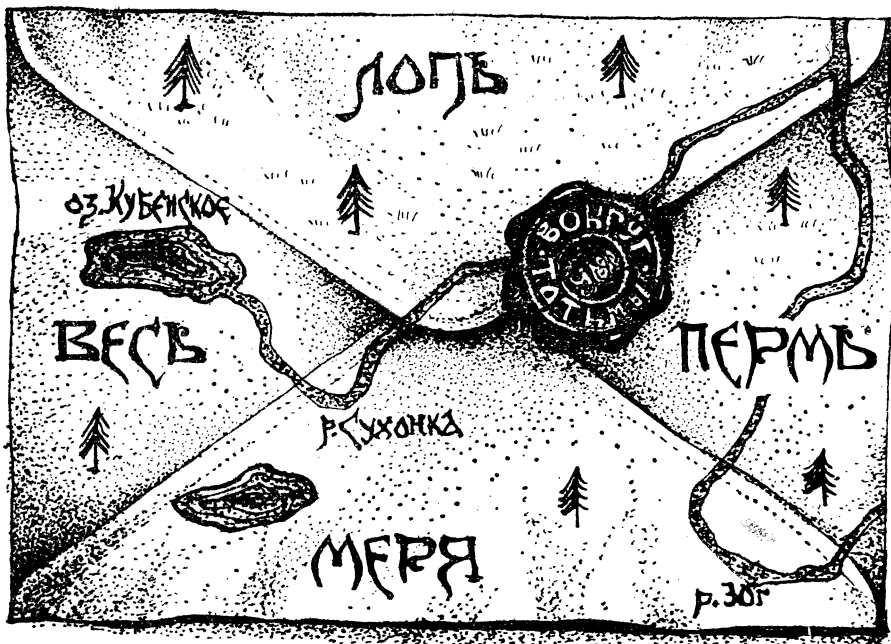
— Под верстак гаденыш спрятался! И со всех сторон ящиками прикрылся. Думали, не найдем. Разберемся еще, кто ему помогал.

— Слушай, Костя, а Шурку-то ты для чего спал? Смотри, как парень-то весь переволновался!

— Ничего, это ему на пользу пойдет. Крепче спать дома будет.

После всего пережитого Сашка не мог говорить. Ковыляя рядом с ним вдоль узкоколейки, дядя Миша успокаивал:

— Не огорчайся, Шура. Видишь, время-то какое тяжелое — война! Обошлось — и ладно.

Александр КУЗНЕЦОВ

Цветные названия вокруг Тотьмы

Несколько лет назад я провел эксперимент: взял чистую карту-бланковку Вологодской области и толстым синим фломастером обвел от истока до устья все реки, названия которых имели вепское или предположительно вепское происхождение. Тем же синим фломастером оконтурил озера и заселенные местности, подчеркнул названия деревень, основы которых имели соответствия в вепском языке. Постепенно на белой карте синие линии, овалы и черточки выявили границы вепской топонимии, а значит и территорию, где некогда жили вепсы.

Толстым зеленым фломастером, по тому же принципу, я постарался выделить пермскую топонимию — географические названия, оставленные нам древним народом, предками современных коми.

Фломастер желтого цвета пометил топонимию мерянского происхождения, а красный — географические названия, доставшиеся в наследство от древнего народа лопь. В результате получилась цветная топонимическая карта Вологодской области, на которой я, естественно, не стал отмечать топонимы более молодого, чем финно-угорские, возраста — русские. В первую очередь меня интересовали географические названия тех финно-угорских народов, что упомянуты в первой русской летописи «Повесть временных лет»: весь (современные вепсы), пермь (современные коми), меря (этот народ, по-видимому, полностью «растворился» в славянской среде), чудь заволочская (этническая принадлежность пока точно не установлена), то есть народов, предположительно живших на территории современной Вологодчины.

Ряд географических объектов не тронул ни один из моих фломастеров, они так и остались нанесенными светлосиней типографской краской. В центре Вологодской области жирным черным цветом я все же обвел несколько рек, названия которых были явно не финно-угорского происхождения, но выделялись своеобразно.

Синего — вепского — цвета оказалось больше всего на западе области и в центре, но на восток он не проникал дальше среднего течения реки Сухона. Пермские, зеленые, топонимы, напротив, доминировали на востоке, а в Среднем Посухонье чередовались с вепскими, но дальше на восток не шли. Желтым — мерянским цветом был помечен почти весь юг Вологодской области и центральная ее часть. О границах топонимии древнего народа лопь (сейчас это живущие в СССР на Кольском полуострове саами) в свое время писал известный ученый, доктор филологических наук из Свердловска А. К. Матвеев: основная часть ее находится севернее Вологодчины — в Архангельской области, но все же один из углов «саамского тре-

угольщика» по А. К. Матвееву — «между устьем Онеги, верховьями Пинеги и Белым озером», — захватывает и Вологодскую область. Здесь, в окрестностях озер Онежское, Белое, Лача синяя вепсская и красная лопарская топонимия накладываются друг на друга. Кроме того, на карте хорошо видно, как красный клин заходит опять же в Среднее Посухонье.

Так получилось, что на окраинах Вологодской области топонимическая раскраска чаще всего однородна, а вот в середине карты, в бассейне среднего течения реки Сухоны чего только нет — тут переплелись синие, зеленые, желтые, красные и даже черные топонимические цвета. В центре этого разноцветья стоит пуансон древнего русского города Тотьма. Топонимно — совокупность географических названий какой-либо местности — образно можно сравнить со своеобразными письмами из прошлого, написанными на разных языках, но вложенными в один конверт. Давайте вскроем этот конверт, в центре которого стоит штампель «ТОТЬМА», и попытаемся разобраться в разноцветных посланиях.

Черные линии, которыми я обвел реки Тиксна, Лизна, Вопра, Шоксна, не только сразу бросаются в глаза. Главное, что упомянутые названия расположены компактно и совершенно не имеют никаких аналогов среди окружающих их финно-угорских названий. Три реки из черной топонимии образуют одну речную систему на западе Тотемского района. Тиксна впадает в Сухону, а Лизна и Вопра — притоки Тиксны. О Шоксне разговор пойдет чуть ниже.

Поиски сходных названий рек неожиданно привели нас в Подмосковье, в верховья реки Днепр и даже в Белоруссию! Там топонимы вроде Десна, Цна, Пресня, Пра, Проня, Лисна — самые обычные. Но что за язык, какой народ оставил нам эти названия?

Московский ученый В. Н. Топоров в 1972 году опубликовал ставшую своего рода топонимической классикой работу «Балтика Подмосковья», из названия которой и следует ответ на наш вопрос. Ученый вывел многочисленные, прежде загадочные названия подмосковных рек из языков балтийских народов, как современных — литовцев, латышей, так и древних — пруссов, голяди. Археологи считают, что все эти народы в древности имели одного предка — по-видимому, так называемых «фатьяновцев», во втором тысячелетии до нашей эры начавших постепенное расселение с побережья Балтийского моря на восток, в междуречье Волги и Оки. Фатьяновская археологическая культура (по названию села Фатьяново близ Ярославля, где был раскопан могильник этого народа) выделяется прежде всего тем, что ученые никак не могут найти остатков их поселений (только могильники), зато среди находок выделяются прекрасной обработки каменные топоры, иногда называемые даже боевыми! По свидетельству археологов, «фатьяновцы» были скотоводами, а значит — кочевым народом. Пользовались они и изделиями из бронзы, поэтому расцвет народа относят к переходному периоду между неолитом и бронзовым веком.

Итак, подход к черным топонимам Среднего Посухонья найден. Интересно, что же они значат? Название Тиксна, судя по всему, состоит из двух частей: первая находит соответствие в литовском слове «теке» — «небольшая река» (не забывайте, что название давали не литовцы современности, а древний народ, «фатьяновцы», от которого не осталось и самоназвания, но родственный по языку), а вторая часть, существующая и отдельно в виде названия нескольких рек Цна, по мнению белорусского ученого В. А. Жучкевича, означает «левый приток», если смотреть вниз по течению главной реки». Это хорошо видно на современных географических картах — все Цны, как, впрочем, и Тиксна, левые притоки. Последняя впадает в главную реку Вологодчины Сухону. В литовском языке есть несколько народных географических терминов с корнем «ли-», обозначающих «луг в долине реки», «болото, топь», «болотистый лесок» — возможно, одно из этих зна-

чений нашло отражение и в названии Лизна, левого притока уже Тиксны. В голониме «Лизна» поэтому нетрудно выделить тоже элемент «цна», чуть видоизмененный, что вполне объяснимо средствами русского языка.

В Средней России находятся параллели и для названия речки Вопра. Это реки Воль — приток Днепра, Пра — приток Оки. Название реки Воль в Смоленской области происходит от литовского «упе» — «река». Звук «в» появился в топониме позднее, при употреблении его в русском языке: сравните — современное «восемь» из древнерусского «осмь». В научной литературе нет пока единого взгляда на происхождение топонима «Пра» — вполне вероятно, по нашему мнению, что он означает просто «приток», ибо балтийские и славянские языки тоже родственны на основе их общего предка — индоевропейского языка. Тогда Вопра — это «Рекз-приток» Тиксны.

На карте фатьяновской археологической культуры и на карте распространения балтийских топонимов в СССР Вологодская область не попадает в оба эти ареала. Но давайте с помощью все той же географической карты проследим возможный путь кочевников-«фатьяновцев» с верхнего течения Волги на Сухону. Учитывая то, что в отдаленном прошлом основными дорогами в тайге были реки, можно на любой карте увидеть этот кратчайший путь: по реке Кострома, далее, через небольшой волок на реку Толшму, впадавшую в Сухону как раз напротив устья Тиксны. Бассейн Тиксны по каким-то причинам оказался вроде тупика для «фатьяновцев» — может, они нашли в долинах рек необходимые пастбища для своего скота и жили там припеваючи? Археологам, наверное, стоит обратить пристальное внимание на местность в Погореловском сельсовете (бывшая волость Тиксна) Тотемского района.

Наконец, последняя взаимосвязь в истории с черными топонимами: речной путь, восстановленный нами по карте, пока тоже не подтвержден археологически, но приходит на помощь еще одно «черное» название — у реки Толшмы в среднем течении есть небольшой приток Шоксна. Речка эта протекает недалеко от известного всем любителям поэзии села Никологама — второй родины Николая Рубцова. Тиксна — Шоксна: это сочетание объясняет второй компонент топонима, а первый можно сопоставить с литовским «шака» — «речной рукав, ветка, всякое ответвление», родственным, кстати, русскому слову «сук». Так становится понятным происхождение названия и большой вологодской реки Шексны — «левого ответвления» Волги. Споры о топониме Шексна в прошлом было много, но истина не родилась из-за неверных попыток найти значение названия в вепсском и даже в русском (!?) языках, в то время как проживание «фатьяновцев» в нижнем течении Шексны установлено де-факто. По Шексне, начинающейся в озере Белом, я без раздумий тоже провел черным фломастером.

Почему мы уделили столько места описанию каких-то четырех черных названий? Во-первых, раньше балтийских топонимов так далеко на северо-востоке Русской равнины не отмечали. А еще Тиксна и ее «подруги» — по-видимому, одни из древнейших топонимов на территории Вологодчины — им около трех тысяч лет! Этим и еще характером занятий «фатьяновцев» — кочевой народ не очень интересовали подробности географических объектов — можно объяснить кажущуюся простоту названий Тиксна, Вопра, Лизна, Шексна.

Итак, черную топонимию мы разобрали, что же делать с синей, зеленой, желтой, красной? Откуда такое разноцветье именно в Среднем Посухонье? Какого цвета название самого города Тотьма? И, наконец, самый главный вопрос: а как узнать, вепсский ли это, пермский или какой другой топоним по происхождению! Вопросов много, поэтому давайте разбираться.

Люди, долгое время работающие с географическими названиями и языками финно-угорских народов, по словарному составу, особенностям грамматики, специфичному набору формантов (часто повторяющихся словарных эле-

ментов) довольно легко могут отличить, например, вепсский топоним от пермского, лопарский от мерянского и так далее. Назовем такие топонимы и форманты (элементы топонимов) индикаторами. Слово «индикатор» по-латински значит «указатель». Одним из таких формантов-индикаторов для лопарской топонимии на территории Вологодчины является «вар», или «-вары», ведущий свое начало от саамского «ваара» — «холм, гора». На самом севере Тотемского района в Середском сельсовете несколько деревень, раскинувшихся среди полей на холме, называют сейчас Кочевар. Холм обгибает речка с таким же названием. Писцовые книги Тотемского уезда начала XVII века, как нам кажется, более точно передают название, описывая здесь волюсть Кочвара.

Недалеко от Кочвара начинается в Сондугском озере и течет к северу большая река Кулой, название которой ряд ученых гоже связывает с лопарской (саамской) топонимией. «Рыбная река» — так можно толковать название, исходя из саамского «куул» — «рыба» и «ойя» — «река».

Два предположительно лопарских гидронима есть в самом центре Тотемского района — это притоки Сухоны речка Чуломатка и большая река Печеньга. Топоним «Чуломатка» в переводе значит «Вдоль по дороге», и восстановить мотивы его происхождения, конечно, трудно. В основе второго названия лежит, по-видимому, саамское «пиеще» — «сосна», а в справедливости подобного толкования убеждаешься на местности, в сосновых борах по берегам Печеньги.

Все же больше других в Среднем Посухонье синих — вепсских названий. Приведу ряд основ-индикаторов, типичных для вепсской топонимии, а вместе с ними и названия рек: «себр» — «сообщество, артель» — река Себреньга, приток Кулоя; «перт» — «дом, изба, баня» — река Пертуга на западе Тотемского района; «лед» — «песок» — река Леденьга, приток Сухоны; «сула» — «талый снег» — река Сулонга, впадает в Воймангу, в основе названия которой тоже вепское «войм» — «сила, мощь». Можно привести и другие названия с вепскими основами.

Так же, как и в случае с Шексной, топонимистами «много перий полоmano» в спорах о происхождении названия крупного правого притока Сухоны реки Царевы. Тут необходимы два уточнения: во-первых, местные жители, «царевичане» говорят на месте второй гласной всегда «е», но никогда не употребляют «ё», и ударение в этом топониме, в отличие от всех финно-угорских названий, всегда падает на второй слог. Я все же склоняюсь к вепсской версии, связанной с общефинской, в том числе и вепсской, основой-индикатором «сара» — «разветвление, река-рассоха», тем более, что в «Таможенных книгах» Тотьмы XVII века нередко встречаются такие фразы, как «привез товар Лука Онтилин с реки Тсаревы». По всей видимости, именно на русском этапе функционирования этого топонима и появилась заманчивая народная этимология со словом «царь», тем более, что и Иван Грозный, и Петр I бывали в этих краях.

Царева же — типичная река-рассоха. В истоке это уже широкая река от слияния двух равновеликих рек Тафта и Вожбал. Интересно, что топоним Вожбал, как и Сомбал, уже желтого — мерянского цвета. Предполагаемое значение форманта-индикатора «бал» — «поселение», а основы топонимов — названия рек, существовавшие во время проживания на них мерян. Еще интереснее, что основа «вож» в названии Вожбал в ряде финно-угорских языков тоже означает «реку-рассоху», дублируя таким образом Цареву. Я не говорю, что слово «вож» с таким значением было в мерянском языке, потому что от языка этого осталось не более десятка слов, восстановленных, к стати говоря, частично на основе географических названий.

Одним из формантов-индикаторов мерянской топонимии считается «-кса, -кша». На юге Тотемского района течет, извиваясь по заливным дугам, река Левакша, в основе названия которой, возможно, лежит слово из наибо-

лее близкого мерянскому марийского языка — «леваш», что значит «сарай, лесная изба».

Ну, а какого цвета название реки Тотьма, от которого появилось и название теперешнего районного центра Вологодской области, города Тотьма, известно давно. Еще в 1890 году появилось толкование этого гидронима ученым М. П. Веске из коми «тод» — «сырое место, заросшее кустарником и елками». Так что Тотьма на моей карте зеленая. Вообще зеленая топонимия преобладает на востоке и юге Среднего Посухонья, а формантом-индикатором ее, на наш взгляд, можно считать «-ма». Вот несколько пермских топонимов с таким формантом: Ельшма — коми «ель» — «лесная речка», Шорошма — коми «шор» — «ручей». Считается, что формант-индикатор «-ма» в древнепермском языке обозначал определенную территорию в бассейне какой-либо реки — современное коми «-му» имеет значения «земля, страна, край, поле» и др. Ученая-лингвист А. С. Кривошекова-Гантман в свое время писала, что все пермские топонимы, оканчивающиеся на «-ма», ранее обозначали местность в долине реки, а как название самой реки стали употребляться уже перенявшими их славянами-русскими. Вышеупомянутые зеленые топонимы подтверждают это: полностью название Ельшма можно перевести как «Земля по лесной речке», Шорошма — «Земля по ручью»... Но есть еще в окрестностях Тотьмы и река Ельма — учитывая, что коми «ёди» значит «лещ», можно перевести название как «Земля лешей» (?). Что за чушь, спросите вы? Однако на карте мы видим Едьму как приток большой реки Еденьга. Это уже меняет дело — переводить название Ельма, видимо, надо так: «Земля по реке Едь (Еденьге)».

В связи с последним формантом «-еньга» нельзя сказать пока ничего определенного. Мы видели, что он прекрасно соседствует с основами из вепсского, саамского языков, из языка древней перми... Чей же он формант-индикатор? Оказывается, для топонимистов это секрет, да еще какой! Составлены подробные карты речных названий с этим формантом и его производными («-анга», «-иньга» и др.), определен ареал его распространения на Севере, куда полностью входит и Среднее Посухонье, но... языковая принадлежность его не ясна. Возможно, это один из древнейших финно-угорских терминов со значением «река», который впоследствии использовался в своих названиях и предки вепсов, и предки коми, и предки саами...

«Цветовая топонимическая ситуация», сложившаяся более тысячелетия назад в Среднем Посухонье, по-своему уникальна на севере — вот поэтому мы и решили рассказать о ней. Чересполосное проживание нескольких финно-угорских народов на этой территории подтверждается и археологически: в местности Сондуга на севере Тотемского района в 1924 году был раскопан могильник, судя по находкам, принадлежавший народу, обитавшему в то же время в бассейнах рек Юг и Луза, то есть перми. Такого мнения известного ученого из Сыктывкара, специалиста по этногенезу коми Л. Н. Жеребцова. В Тотемском районе в начале века проводились раскопки еще нескольких дославянских могильников археологом местного краеведческого музея Н. А. Чернищевым. Материалы раскопок опубликованы лишь частично, но ясно, что ряд памятников по найденному материалу схож с западными — правепскими аналогами.

Карта, на которую я разноцветными фломастерами наносил реки и озера, продолжает лежать на моем столе — ведь не все еще ясно в этой «топонимической радуге»...

The AVATAR

1991

АНДРЕЙ
БАЛАБУХА

повесть

ОСПЕЧАТЫВАТЕЛЬ
СОСУДОВ,

ИЛИ **На Моисеевом пути**

Рис. Евгении Стерлиговой

Нынче то же, что вовеки,
Утешение одно:
Наши дети будут в Мекке.
Если нам не суждено!

Саша Черный

I

Лет десять назад я бы голову себе сломал. Я пытался бы догадаться, зачем меня пригласили и почему. Перебирал бы варианты: то ли Феликс вдруг воспыпал ко мне нежными чувствами (хотя с чего бы?), то ли кто-то накатал на меня могучую телегу (хотя грехов за мной вроде нет...). Словом, маялся бы всю дорогу до министерства. Но за эти годы я изрядно перелопатил свой характер. Или это как раз годы его перелопатили? Так или иначе, все полчаса, что мой не первой молодости «алеко» добирался до площади Конфедерации, я представлял себе, как нырну завтра из этого гнилого лета в лето настоящее. И в море. И будет надо мной белесо-голубое, солнцем выжженное небо. А по вечерам буду я сидеть в качалке на балконе гостиницы, и слева будет всю ночь подмигивать Херсонесский маяк. И еще будут горячие камни древних Херсонесских стен. Но все это, увы, завтра, а сегодня был еще мозглый здешний дождь, сквозь который проступила, наконец, серая махина «Сороконожки». Так называли в просторечии здание Министерства внутренних дел. И не зря: длинная, плавно изогнутая бетонная коробка опиралась на множество колонн. Я загнал машину между колоннами и направился к седьмому подъезду.

Дежурный был совсем зелененький. Он долго вертел в руках мой патент — видно, такое было ему в новинку. Потом вызвал дежурного офицера. Тот, слава богу, знал меня.

— Привет, Перс! — Мы обменялись рукопожатиями. — Ты к кому?

— К самому.

— К папе Феликсу? Ну, счастливо.

В начальственную приемную я вошел ровно в четырнадцать пятьдесят девять. На моей памяти это был уже третий Феликсов кабинет. Первый, еще когда он возглавлял антирэклетную бригаду, выглядел куда как скромно и был заткнут в самый конец длиннющего коридора второго этажа. Следующий — это когда ему поручили отдел по борьбе с терроризмом, куда он перетасил за собой и меня, — был уже настоящим персональничком, какой и положен солидному полковнику. Из окон открывался вид на город; с высоты шестого этажа кварталы Старого центра казались макетом. Теперешние же апартаменты привольно раскинулись на самом вершине. В приемной отфильтровывал посетителей новехонький, с уставной картинкой лейтенантик — не то секретант, не то адьютарь, героически охранявший генеральский покой.

— Капитан Айле?

— Милый, — сказал я как можно ласковее, — я уже восемь лет не капитан и, надеюсь, никогда уже им не буду.

Глаза лейтенантика уплыли куда-то внутрь, однако секунду спустя все-таки вернулись на место — правда, уже с другим выражением.

— Вас ждут, — лаконично сказал он, но не назвал меня никак, ни капитаном, ни товарищем, ни коллегой. А мог бы, кстати. Я обошел его и распахнул дверь.

Да, начальник столичной милиции — это вам не хухры-мухры. Не кабинет, а сераль: мягкий ковер, из окон открывается вид на озеро, ласкающий взор даже сквозь дождевую вуаль, а вместо обтянутого бордовым синтетиком диванчика, на котором мы, случилось, и ночевали там, на втором этаже, здесь разместилась такая кожаная мягкость и роскошь, что и домой уходить

вроде незачем. Феликс лихо взлетел по служебной лестнице — и в прямом, и в переносном смысле.

Генерал уже шагал мне навстречу. Был он в штатском — этаким респектабельным чиновником высокого ранга, серый костюм, темно-вишневый галстук. За шесть лет, что мы не виделись, он даже не постарел. Только заматерел еще больше. Он вообще из тех мужиков, что лет до семидесяти не стареют, а лишь матерюют, правда, потом в одночасье ломаются и превращаются в дряхлых старцев. Мы обнялись.

— Спасибо, что пришел, — Феликс приглашающе махнул рукой в сторону кресел. Мы погрузились.

Тотчас подле нас возник давешний адьютарь и водрузил на столик чашечки с дымящимся кофе. Чашечки были настоящего фарфора, а кофе, судя по аромату, настоящий «мокко». Школьный секретант исчез так же беззвучно, — я восхитился Феликсовой дрессурой. Впрочем, это мог быть и природный талант. Не всякий ведь захочет сразу после училища осесть в приемной...

Феликс молча прихлебывал кофе. Я тоже. Любопытство — невыгодная стратегия. Он меня высвистел — ему и говорить. Так прошло минуты две-три. Потом Феликс, отставив чашку, поинтересовался:

— Как у тебя с клиентами, Перс?

Как будто мы с ним расстались этак неделки две назад. Ну месяц. И встретились по случайности на именинах у Анны.

— Не жалуясь, — ответил я в тон.

— Но хорошее дельце пригодится?

— Уж не хочешь ли сосватать? Сколько процентов комиссионных?

— Сдаешь, Перс. Комиссионные, выплаченные должностному лицу — та же взятка.

— А может, проверяю, не сдал ли ты, — парировал я.

Феликс ухмыльнулся:

— Пока не собираюсь, Перс. И тебе не советую.

Вообще-то я терпеть не могу прозвищ. Но это приклеилось так прочно, что стало неотделимым. Семнадцать лет назад я пришел в антирэклетную бригаду — такой же зеленый лейтенантишко, как нынешний Феликсов секретант. Феликс принял рапорт, а потом легонько потрепал меня по щеке: «Смотрите-ка, — восхитился он, — какой нам персик прислали!» И на целых три года я стал Персиком. Лишь после того, как мы взяли «Веселых ребят», Феликс впервые посмотрел на меня с уважением. «А ты не Персик, парень, — сказал он. — Ты Перс. Они, говорят, были когда-то неплохими бойцами». Так вот я и стал Персом. И Персом останусь — до конца дней своих. Для друзей, естественно.

Я опять присосался к чашке с кофе, держа паузу.

— В самом деле, ты сейчас очень загружен? — поинтересовался Феликс.

— Видишь ли, — уклончиво отозвался я, — я сейчас исключительно об отдыхе думаю. Может же и частный сыщик позволить себе отпуск? Или право на отдых не для него писано?

— Для него, для него, — успокоил Феликс. — Вот только отпуск, насколько я понимаю, у тебя не по графику. Когда захочешь, у тебя отпуск. Или что, дел нет?

— Ревнивых жен да мужей на мой век хватит. И скандалов в благородных семействах — тоже. Так что безработица мне не грозит, не беспокойся.

— И то правда, — согласился Феликс. — Я слышал, ты дом купил на Соборной? Значит, неплохи дела?

— Так ведь не капитанский оклад, сам понимаешь. И не майорский. А до большего я бы вовек не дослужился. Не всем же генералами быть...

— Не всем, — спокойно подтвердил Феликс. — Ты, например, индивидуалист. А служба этого не любит. Так возьмешь дело?

— Нет, Феликс, извини. У меня уже гостиница в Севастополе заказана. С завтрашнего дня. И билет в кармане. Вот только ласты осталось купить. Хочу, понимаешь, найти «мурену», да их нигде нет. «Ихтиандр» лежит, «барракуда», «акванавт», «батыандр», а вот «мурену» как черт языком слизнул. Правда, есть у меня один магазинчик на примете...

— Мне бы твои заботы,— завистливо вздохнул Феликс.— Жаль, генералом на задержание ходить не положено. А то бы тоже подставился под пулю, комиссовался да пошел в частные сыщики...

— Я конкуренции не боюсь. У меня репутация.

— Вот потому-то ты мне и нужен. Так что давай серьезно.

— А серьезно — у тебя вся милиция есть. Или ты сам в клиенты рвешься? Так я беру дорого...

— Последний раз говорю, Перс. Давай серьезно.

— Хорошо. Серьезно так серьезно. Излагай.

Даже в Феликсовом изложении дело мне не понравилось.

Жил-был некий Виктор Меряч. Заведовал он лабораторией в Институте физиологии, слыл человеком добродетельным и пунктуальным до отвращения. И судя по фотографии — был до отвращения же заурядным внешне. В прошлую пятницу он вышел из института, сел в машину — respectableный, как и все, что окружает доктора Меряча, «датсун» модели «кабинет», номерный знак 61-95. Видели, как со стоянки он выгнул на проспект Патриотов и двинулся вниз, к озеру. С тех пор о нем ни слуху, ни духу. Естественно, в субботу и воскресенье никому до этого дела не было. Но когда в понедельник он не вышел на работу, в институте всполошились, потому что на вторник был запланирован какой-то эксперимент, и присутствие доктора Меряча при его подготовке и проведении было необходимо. Дома его не оказалось. Все обычные, бытовые способы найти его ни к чему не привели. И тогда обратились в милицию. В принципе говоря, три дня — не тот срок, чтобы возбуждать дело об исчезновении; но, учитывая обстоятельства дела, милицеское начальство пошло навстречу администрации института. Двое суток розысков не дали даже рабочей версии. В самом деле, будь это киднепинг — уже давно потребовали бы за Меряча выкуп. Правда, требовать его пришлось бы разве что с институтской администрации — жил Меряч один, как перст. Если бы это оказалось политической акцией (хотя несчастный завлаб из академического института не министр и не генеральный прокурор, что его похищать?), то уже были бы выставлены какие-то требования в обмен на его жизнь. Наконец, если бы это была работа наших занюханых террористов (а не занюханых у нас, слава богу, нет), кто-то уже взял бы на себя ответственность. Да и труп в этом случае наличествовал бы. Самым натуральнейшим и вещественным образом. А раз ничего этого нет — остается предположить, что уважаемый доктор Меряч сам очень захотел исчезнуть. Либо же попросту провалился в какой-нибудь канализационный колодец, где его бранные останки и найдут когда-нибудь. Найдут совершенно случайно, ибо все неподходящие места, где человек может свернуть себе шею, обыскать практически невозможно. И только чудом может обнаружиться когда-нибудь его «датсун-кабинет», перекрашенный и с перебитыми номерами: не останется же машина бесхозной на улице, всегда отыщется, кому этим заняться. Наконец, если допустить, что ни та, ни другая версия не соответствуют действительности, — от этой истории пахнет какой-то совсем уж грязной политикой.

— Послушай, Феликс, — сказал я. — Если твоим молдцам не справиться, при чем здесь я? Я не выполняю госзаказа. Клиента у меня нет, ты сам говоришь,

что Меряч твой сиротинушка неженатая. А я всего-навсего частный сыщик.

— С репутацией.

— Допустим. Но это ничего не меняет. И к тому же, не забудь, меня ждет гостиница в Севастополе.

— Не упрямясь, Перс, — тихо сказал Феликс, и я вдруг впервые заметил, что лицо у него очень усталое, а глаза... Нехорошие были глаза. Не хочу я быть генералом, если к золотым погонам выдают в придачу такие глаза. Впрочем, генералом я в любом случае быть не хочу. — Учти, прошу тебя не только я.

— А кто еще?

Феликс выразительно возвел очи горе.

— Президент Биармии, что ли? — любопытствовал я.

— Не заносись. Министра внутренних дел тебе не достаточно?

— Феликс, мне плевать на министра. Мне вполне хватило бы твоей просьбы. Но понимаешь, не мое это дело. И влезать в него я не хочу.

— А я не хочу, чтобы у тебя были неприятности, Перс.

— Даже так? — Это становилось интересно. Такого нажима я еще ни разу не испытывал — с тех пор, как комиссовался из милиции.

— Понимаешь, Перс, я действительно не хочу, но учти, твой патент зарегистрирован в горотделе. И там же может быть признан недействительным.

Вот это да! Каюсь, такого я от Феликса не ожидал. Когда я выправлял патент, Феликс — он тогда еще не был высоким начальством, но весил, прямо скажем, немало — стоял за меня горой. И не в последнюю очередь благодаря ему стал я тогда первым в столице частным сыщиком. Два кооперативных агентства, правда, были. Занимались они, в основном, той же защитой от рэкета. Меня туда приглашали, но от такой работы я давно уже устал. А вот сыщиком-одиночкой я стал первым. И на тебе — теперь тот же Феликс... Припекло же его, однако, если старого товарища сует головой в дерьмо!

— А как насчет закона об обжаловании? Ведь надо еще найти, за что лишать патента. Я, между прочим, чист.

— Ой ли? — Во взгляде Феликса появилось участие. Ему явно не по себе было от роли, которую приходилось играть. Но помогать ему я не собирался. — Частный сыск — сам знаешь... Балансирование на грани. И всегда можно выискать тот шаг, что уже за гранью. И не один, Перс, правда!

К сожалению, мы знали это одинаково хорошо. Нет, я, пожалуй, все-таки лучше.

— Ну, спасибо, — сказал я как мог холодно. — Комиссионных я, конечно, не предлагаю — кому за взятки сидеть охота? Но при случае отплачу той же монетой.

— Не злись, Перс. Потом все поймешь. Нет у меня выхода, поверь.

— А у меня, между прочим, нет клиента.

— Будет, — пообещал Феликс и, не повышая голоса, произнес в воздух: — лейтенант, пригласите...

Старая штука: селектор врубается на кодовое слово. Пока мы просто беседует, адьютарь пребывает о нашем разговоре в полном неведении, но как только прозвучит: «Лейтенант!» — у него включается громкая связь. Или не громкая — не суть важно.

— Стоп! — перебил я. — Никаких «пригласите». Если нужно — пусть клиент обратится в мою контору. Я там буду через час. И не забудь, Феликс, мне еще нужно покрытие убытков за несостоявшийся отпуск.

— Лейтенант, отставить, — так же в воздух приказал Феликс. — Не беспокойся, убытки тебе покроют. И вот еще что, держи меня в курсе, ладно?

— В курсе я могу держать лишь клиента. А тебя —

только чтобы не быть обвиненным в сокрытии преступления.

— Будь по-твоему, — махнул рукой Феликс. — Но если что — не забудь, я тебя жду. У тебя все мои телефоны есть?

— Нет, — сказал я. — И искать не стану. И учти, Феликс, если вдруг надумаешь пригласить на день рождения — не жди. Не приду.

Когда я уходил, лейтенант проводил меня взглядом, но из-за стола не встал. И черт с ним.

На улице по-прежнему шел дождь.

II

Канторой мне служила двухкомнатная квартира в бельэтаже старого, но еще достаточно представительного дома на Якорной. Уже четвертый год я арендовал ее у одной симпатичной, хотя и прижимистой старушенции, безвылазно обитавшей на ферме у сына. Правда, за такое удовольствие приходилось ежемесячно отстегивать по пятьсот кун, — но с тех пор, как дела пошли на лад, меня это не слишком смущало. Тем более, что такие расходы вычитаются, слава богу, из суммы, облагаемой налогом. Зато расположение канторы в Старом центре повышало престиж фирмы. В двух комнатах тоже был свой резон. Клиент клиенту рознь — эту нехитрую истину я усвоил быстро. И потому завел разные приемные: «деловую» и «задушевную». Первая откровенно отдавала присутствием, вторая — будуаром. Довершала картину Магда — студентка юрфака, которую я выбрал исключительно за внешние данные. Это срабатывало безотказно. А когда у Магды обнаружились и некоторые деловые качества, я счел их бесплатным приложением к экстерьеру. Я платил ей по три стипендии в месяц за восемнадцать часов в неделю. И пока что мы были довольны друг другом.

— Должен сообщить вам пренеприятное известие, — заявил я Магде с порога. — К нам едет клиент.

— А отпуск?

— Лейтенант, отставить! — гаркнул я, не очень удачно подражая голосу Феликса. Магда недоуменно повела плечом. — Ничего не поделаешь, этого клиента принять придется. Отпуск пока подождет.

— Мне-то что, — сказала Магда. — Мне лишние деньги не помешают, а июнь так на так торчать в городе. Вас жалко, Марк. Куда его заводить?

— В «деловую». А пока, если успеешь, сообрази-ка чаю. Что-то мне после генеральского кофе пить хочется...

Мы как раз успели отчаевничать в кухне, когда в прихожей аккуратненько тренькнул звонок. Клиент оказался под стать звонку — такой же гладенький и аккуратненький. Когда Магда ввела его в «деловую», я с непроницаемой физиономией гонял по дисплею зайчика: бедняге угрожали все мыслимые и немыслимые опасности — от динозавра до браконьера. Но со стороны, откуда не виден был дисплей, это выглядело вполне солидно. При появлении посетителя я тут же выключил свою «кохинку» и, чуть привстав, жестом указал на кресло. Гость чинно уселся. Я взглядом отпустил Магду, и она удалилась, неслышно притворив дверь.

— Слушаю вас.

— Мне рекомендовал обратиться к вам генерал Керро, — начал клиент.

— Знаю. Но давайте начнем с другого...

Через полчаса я уже знал, что Фальстаф Пугоев (и откуда только пошла эта идиотская мода на литературные имена?) доводится доктору Мерячу родственником. Правда, настолько дальним, что моих, например, познаний в генеалогии, простирающихся до кузин и внучатых племянников, оказалось для постижения степени такого родства явно недостаточно. Однако бу-

маги подтверждали его со всей очевидностью. Работал гражданин Пугоев во внедренческом кооперативе в Каргархольме. О Викторе Меряче он вроде бы слышал от кого-то в детстве, но в жизни с ним не встречался и никогда не испытывал на сей счет трогательного родственного интереса. Проснулся интерес лишь вчера, когда милиция принесла Пугоеву весть об исчезновении родича. А заодно и приглашение прибыть в столицу и посетить генерала Керро. Оперативно работает Феликс, ничего не скажешь! Двигала гражданином Пуговым отнюдь не христианская любовь к ближнему. Если Меряч найдется, то не сможет не оценить прилива пугоевских родственных чувств, на худой конец — возместит расходы; если же нет — наследство покроет все потери с такой лихвой, что ради этого стоит повозиться. Толком о финансовых обстоятельствах Меряча Фальстаф, естественно, ничего не знал, но один только дом на Овечьем берегу стоит много больше, чем я мог бы потребовать за услуги. Раз в десять больше. И это при том, что щадить пугоевскую кошну я вовсе не собирался.

Мою цену он принял настолько легко, что мне стало даже обидно. И возникло ощущение, что платит он не из своего кармана. Уж не из министерских ли каких-нибудь фондов? Согласитесь, какой нормальный человек равнодушно расстанется с пятью тысячами кун — причем лишь в виде тридцатипроцентного задатка? Фальстаф же выписал чек, не моргнув глазом. Погашение всех связанных с работой расходов предусматривалось в подписанном нами соглашении отдельной статьей. Да, такого прибыльного дела у меня еще не было — в этом Феликс оказался прав.

— Отчеты направлять ежедневно? — поинтересовался я.

— Не стоит, это осложит вам работу. Давайте раз в три дня.

— Куда направлять?

— Я пока задержусь в столице. Раз уж пришлось сюда ехать, надо и делами подзаняться. Так что до конца недели вы можете найти меня в «Озерной», триста первый номер. А дальше видно будет.

На том мы и порешили.

Итак, у меня был клиент, было дело, и даже аванс. Я поручил Магде избавить меня от билета и гостиницы в Севастополе, а сам решил отправиться в Институт физиологии. Прежде всего следовало понять, что за человек этот самый Меряч, тогда будет легче предположить, что же могло с ним приключиться. После нескольких телефонных звонков я вышел на заместителя Меряча. Рой Ярвилла, кандидат медицины, судя по голосу и манере разговора, — человек не очень молодой и не слишком общительный, удостоил меня аудиенции. Правда, не в институте. Он изволил назначить встречу в «Пороховой бочке», явно рассчитывая пообедать за мой счет. Я не имел ничего против: кухня там приличная, а расходы все равно оплатит этот «зализанный глист», как со свойственной ей изысканностью выражений окрестила гражданина Пугоева Магда.

Трехэтажная, но благодаря необъятной толщине казавшаяся могучей, башня находилась посреди рыночной площади. Лет двести назад там действительно был пороховой склад, давший название нынешнему ресторану. В хорошую погоду было приятно посидеть на плоской крыше, окруженной зубчатой стеной, где от солнца укрывал черепичного цвета тент, а ветерок обдувал куда лучше любых кондиционеров. Но такое удовольствие не для нынешнего гнилого июня. Поэтому я устроился в зале второго этажа и в ожидании Ярвиллы потихоньку потягивал пиво. Пиво здесь было отменное, настоящее бочковое, а не баночно-бутылочная бурда, где консервантов больше, чем благородного ячменя.

Ярвилла оказался пунктуален. Был он невысок и коренаст; лицо не из породистых, но холеное, замкнутое; с бежевым костюмом элегантно контрастировал галстук национальных цветов. Уважаемый ученый явно не чурался Фронта национального возрождения. Впрочем, во Фронте состоят или сочувствуют ему едва ли не две трети населения.

Ярвилла одинаково внимательно изучил мой патент и меню, сделал заказ, явно пощадив при этом кошелек гражданина Пугоева, и лишь после этого поинтересовался, чем, собственно, может быть полезен. Я изложил, что являюсь частным сыщиком, представляю интересы моего клиента, Фальстафа Пугоева, каковой доводится дальним родственником пропавшему доктору Мерячу, и веду расследование упомянутого исчезновения. Прежде всего, меня интересует личность непосредственного начальника моего сотрапезника.

— Личность...— Ярвилла пожевал губами.— Что ж, доктор Меряч, несомненно, личность. Даже, я бы сказал, личность примечательная. Но, видите ли, мне бы очень не хотелось ни навязывать, ни предлагать вам свои оценки. Я могу быть субъективным, в чем-то — неправым, вас же это лишь собьет с толку. Давайте лучше придерживаться фактов, то есть тех предметов и категорий, о которых мои суждения могут быть конкретны и объективны.

Вот так! Что ж, будем играть по правилам кандидата Ярвиллы. А понадобится — и смухлевать не грех.

— Вы сказали, что доктор Меряч — личность примечательная. Какой смысл вкладываете вы в эти слова?

— К сожалению, они относятся как раз к той области оценок, которой мне хотелось бы избежать. Но, сказав «а», приходится говорить и «б». Иное показало бы нелогичным. Прежде всего, я имел в виду, что патрон является прекрасным, больше того — блестящим специалистом... Цепкость и нетривиальность мышления плюс врожденный дар экспериментатора. Вот только факты: университет он окончил в двадцать, кандидатскую диссертацию защитил в двадцать пять, докторскую — в двадцать семь. Он — почетный доктор десятка университетов. И, насколько мне известно, в этом году его должны были выдвинуть в академики.

— Конфедерации?

— Нет, конечно, — улыбнулся Ярвилла уголками губ. — Национальной Академии. Конфедерация — это уже следующий этап. Года через три-четыре, я думаю. Впрочем, здесь мы вновь вступаем на зыбкую почву предположений.

Ах ты, лис! За гладкими периодами проступала очевидная зависть. А это, между прочим, один из смертных грехов. Правда, нашему брату с грешниками дело иметь заметно проще, чем с праведниками. Да праведники и встречаются, к тому же, куда реже...

— А чем он, собственно, занимался? — это был уход в сторону, гораздо больше меня интересовало, что представляет собой пропавший биохимик. Но кружной путь — часто самый короткий. Банально, но факт.

— Почему вы говорите в прошедшем времени? — вопросом на вопрос отозвался Ярвилла. — У вас есть основания предполагать, что...

— Нет, — перебил я его. — Пока у меня нет никаких оснований и никаких предположений. Я просто имел в виду — чем он занимался до своего исчезновения.

— Как и вся наша лаборатория — вакциной Трофимова. Это наша основная тема.

— Но ведь вакцина Трофимова создана бог знает когда. Если женщины Биармии чуть ли не четверть века проходят поголовную тротимизацию, о каких еще исследованиях можно говорить?

— Вы правы и не правы, друг мой. Вакцина, действительно, была создана в девяносто третьем году.

После всех проверок она была признана наиболее эффективным и не имеющим побочных явлений средством предупреждения беременности, и как таковое вошла в мировую практику. Тотальная или, как вы выразились, поголовная тротимизация в Биармии, действительно, проводится вот уже двадцать семь лет. Во всем этом вы правы. Но мы обязаны исследовать даже самые отдаленные последствия тротимизации. Ведь на скольких бы поколениях мышей, собак или шимпанзе мы ни прослеживали ее воздействие, на человеке широкомасштабные эксперименты пока, по сути дела, не ставились. И хотя теория полностью исключает какие бы то ни было негативные последствия, контроль необходим. Но это только первая задача. Есть и вторая. Вы, наверное, лучше меня знаете, что гражданская сознательность не является всеобщей добродетелью, в том числе и у нас в Биармии. А это значит, что на черном рынке то и дело появляются препараты, ослабляющие или нейтрализующие действие вакцины Трофимова. Что, в свою очередь, означает необходимость непрерывно совершенствовать ее, чем и занимается наша лаборатория. Как видите, поле деятельности обширное.

— Понятно. Скажите, а есть у доктора Меряча враги? Те, кто мог быть заинтересован в его исчезновении?

— У кого из нас нет врагов? — снова вопросом на вопрос ответил Ярвилла.

— А конкретнее можно?

— Пожалуйста. Я.

Что это — удивительная искренность или великое нахальство?

— Вы?

— Конечно. Если Меряч не вернется, — заметьте, ничего худого я ему никогда не желал и не желаю. — работу нашей лаборатории возглавляю я. И, смею надеяться, справлюсь.

— Но вы же сами говорили о выдающихся достоинствах Меряча.

— И продолжаю утверждать это. Но и я обладаю не меньшими.

Пожалуй, это все-таки нахальство. И ущемленное самолюбие в придачу.

Ярвилла в упор посмотрел на меня:

— И поверьте, друг мой, что это не гипертрофированное самомнение. Это трезвая самооценка. — В его голосе прозвучала какая-то нотка, которую я не взялся бы определить, но почему-то поверил ему. Впрочем, это уже не мое дело.

— И еще одно, — продолжил Ярвилла, все так же не отводя взгляда. — Запомните, пожалуйста, я не убивал Меряча, не похищал его и вообще не имею кого исчезновению ни малейшего отношения. Хотя печалиться по этому поводу, поверьте, не стану. Милиция, кажется, поняла это. Надеюсь, поймете и вы. И спасибо за обед.

Он поднялся и, не попрощавшись, направился к выходу. Но на втором шаге остановился.

— А если вас интересует личность Меряча — поговорите с его любовницей. Думаю, она сможет оказать в этом отношении куда полезнее меня.

Я молчал.

— Ее зовут Рита. Рита Лани. Работает в «Детинце». Это на севере, где-то под Марьямэ.

И он уверенной походкой зашагал прочь. Парфянская стрела или добрый совет? Непрост, ох, непрост был Ярвилла... У меня было такое чувство, словно вместо полтинника мне в копилку кинули блестящую пуговицу. Может быть, как раз пятьдесят белок ценой. А может — и в куну. Но вот пригодится она или нет — бог весть.

И только одного вопроса Ярвилле задавать я не стал. Потому что в ответе был уверен. Таким неудов-

летворенным, нескрываемым честолюбием, пусть даже самым обоснованным, чаще всего страдают в Биармии те, у кого нет детей.

III

Прежде чем покинуть «Пороховую бочку», я позвонил в контору. Магда была еще там, и я попросил ее дождаться моего возвращения.

Увидев мою постную физиономию, Магда ни слова не говоря препроводила меня в «задушевную» и усадила на диван. Задернутые шторы отсекали комнату от паскудной непогоды. Акустика источала что-то медленное и ласковое. Бра бросали приглушенный свет на стеклянный столик, где горела свеча и стоял запотелый стакан. Аромат «самого смелого» я бы узнал и за версту.

— Расслабьтесь, Марк,— посоветовала Магда.— Слабость — признак силы.

— Уже,— честно признался я.— Спасибо, боевая подруга. Как всегда — то, что надо. А себе нальешь?

— Шампанское — вроде повода пока нет, а другого я, если помните, не употребляю. Но могу посидеть пять минут за компанию.

— Только пять?

— Или чуть-чуть. Но немножко. Мне еще надо заскочить домой и привести себя в порядок.

— Свидание?

— Не угадали, Марк. Ночной концерт Инги Бьярмуле. И билет обошелся мне ох, как недешево.

— А кто это?

— Господи, Марк, на каком свете вы живете? Это же лучшая гитаристка со времен Анидо! Она гастролирует по свету куда больше, чем бывает здесь. И попасть на ее концерт не легче, чем стать «мисс Биармия».

— А тебя это привлекает?

— Концерт?

— Нет, «мисс Биармия».

— Куда уж мне,— Магда притворно вздохнула, явно набиваясь на комплимент. Но я стоически молчал, потягивая коктейль. Лучше, чтобы наши отношения не переходили определенной грани. А дистанция от комплиментов до постели в наш трофимизированный век слишком коротка. Кстати, о...

— Слушай, ты не могла бы просветить меня по части трофимизации?

Способность женщин к метаморфозам всегда ставила меня в тупик. Магда взвилась:

— Может, устроить еще и сеанс прикладной гинекологии?

Она выскочила из комнаты, и сразу же вслед за этим хлопнула входная дверь. Я сидел дурак дураком. И ведь я мог поставить свой патент против рваного ботинка, что Магда уже не раз готова была поехать ко мне или даже остаться здесь, в «задушевной», проявив некоторую активность. Больше того, я сильно подозревал, что рано или поздно это должно будет случиться. И не потому совсем, что была она вполне современной девушкой. Просто я ей нравился. И вдруг — такой всплеск...

Впрочем, через полчаса Магда вернулась. Хотя это и не совсем точное слово. Она возникла в комнате и метнула на столик передо мной кучу каких-то бумаг.

— Что это?

— Проспекты. И брошюры. Из ближайшей женской консультации. Желаю понаслаждаться от души!

И она исчезла с последним порывом бури — на этот раз окончательно.

Хотя было еще не очень поздно, я решил заночевать в конторе. «Задушевная» не раз уже служила

мне спальней, а в холодильнике Магдиными стараниями всегда был кое-какой припас. Я принял душ, закутался в халат и завалился на диван, пододвинув поближе принесенные Магдой проспекты.

Дебаты по программе национального возрождения и проблемам трофимизации пришли на мое детство, и никаких воспоминаний об этих временах у меня не сохранилось. Вернее, воспоминаний было сколько угодно — о том, например, как мы исследовали заброшенные, еще времен Второй мировой, доты Озерного укрепрайона. Или как отправлялись в плавание через озеро Вено на доморощенном «Кон-Тике» (к счастью, нас успели снять до того, как плот начал разваливаться). Но к делу все это ни малейшего отношения не имело. Какие-то отдельные фрагменты зацепились в памяти со школьных времен, но были они слишком отрывочными и бессвязными, чтобы на это можно было опереться. Посему посмотрим, что пишут специалисты. Пусть даже на рекламно-популярном уровне. Возможно, и этого хватит...

Часа через два у меня в голове сложилась довольно стройная картинка. Надо признать, авторы и составители всех этих брошюрок были специалистами хорошего класса. Кстати, одна из них — по истории вопроса — принадлежала перу кандидата медицины Р. Ярвиллы... Не знаю уж, какой он там ученый, но писатель в нем явно пропал.

Программа национального возрождения сформировалась лет через десять-двенадцать после того, как наша республика из номинально-автономной превратилась в суверенную, вернула историческое название — Биармия — и обрела в реорганизованной Конфедерации статус равного среди равных. Постепенно биармы из самых разных регионов страны стали стягиваться на свою историческую родину. Медленно и трудно, но все-таки шла национальная консолидация, более или менее завершившаяся примерно к тому времени, когда я появился на свет. А чуть раньше родилась идея жесткого контроля рождаемости. Идея отнюдь не новая — в каких только странах ни пытались ее осуществить, но нигде еще это всерьез не получалось. Даже там, где было настоятельной необходимостью. Мы оказались первыми.

В свое время я вычитал в музее Херсонесского заповедника, что земельный надел греческого колониста достигал ни много ни мало — тридцати с лишним гектаров. Конечно, за двадцать пять веков многое изменилось. Но даже после всех прогрессов и зеленых революций на долю человека должен приходиться гектар пашни, сада, огорода... И как ни мал биармский народ — всего-то нас три с половиной миллиона — кормиться ему должно со своей земли. Вот только где ее взять? Пригодной — не больно-то густо, к тому же половину, если не больше, еще только предстояло возродить к жизни. Вволю поиздевались над ней предки. Не жалей сил. Это сейчас можно уже сказать, что многое удалось. А полвека назад задача представлялась едва ли не утопической. И тогда родился лозунг: пусть станет нас меньше, но жить будем лучше.

Тут и подвернулась под руку вакцина Трофимова. Идеальное противозачаточное средство. Ежегодная прививка давала стопроцентную гарантию, причем главным преимуществом этого метода была даже не столько абсолютная его надежность, сколько полная безвредность. Я не больно-то разбираюсь в биохимии и физиологии, но главное уловил: ничего общего с прежними гормональными препаратами это не имело. Скорее уже напоминало аутогемотерапию. Некий субстрат извлекался непосредственно из организма и организму же возвращался. Ничего чужеродного, никакой химии. Тогда и был предложен законопроект о всеобщей трофимизации. Споров было множество. Сторонники и противники схлестывались на всевозможных трибунах.

Активнее всех возражала церковь, причем все конфессии в этой борьбе оказались едины. Родилось и объединение сторонников трофимизации — Фронт национального возрождения. В конце концов пришлось проводить референдум. И подавляющим большинством голосов законопроект обрел силу закона. Всем (или почти всем) хотелось, чтобы дети жили лучше них. Пусть даже детей этих будет меньше. Отныне каждой женщине раз в год делалась прививка (прочтя описание этой процедуры, я, кажется, понял причину Магдиново взрыва). К тому же право иметь детей стало дополнительным стимулом — было решено, что в первую очередь предоставляться оно будет тем, кто исповедует здоровый образ жизни и больше потрудился на благо Биармии.

Мои занятия прервал телефонный звонок. Было уже за полночь, и я чертыхнулся.

— Ну как, Перс, накопал что-нибудь? Помощь нужна? — Это был Феликс.

— Понадобится, сам позвоню, — отрезал я и положил трубку.

Дороги до «Детинца» было часа три, приехать туда стоило пораньше, поэтому я завел будильник на шесть утра. Потом нырнул под плед и уснул.

Первые полсотни километров по выезде из столицы шоссе повторяет прихотливые, но плавные извивы русла Визны. Мой «алеко» бежал довольно резко, невзирая на свой достаточно почтенный возраст. Конечно, пора бы его сменить. После покупки дома новых крупных трат мне вроде бы не предстояло (когда же, наконец, машины у нас подешевеют настолько, чтобы не считаться крупной тратой?). Но расставаться с ним мне было жалко. Не то чтобы я уж так привикал к вещам, но машина — не вещь. Она почти товарищ. Как лошадь.

От Солдаюва дорога свернула на север. Теперь шоссе рассекало лес почти по прямой, от поворота до поворота вполне можно было выспаться. Однако однообразной эту часть пути я бы не назвал. То и дело по сторонам открывались озера, и при всей схожести каждое было в чем-то неповторимо. Изредка я проскакивал через деревни — в этой части страны фермерских хозяйств было мало, преобладали крупные кооперативы, в основном скотоводческие. В одной из деревень я остановился на полчаса и позавтракал в придорожной закусерии. Кормили здесь весьма прилично, без изысков, но по-домашнему основательно. В «Пороховой бочке» одну такую порцию разделили бы на троих.

В половине десятого над лесом завиднелись золоченые луковичи Покровского собора — я подъезжал к «Детинцу». Когда-то он был монастырем — из тех, где иноки с одинаковой сноровкой звонили в колокола и палили из пушек, а к бердышам да пищалям были привычны не меньше, чем к наперсным крестам. Он разрастался и богател — пока после революции монахов отсюда не выгнали безо всяких церемоний. Что только не обосновывалось потом здесь: от складов до тюрьмы, от мастерских до психиатрического интерната. На здания всем было, само собой, наплевать. Лет двадцать пришлось потом повозиться здесь энтузиастам и подвижникам, прежде чем Михайлов монастырь обрел божеский вид. Однако церкви он оказался не нужен. И тогда его превратили в «Детинец» — нечто среднее между сиротским приютом, деревней «СОС» и античным полисом. Целый детский городок, со своими школами, спортивными комплексами, огромными подсобными хозяйствами. Если верить легендам, монахи выращивали здесь арбузы и виноград. Как насчет арбузов — не знаю, но продуктов «Детинца» в его фирменных лавках хватает только до обеда. Причем работают ребята в охотку, это отнюдь не трудовая повинность.

Все это я знал не понаслышке. Биармия — маленькая страна, и здесь немного сыщется мест, где не побывал бы человек, ведущий мало-мальски подвижный образ жизни. Три года назад мне пришлось прожить в «Детинце» с неделю, расследуя довольно пакостное дело. Тамошние деятели не хотели предавать его огласке, и потому к официальным путям расследования решили не прибегать.

Я припарковал машину на стоянке так, чтобы ее накрыла тень от надвратной церкви: погода с утра переломилась, и солнце сейчас поджаривало так же всерьез, как все последние дни поливал дождь.

Теперь оставалось разыскать Риту Лани.

Сделать это не составило никакого труда. Уже через несколько минут я знал, что преподает она в здешней музыкальной школе, что сейчас там идут уроки, но кончатся они должны ровно через час. Я соскучился по солнцу и потому решил побродить этот час по «Детинцу», вызвав тем самым явное неудовольствие дежурного привратника — солидного человека пятнадцати лет от роду, уже предвкушавшего обстоятельную и приятную беседу с новым человеком. Я поднялся на монастырскую стену и пошел по галерее. Отсюда открывался прекрасный вид на окружающие «Детинец» сады с разбросанными по ним семейными коттеджами. В каждом таком двухэтажном крытом черепицей домике жила здешняя семья — групповые родители с шестью-семью детьми самого разного возраста, от младенцев до юношей и девушек, уже готовящихся покинуть «Детинец». Родителями могли работать только бездетные супружеские пары. Конкурс на каждую вакансию был изрядный, отбор производился самый тщательный, потом следовала годичная специальная подготовка, — и в «Детинец» появлялась новая семья, объединявшая детей — лишенных родителей, и родителей, не имеющих детей. Я сделал полный круг по стене и ровно через час вошел в здание музыкальной школы.

На вид Рите Лани можно было дать лет тридцать. И, насколько я понял, впечатление соответствовало действительности. Красавицей я бы ее не назвал, уродливая тоже — сплошное среднее арифметическое. Словом, выйди вечером в Александровский сквер — там таких прогуливается девять из десяти. Бог знает, что сыскал в ней доктор Меряч, но это уже его личное дело.

— Меня зовут Марк Айле. Я частный сыщик. Клиент поручил мне поиски Виктора Меряча, что и привело меня к вам.

Мы сидели в маленькой, спартански обставленной гостиной двухкомнатной квартирке Риты, помещавшейся здесь же, в здании школы.

— Частный сыщик? — она удивленно посмотрела на меня. — А разве такое бывает? Я думала, Шерлок Холмс — это очень давняя история.

— Несомненно, — согласился я. — Однако — вот мой патент.

Она бегло глянула на запаянную в пластик карточку.

— А могу я поинтересоваться, кто ваш клиент? Кого, кроме меня, может волновать судьба Виктора?

— Его дальнего родственника, Фальстафа Пугоева.

— Никогда о таком не слышала.

— Насколько я понимаю, доктор Меряч и сам не подозревал о его существовании.

— А откуда ваш Пугоев — так? — узнал об исчезновении Виктора?

— От милиции.

Собственно, кто кого расспрашивает? Но пока это было не столь важно. Лишь бы в конце концов сложился разговор.

— Выходит, милиции проще найти никому не нужного родственника, чем человека, попавшего в беду?

— Вы думаете, доктор Меряч попал в беду?

— А что еще я должна думать, если его ищет милиция?

— Они у вас уже были?

— Позавчера. Но я не смогла сказать им ничего полезного.

— Это их мнение или ваше?

— Мое. Но, думаю, они его разделяют.

Внешне она держалась достаточно спокойно. И в то же время даже на расстоянии чувствовалась бившая ее внутренняя дрожь. Бывают такие состояния, которые не всегда можно правильно истолковать, но ощущаешь их в собеседнике не менее явственно, чем страх или сексуальное влечение.

— И все-таки позвольте задать несколько вопросов. При этом должен предупредить, что вы имеете полное право не отвечать на них. Ответственность за дачу ложных показаний на вас сейчас не распространяется.

— Зачем вы это говорите? Я не собираюсь лгать.

— Я вас в этом и не подозреваю. Но таковы правила.

— Что же вас интересует?

— Прежде всего, мне важно понять, что за человек доктор Меряч.

— Это слишком общий вопрос. На многочасовую исповедь я сейчас попросту неспособна, а иначе о человеке не расскажешь, не правда ли?

— Не знаю, это кто как.

— Я — так. Попробуйте задавать мне вопросы. Более конкретные вопросы. Может, так у нас что-то получится?

— Хорошо, давайте попробуем, Рита. Когда вы последний раз видели доктора Меряча?

— Милиция уже спрашивала меня об этом. Две недели назад. В среду. Шестого июня.

— Где?

— У него дома.

— И с тех пор не встречались?

— Мы видимся не так уж часто. У него работа.

У меня — тоже.

— И вас это устраивает?

— Когда не можешь изменить обстоятельств, их остается принимать.

— И все-таки?

— Я Виктора люблю. Этого не достаточно?

— Вполне, Рита. Простите мою настойчивость, но ведь вы хотите помочь найти доктора Меряча?

— Найдите — и я прибавлю к тому, что вы получаете от своего клиента, столько же.

— Вряд ли. Я получу с него немало.

— Я найду любую сумму.

— К тому же это незаконно. Одно дело — один клиент.

Она в упор посмотрела на меня и вдруг сменила позу, быстрыми движением закинув ногу на ногу — так, чтобы я смог оценить их по достоинству. Оценивать, между прочим, действительно, было что. Я начал понимать Меряча.

— Все равно я сумею отблагодарить вас, — произнесла она с этакой горловой дрожью в голосе и сразу испортила впечатление. Каюсь, разговоры мартовских кошек никогда не были мне по душе.

— Нет, — сказал я. — И оставим это. Тем более, что доктора Меряча я все равно ищу. И постараюсь найти.

— Прошу вас, найдите его! — Теперь в голосе было не мурлыканье, а явное предвестие слез. Господи, до чего же трудно иметь дело с женщинами! Я с радостью поменял бы Риту Лани на добрый десяток Явилл.

— Но все-таки, Рита, что за человек доктор Меряч? Спокойный? Уравновешенный?

— Безусловно. Самый пунктуальный из всех, кого я встречала.

— Способный на нелогичные поступки, неожиданную смену планов?

— Нет... Пожалуй, нет. Точно нет.

— Хорошо. Вы знаете, куда направлялся доктор Меряч в день своего исчезновения?

— Как куда? Сюда, ко мне.

— Тогда почему же не вы первой заявили в милицию? Почему это сделала только через три дня администрация института?

— А вы встречали когда-нибудь женщину, которая призналась бы, что мужчина собирался к ней и не приехал? Если это еще не муж, разумеется?

— Вы собирались пожениться?

— Не знаю. Скорее да. Во всяком случае, я этого хотела. — На этот раз ее искренность была обезоруживающей. Ну и переходы! Два самых бессмысленных занятия — по крайней мере, у нас в Биармии — предсказывать погоду и играть в карты с женщиной. Никогда не знаешь, что прольется с неба через два часа и какой ход сделает партнерша через две секунды.

Словом, уезжая из «Детинца», я знал ненамного больше, чем вчера вечером. Было три часа. Расследование длилось уже ровно сутки, а не продвинулся я пока ни на шаг. Само по себе это не было трагедией: мне случалось топтаться на месте и неделями. Но в этой истосии я нутром чуял какую-то гнильцу. И больше всего на свете мне хотелось поскорее из нее выкарабкаться. И податься к моим любимым херсонесским камням.

На полпути к столице — опять пошел дождь.

IV

В контору я вернулся к пяти. Магды сегодня не должно было быть. Почтовая и телефонная корреспонденция свелась к двум счетам, оплатить которые я еще десять раз успею. Я соорудил нехитрый то ли обед, то ли ужин — омлет с консервированной ветчиной, сдобренный ложечкой рому и кофе с крекерами. Пока омлет доходил, я успел принять душ. И теперь, без особого усердияковыряя вилкой, размышлял, что же делать дальше.

Судя по словам Риты Лани, Меряч не из тех, кто по настроению мгновенно меняет планы. Значит, крайне маловероятно, что он, направляясь в «Детинец», вдруг взял, да и свернул на юг и теперь околачивается в гостинице какой-нибудь Горловки. Да и что ему там делать?

Дорожное происшествие можно исключить напроць — уж его-то родная милиция не прохлопала бы. Дорога контролируется вертолетами, и свались даже Мерячев «датсун» в озеро, его наверняка заметили бы. Тем более, что поиск по трассе производился.

Все остальные версии тоже вроде бы не проходили. Это было очевидно еще вчера.

Значит, остается искать следы. Если не человека, то хотя бы машины. А раз так — придется пощупать Филина. Правда, искать его сейчас бессмысленно: раньше девяти, а то и десяти он не появляется. Филин — птица ночная. Значит, часа два можно поспать — кто знает, как пойдут дела ночью.

Приняв это решение, я свалил посуду в мойку, — Магда завтра наведет порядок, — и отправился в «здушевеную». Может, сон и сокращает жизнь, но доставляет удовольствие.

В восемь я двинулся в обход излюбленных Филиновых мест. Во «Фрегате» его не было. В «Щах и каше» тоже. Не попался он мне и в «Гамлете» — просторном полутемном подвале, излюбленном месте столичной богемы. Здесь я довольно долго бродил между столиками и даже посидел четверть часа у стойки,

приглядываясь к лицам, искаженным багровыми электрическими сумерками,— Филин появлялся тут, пожалуй, чаще всего. Затем я навестил «Берлогу», «Стерлядь золотую» и заглянул даже в диско-бар «Ивушка», более известный в народе как «Бешеный децибелл» — название, комментариев не требующее. Здесь я встречал Филина всего раз, но на всякий случай посмотреть стоило. Однако поиски мои оказались тщетными. Я вздохнул и двинулся по второму кругу. Десять часов вечера для Филина — раннее утро.

Филин был фигурой довольно колоритной. Прозвище свое он получил не столько как производное от имени — Филипп, — сколько за привычку к вывернутым суткам. Днем его никогда и никто не видел. Говорят, он отсыпался где-то в своей норе и вылезал не раньше девяти-десяти вечера, чтобы не сходить с горизонта уже до самого утра. Он был идеологом и вдохновителем подпольного автобизнеса. Если у вас угоняли машину, то разумнее — увы! — было идти не в милицию, как положено по закону, а к Филину. И за соответствующее вознаграждение машина без единой царапинки возвращалась к вам. В противном же случае перекрашенная, с перебитыми номерами и вполне достоверными — комар носу не подточит — документами она могла всплыть в любом конце не только Биармии, но и всей Конфедерации, от Новгородской республики до Ассоциации Приморья. Связи у Филина были развиты. Снабжал он кое-кого и машинами с незарегистрированными номерами — этакая прокатная фирма уголовного мира. Но сам при всех обстоятельствах оказывался чист перед законом, как слеза младенца. Не раз уж милиция выметала едва ли не всех его шавок и шестерок — мальчиков, за сотню-другую кун готовых угнать любую машину; автомехаников, преобразовавших «волги» и «вольво» с такими искусством, что их не узнал бы не только законный владелец, но и родной завод; наконец, «пчелок», собирающих и переносящих информацию и совершающих сделки. На считанные недели деятельность фирмы Филина увядала, но потом сеть возрождалась в прежнем виде и с прежним размахом. Менялись только имена. Не удалось установить даже, как Филин раздает свои ценные указания и каким образом получает причитающиеся ему за общее руководство проценты.

Впервые мне пришлось с ним столкнуться в самом начале частносекской деятельности, выполняя поручения нескольких клиентов, хотевших вернуть свои машины и не надеявшихся на помощь милиции. Скажи мне кто-нибудь в курсантские годы, что я буду преспокойно улаживать дела с одним из боссов организованной преступности, — морду бы набил. Был я тогда идеалистом и максималистом, и свою цель видел исключительно в том, чтобы наш маленький народ избавился, наконец, от всей этой похабелы. Но позже стал понемногу понимать, что все не так просто. В конце концов, даже Филин — тоже наш народ. Да и вообще к сорока научаешься уже идти на компромиссы. Не с совестью — этого я никому не желаю, — но с идеями.

В начале двенадцатого я поймал-таки Филина — в «Гамлете», как и ожидал. Он сидел за столиком с какой-то девицей из тех, что носят разовые стеклянные сережки с цветными презервативами. Мол, ради милого дружка — и сережку из ушка. Я демонстративно прошел мимо, а потом прочно засел у стойки. Филин прекрасно понял намерения. Он вообще умел понимать с полуслова. Иначе не бывать бы ему Филином; гулял бы по свету безвестный мелкий служащий Филипп Дука. Вскоре он взгромоздился на соседний табурет. Заметив его натренированным оком, бармен тут же подошел к нам, хотя перед тем я минут пять тщетно пытался привлечь его внимание.

— Что будем пить? — поинтересовался Филин.

— Ничего. Я за рулем. Безалкогольное пиво есть?

— Для хороших клиентов все есть, — отозвался бармен и поставил передо мной банку «датского № 6».

— А мне как всегда, — лениво бросил Филин.

Перед ним тут же появился хайболл, на три пальца наполненный чем-то малиновым.

— Какими судьбами, капитан?

Этот сукин сын, конечно же, быстро выяснил мое прошлое и всякий раз с любезнейшей улыбкой называл меня по званию. Тешило его душу, что вот он, Филин, запросто беседует с офицером милиции, пусть даже бывшим, и тот перед ним, Филином, бессилен. В этом была изрядная доля истины. Приходилось терпеть.

— Да вот интересуюсь одной каталкой.

— Какой? — В глазах его блеснул охотничий огонек, отчетливо различимый даже в здешней полутьме. Но говорил он лениво, цедя слова так же, как содержимое своего стакана. — Если знаю, отчего ж не помочь хорошему человеку...

— «Датсун». Модель «кабинет». Номерный знак 61-95. Темно-коричневый.

— Цвет «кола», — тоном знатока поправил Филин. — Хорошая каталка. Угнали болезную?

— Нет. Но если что-нибудь знаешь, видел ее, слышал, за мной не заржавеет. Клиент у меня хороший.

— Хороший клиент — это хорошо, — согласно кивнул Филин. — Да вот беда, капитан. Машину я эту знаю. У нас в столице таких не много. Да и во всей Биармии тоже. Но мои ребята ее не трогали. — Со мной он позволял себе даже такую откровенность. Знал, подлец, что мои показания уликой в любом случае не будут, мало ли что можно сболтнуть с глазу на глаз.

— Верно. Но, может, видели где? Могла даже брошенной стоять, не исключено.

— Такую машину — и бросать, — возмутился Филин и даже языком поцокал, артист. — Ай-яй-яй, как не хорошо! Ладно, подумаю.

— И долго?

— Часок надо, капитан. Нынче вечером у меня мысли медленно крутятся. Так что давай через час.

— Здесь?

— Нет. Я в «Стерлядочку» загляну. По рыбке соскучился. Да и киска моя рыбки хочет, — он мотнул головой в сторону сиротливо сидевшей за столиком девицы. — Как, подойдет?

— Подойдет, — согласился я. Что еще оставалось?

— Да, — спохватился Филин, — а когда каталка-то пропала?

— В пятницу. Вечером. Или около того.

— Значит, договорились. — Филин не слишком ловко слез с табурета — был он невысок и рыхловат.

Когда полтора часа спустя я вошел в огромный, оформленный в этакое русско-купеческом духе зал «Стерляди золотой», Филин, привстав, приглашающе помахал мне рукой. Он был в обществе все той же девы. Я сел.

— Видели твою каталку, капитан, твое счастье, — сказал Филин.

— Может, дама пока потанцует? — предложил я. Девица метнула в меня недобрый взгляд и повернулась к Филину, ожидая его слова.

— Не надо, — милостиво разрешил тот. — В нашем деле все честно и открыто. Я свидетелей в жизни не боялся.

Потому что не было их у тебя, подумал я. Умеешь ты устраивать дела, Филин...

— Кто видел? И где?

— Где — не знаю. Честное слово, не знаю. Но что в пятницу — это точно. Вечером.

Очень интересно!

— А кто?

— Ох, не люблю я этого, капитан, смерть как не

люблю. Зачем лишним людям друг с другом сводить? Много знать будут... Впрочем, ты и так слишком много знаешь... Шучу, капитан, шучу! Ну да ладно, для хорошего человека чего не сделаешь. Вот только придется тебе в Зброшенне деревни прокатиться, капитан. Не сдрейфишь? Да шучу я, шучу! Есть там человек один, Кудесником кличут. Найдешь его. Если просто скажешь, что от Филина пришел — не поверит. Передай это вот, — Филин сунул мне в руку какую-то штуку, на ощупь круглую и плоскую, не то жетон, не то монету, рассматривать я не стал. Успеется. — Ну, а при случае, капитан, и ты про Филина не забудь. Если, конечно, из Зброшенных деревень невредимым вернешься... Опять шучу! Веселый я человек, капитан, ничего не могу с собой поделат. Так вот, про Филина, говорю, не забудь. Будут у тебя еще для Филина клиенты, будут...

Я ничего не ответил. Хотя и знал, что Филин прав — будут.

Ташиться на ночь глядя за тридевять земель мне, прямо скажем, не улыбалось. Но обитатели Зброшенных деревень придерживаются, как правило, ночного образа жизни. Так что выбирать не приходилось. Я взглянул на часы. Половина второго. Значит, на месте я могу быть не раньше трех. Поздно вато... Рисковать, впрочем, стоило.

Первые семьдесят с лишним километров Западное шоссе плавной дугой врезается в сплошной хвойный лес, и дорога даже днем не кажется слишком интересной. Ночью и того хуже. Высвечивая асфальт, фары сгущают тьму по сторонам, и ты мчишься словно по коридору, на стенах которого смутно различимы какие-то рисунки. За семидесятым километровым столбом я сбросил скорость: теперь важно было не прохлопать поворот на проселок. Грунтовка эта считается давно заброшенной, и потому указателя нет. В ясные ночи ориентироваться помогают контуры, различимые на фоне звездного неба. Но когда оно затянулось облачной пеленой, приходится полагаться не столько даже на зрение, сколько на интуицию. К счастью, ни зрение, ни интуиция не подвели, и я вовремя свернул с шоссе.

По такой дороге езда уже не кажется скучной. Я от души пожалел, что мой «калеко» не тяжелый армейский джип. Впрочем, кряхтя и переваливаясь с боку на бок, мы с ним все-таки приближались стихихоньку к Мертвым озерам.

Для Биармии Мертвые озера примерно то же, что для американцев Денежная шахта на Оуке или сокровища «Генерала Гранта». Раз в несколько лет сбивается очередная компания, вытягивает из республиканских фондов или у спонсоров очередные сотни тысяч и пытается эти озера оживить. Каждый раз придумывают какой-то новый фокус, а то и попросту вспоминают хорошо забытый старый. Полгода спустя торжественно объявляется, что Мертвые озера вновь можно считать Большим и Малым Охотничьими, как они и значатся на карте. Что вода в них свежа, как поцелуй девственницы. Заводилы совершают ритуальный заплыв, мужественно выпивают традиционный кубок озерной воды и срывают аплодисменты восхищенной публики. Правда, в последнее время аплодисменты стали поживше, а публики заметно поубавилось... Потом в озера запускают рыбу, которая в будущем должна завалить прилавки и окупить тем самым все расходы. Но ей, рыбе то есть, почему-то окупать расходы не хочется. Ей, дура, почему-то больше нравится всплывать кверху брюхом... Несметные сокровища остаются в Денежной шахте, Мертвые озера остаются мертвыми, а банкротство очередных кладоискателей или экологов-реставрологов остается в равной мере незамеченным. Разве что появится в меру ядовитая статья в вечерней газете.

А ведь когда-то места эти были не просто оби-

таемыми — землей обетованной. Уж бог весть, какую пакость накачал в озеро заводилко, развалины которого до сих пор знаменуют собой одну из первых побед общественного мнения. Историкам это, может, известно, но я понятия не имею. И что этот завод выпускал — тоже не ведаю. Но зато не раз слышал, как вспоминают свои родные места те, кому пришлось их оставить. Сейчас-то уже получше стало, время, как известно, все лечит, а прежде тут на три километра к воде подойти нельзя было, один только запах — и тот наповал бил. И остались две осиротевшие деревушки. Небольшие. Да в том ли счастье? Что, полсотни семей — мало?

Правда, не только свято, но и проклято место пусто не бывает. Понемножку сюда стали стекаться самые разные людишки. Порой мне кажется, что подсобные места попросту необходимы — они дают приют тем, кому деваться больше некуда. Причем Филин совершенно зря пугал меня здешним народом: прибываются сюда в основном обломки кораблекрушения, а вовсе не матерые уголовники. Кстати, таких обломков немало было и на тех судах, что везли колонистов в Новый Свет и ссыльнопоселенцев в Австралию. К чему это привело — объяснять не приходится... В Зброшенных деревнях можно было встретить кого угодно — от спившегося врача до мелкого жулика и от бродяги по убеждению до проповедника-неудачника. Здесь все обо всех знали, здешний люд вообще знал немало, но никто никогда никого ни о чем не расспрашивал. Прелюбопытная сложилась тут воляница, со своими законами и нормами поведения. И нарушать эти нормы было столь же неприлично, как запускать руки в тарелку где-нибудь в «Стерлядь золотой». Вот здесь-то и предстояло разыскать неведомого Кудесника. Судя по прозвищу, он был из тех механикусов-искусников, которые перелицовывали машины для Филиновой конторы. Небось соорудил себе мастерскую где-нибудь в развалинах завода и знай себе колдует, пока однажды не нагрянет очередная милицейская бригада... Знать бы только, как его разговорить? Филинов пароль — им оказался, кстати, лятак, самый обычный асесоюзный лятак 1967 года чеканки — это, конечно, хорошо. Но, скорее всего, мало. Деньгам в Зброшенных деревнях предпочитали обычно натуральный продукт, и потому, покидая «Стерлядь золотую», я прихватил с собой бутылку водки. Может, сгодится?

В первую из деревень я въехал, как и рассчитывал, без десяти три. Не скажу, чтобы здесь было слишкомлюдно. Но возле одного из домов, у совсем почти полегшего забора, теплился костерок и вокруг него сидели трое. Я вышел из машины и направился к ним.

Все трое заинтересованно смотрели в мою сторону. Двое сидели на корточках, третий полулежал на траве. Ревматизма он явно не боялся — земля была сырая. Над угольями прогоревшего костерка жарилось на прутиках что-то похожее на шашлык.

— Не подскажите, как Кудесника найти?

Ответом было дружное молчание. Я повторил. Тогда тот, что лежал на земле, начал медленно подниматься. Вид у него был угрожающий.

— Слушай, ты... — начал было он, но тот, что сидел на корточках поближе к огню, проговорил примирительно:

— Увянь, Хобот. Не видишь разве, человек к нам впервые, человек культурный, с ним и говорить культурно надо, а ты сразу... Нехорошо, Хобот, ей-ей, нехорошо!

Он встал и шагнул ко мне.

— Вам нужен Кудесник? — изысканно-вежливо заинтересовался он. Ни дать ни взять — доцент или про-

фессор. Вот пусть и будет Профессором, раз уж мы не представляем друг другу.

Я кивнул.

— И как я понимаю, Кудесник нужен вам по делу,— все так же любезно продолжал Профессор.— А поскольку вы с Кудесником прежде не встречались, то назерняка захватили с собой хорошенький пузырек для душевного разговора.

Ишь, психолог выискался, рентген чертов!

— Но видите ли,— гладкие периоды Профессора так и катились дальше,— во-первых, Кудесник не пьет. То есть я имею в виду, не берет в рот ни капли спиртного. А во-вторых, Кудесника сейчас нет. Но, возможно, он скоро будет. И потому мы предлагаем вам сделку. Вы распиваете с нами тот пузырек, что привезли с собой, а мы при первой же возможности представляем вас Кудеснику. Согласны?

Ни слова не говоря, я вернулся к машине, заглушил двигатель и взял с заднего сиденья бутылку. Профессор улыбнулся мне навстречу.

— Вот видите, какая прекрасная вещь интеллигентное общение,— сказал он. И, обернувшись к Хоботу, попросил: — Сделай, будь ласков.

Что именно надо сделать, Хоботу объяснять не пришлось. Он поднялся и исчез, чтобы минуты через две вернуться с четырьмя стаканами. Довольно чистыми, кстати. Однако мне пришлось отклонить приглашение.

— Я за рулем.

— Ну что ж,— согласно кивнул Профессор,— это уважительная причина. Но, надеюсь, вы не откажетесь разделить с нами трапезу? Это грибной шашлык. Если прислать — вполне съедобно.

Я согласился и не пожалел об этом. Не знаю, что за мухоморы они жарили и какие заклинания при том произносили, но получилось вкусно. Тем временем Профессор с завидной точностью — такой глазомер вырабатывается лишь многолетней практикой — разлил водку по стаканам. Вся троица дружно выпила, занюхала грибами и повторила. Какими судьбами попали они в Заброшенные деревни — стало теперь совершенно очевидно. Но признаться, для начала я столкнулся с далеко не худшими представителями здешнего люда.

Глаза у них заблестели подозрительно быстро — влага явно упала на старые дрожжи. И тут я в полной мере почувствовал прелести положения единственного непьющего в компании. Как ни пытался я принять участие в застольной, так сказать, беседе, все мои реплики шли не в масть и вызывали лишь недовольное сопение Хобота. Остальные двое тактично этого не замечали, хотя Профессорова ухмылка временами была явно иронической.

К счастью, примерно через полчаса Хобот настроился, приподнялся на локте, потом уверенно сказал:

— Кудесник.

— У Хобота удивительный слух,— повернулся ко мне Профессор.— Если он говорит: «Кудесник» — значит, действительно Кудесник. И нам остается лишь поблагодарить вас за прекрасный напиток и приятное общество.

Теперь и я расслышал доносившийся с дороги шум двигателя. Звук нарастал, потом на дороге показалась и сама машина. Прорвавшаяся сквозь облака луна позволяла разглядеть ее достаточно хорошо, и я ахнул. Это был даже не динозавр. Это был скелет динозавра, меж ребер которого, чуть прикрытых лхмотьями полуистлевшей кожи, мощно билось, однако, полуторасотливое сердце.

Возле моего «калеки» скелет остановился.

— К тебе гость, Кудесник,— чуть повысив голос, сказал Профессор.

— Знаю,— прозвучал мощный бас.— Шагай сюда, парень! — Это уже, очевидно, относилось ко мне. Я подошел. В диковинной машине, при ближайшем рассмотрении напоминавшей гибрид багги с марсианским вездеходом, сидел солидный бородатый дядя лет за шестьдесят.— Ты от Филина?

Я кивнул и протянул ему пятак. Кудесник чиркнул зажигалкой и при свете колеблющегося язычка газового пламени внимательно осмотрел монету.

— Все правильно. Шестидесят седьмого года. Ну что, поедем ко мне или здесь говорить будем?

— Можно и здесь,— согласился я. Разговор не обещал быть долгим. Но каков Филин! Вот сукин сын! Заставить переться к черту на рога, когда этот самый Кудесник явно приехал из столицы. Не мог отказать себе в удовольствии погонять меня четыре часа по ночным дорогам, подонок! Ну, придет мой час, спую я ему песенку!

Я забрался в машину Кудесника и сел рядом. Кресло, надо сказать, было удобное, похоже, от «форда-комфорта».

— Так что тебя интересует, парень?

— Филин сказал, будто вы видели в пятницу вечером «датсун»...

— «Дацун», — перебил Кудесник.— Запомни, парень, и не позорься: «дацун». А «датсун» — это от безграмотности, понял?

Ишь, грамотей на мою голову выискался! Но скорее всего, он прав — на всем, что с машинами связано, язно собаку съел.

— Ладно, «дацун» так «дацун». Учту. Модель — «кабинет». Цвет — «кола». Номер — 61-95. Так?

— Насчет номера не скажу. Остальное точно.

— Где? И когда?

— Вечером. Часов около девяти, точнее не скажу. Незачем мне было на часы смотреть. А где — на Подгорной, у самой развилки.

Подгорная улица — это район фешенебельных частных домов. Любопытно...

— Дом там такой,— продолжал Кудесник,— двухэтажный, но солидный. И забор из сплошных кованых завитушек. Сразу узнаешь.

— А вы уверены, что это был тот «дацун»?

— Слушай, парень, с тех пор, как взялся за дело папа Форд, на свет божий вышло пять тысяч двести моделей машин. И я любую на слух за километр узнаю. И диагноз поставлю, если нездоров. Понял? Твой «дацун» я видел. Ясно?

— Ясно,— сказал я.— А что вы видели? Он стоял, ехал, куда, откуда?

— Стоял. И вылезала из него бабенка. Из личных, не нам с тобой чета.

— А дальше что?

— Дальше я мимо проехал. Все.

— Спасибо,— сказал я, гадая, как предложить ему деньги и сколько. Но Кудесник меня опередил.

— На хрен мне твои «голубенькие», парень,— сказал он.— Не майся и не доставай. Филин просил, я сказал. Хоть он и гнида последняя, твой Филин, но ему не откажу. А тебя не знаю. Хоть вроде ты мужик ничего.

С чего бы это ему такой вывод сделать? Забавно. И еще забавнее, что Филин, похоже, выдал меня за приятеля. Не хотел, значит, признаваться, что имеет дела с сыщиком, хоть и частным. Испортить ему игру, что ли? Да уж ладно. Хлопот больше.

— Спасибо, Кудесник,— еще раз сказала я.— Вы мне здорово помогли.

Я вышел из машины.

— Постой-ка, парень,— окликнул меня Кудесник. Я остановился.— Не лез бы ты в это дело, а?

— Спасибо, но...

— Ах, хребтом ты по хлебалу! — гаркнул вдруг во

всю силу легких Кудесник — меня аж шатнуло от такого акустического удара. Но продолжил он снова негромко: — Ты про Йомалатинтис слыхал?

— Как?

— Йомалатинтис.

— Нет.

— Вот и лучше бы тебе не слышать.

— Но почему?

Кудесник не ответил. Он врубил двигатель, жуткий динозавр взревел и рванулся, обдав меня кисловатым дизельным выхлопом.

Всю обратную дорогу я размышлял над двумя проблемами. Во-первых, что такое Йомалатинтис? Или — кто такой? Слово было смутно знакомым, вроде бы я встречал его где-то, не то слышал, не то читал, но вспомнить, хоть убей, не мог. А во-вторых, и это было, пожалуй, еще загадочнее, — чем я мог пригласиться Кудеснику? Конечно, это тешило мое самолюбие, и не только профессиональное. Но причины я понять не мог. И было похоже, что решить эту загадку мне не удастся никогда.

На въезде в город я поехал не прямо, по Торговой, а свернул направо через посольский квартал.

V

Осенило меня утром, когда я допивал кофе. Я поднялся в кабинет и снял с полки томик «Бьярмскринглы». В редкой стране относятся к своему эпосу так, как у нас. Не знаю, в каждом ли испанском доме стоит в книжном шкафу «Песнь о Сиде», всякий ли француз читал «Песнь о Роланде» и у любого ли русского есть «Слово о полку Игореве». Но в Биармии даже в том доме, где не сыщется ни единой книги, Библия и «Бьярмскрингла» обнаружатся неизбежно. Они не библиотека, а часть души дома. С этим может сравниться разве что культ «Калеваль» в Финляндии, — я обратил на него внимание во время двухмесячной стажировки в полиции Оулу. Все-таки обмен специалистами — полезная штука... Я потихоньку посасывал остывший кофе и листал книгу. К счастью, у меня академическое юбилейное издание с комментариями, именными, алфавитными и предметными указателями и пространной сопроводительной статьей. Да, точно: слово «Йомалатинтис» дважды встречалось здесь, в конце седьмой и середине девятой песен. Первый раз — в том месте, где рассказывается, как злобный карлик Карьяхойя, страшась гнева Йомалы, бежит на север, «в царство льда и царство, мрака», где «...во тьме лишь Харра бродит, белый зверь с душою черной». После прекрасного описания полярной ночи следовали строки:

Но и там добычей стал он
Острых стрел Йомалатинтис,
Стрел немых Йомалатинтис.
Так возмездие любого —
Храбреца или труса равно —
Настигает, если Круг он
Преступил неосторожно.

В девятой песне упоминание было еще менее приятным. Там рассказывалось о болезни прекрасной и отважной лунной охотницы Ингты. Когда близкие потеряли уже надежду, к ней приходит старуха Ругенгарда, поит волшебным снадобьем и утешает:

Станешь ты крепка, как прежде,
Лук согнешь рукою сильной,
И копье с жестоким жалом
Полетит все так же метко.
Лишь душа твоя прозрачность
Потерять должна навеки,
И доступной станет взору
Лишь очей Йомалатинтис,
Зорких глаз Йомалатинтис.

Признаться, я ничего не понял. Уж не разыграл ли меня Кудесник? Может, он шутник — вроде Филина? Правда, я ни в коей мере не знаток «Бьярмскринглы». Возможно, я чего-то здесь не вижу. Предостережение-то Кудесника звучало вполне серьезно. Впрочем, и хорошая шутка тоже всегда звучит серьезно. Пожалуй, стоило посоветоваться с кем-то, кто разбирался бы в этих делах получше меня.

По дороге в контору я дал крюк и проехал по Подгорной. Дом, о котором говорил Кудесник, выделялся среди остальных каким-то удивительным чувством собственного достоинства. Он не был больше или богаче других, но точные пропорции, кровля из медного листа (конечно, пластик под медь, но красиво!), просторные венецианские окна позволили архитектору добиться поразительного эффекта. Это была не моя типовуха, у дома обнаружилось свое лицо. Кованая же чугунная решетка, которой был обнесен палисадник, вполне могла быть причислена к произведениям искусства. Конечно, не воронихинская строгость линий, — была здесь какая-то чрезмерная витиеватость и кудреватость, — но я все равно залюбовался. На белой фаянсовой табличке у ворот отчетливо выделялись две двойки. Асфальтированная дорожка вела от ворот куда-то за дом, очевидно, гараж был не подземным, а размещался на заднем дворе. Значит, и участок солидный. Оставалось узнать, кому дом принадлежит.

Это я сделал сразу по приезде в контору. Если верить справочнику, дом принадлежал капитану дальнего плавания Лаэрту Бьярмуле. Фамилия показалась мне знакомой. Где-то я ее слышал, причем совсем недавно. Я снял с полки том «Кто есть кто». Да, правильно: капитан Бьярмуле был женат на Инге Бьярмуле, урожденной Хайми, выпускнице Ленинградской консерватории, лауреатке, дипломантке и прочая и прочая. Это на ее концерт собиралась давеча Магда. Похоже, я опять вытащил пустышку.

Я позвонил в Управление ГАИ. С прошлых лет у меня еще оставались там приятели, и вскоре я уже знал, что «дацунов» модели «кабинет» в столице зарегистрировано четыре. Из них два — цвета «кола». Причем один «дацун» принадлежал как раз капитану Бьярмуле. Правда, синий. Но Кудесник мог ведь и ошибиться — ночью все кошки серы. Хотя июньские ночи в наших широтах светлые, однако небо в пятницу было плотно затянато тучами, это я хорошо помнил, а фонари — как и положено по сезону — отключены. Во-вторых, кто мешал обладателю второго коричневого «дацуна» приехать в гости к обитателям дома № 22 на Подгорной? Правда, владельцем этой машины числится хозяин небольшого спортивного магазинчика на площади Труда, — того самого, где я собирался присмотреть себе ласты. Но что с того? Стоило проверить и такой вариант.

Через полчаса я выяснил два любопытных обстоятельства. Капитан Бьярмуле пересекал в настоящий момент Атлантический океан, и возвращения его судна в наш порт можно было ждать не раньше, чем недели через две. «Дацун» же владельца спортивного магазина вот уже десять дней находился в авторемонтной мастерской. Так что с этой версией пришлось, пожалуй, проститься навсегда.

Под конец я сделал еще один звонок — на этот раз на кафедру биармской литературы филфака. Узнав о столь углубленном интересе частного сыщика к реалиям «Бьярмскринглы», доцент кафедры Борис Брумман любезно согласился принять меня в любое время. Сговорились мы на полудне.

— Знаете, — сказал мне Брумман, когда мы уселись в пустом в этот час малом читальном зале университетской библиотеки, — вы меня удивили не тем, что вы частный сыщик, хотя, признаться, я о таком

в Биармии не слыхивал; и даже не тем, что частный сыщик интересуется «Бьярмскринглой». Но скажите на милость, как вы ухитрились напасть на одно из самых темных мест эпоса, которых, кстати, в нем не так уж много?

— Судьба, — улыбнувшись, развел я руками. Вдаваться в подробности мне не хотелось. Да и ни к чему было: вопрос явно носил чисто риторический характер.

— Видите ли, темные места и загадочные реалии есть во всяком эпосе. Так, никто не знает, например, что же такое «див» в «Слове о полку Игореве». Читали?

Я кивнул. Правда, это было давно, еще в мальчишеские годы, в пору недолгого, но довольно серьезного увлечения историей. Точнее, собственно, археологией, — я мечтал тогда о лаврах Шлимана, Картера и Гонейма. Естественно, в памяти с тех пор удержалось немного, но сейчас это не имело ни малейшего значения.

— Тогда вы, наверное, помните, — продолжал Брумман, — таинственное существо, которое «кличет врху древа, велит послушати земли незнаеме, Вльзе и Поморию, и Сурожу, и Корсуню и тебе, Тьмутороканский бльван». Каких только версий не выдвигали, чтобы этого самого «дива» объяснить! Это-де и мифическое существо восточных народов, что-то вроде гибрида лешего с вещей птицей. И дьявол, а точнее, пользуясь словами Ипатьевской летописи, «земли дьявола». И традиционный фольклорный леший (опять, видите, леший!), но уже из брянских лесов. И метафорический образ половецкого разведчика. И, наконец, самый обыкновенный удод, симпатичная такая хохлатая птичка. Даже до прирученного реликтового гигантопитека кто-то додумался... Ну, а проще всего — и такова, кстати, общепринятая точка зрения, — объяснить примерно так: «Традиционный фольклорный образ». И бог с ним, что в фольклоре он больше нигде не встречается, — в русском фольклоре, я имею в виду. Зато все просто и понятно, не правда ли? Вот так же и с «Йомалатинтис» в «Бьярмскрингле». Надеюсь, про богиню Йомалу вам объяснять не надо?

Я снова молча кивнул. Брумману этого было вполне достаточно.

— Так вот, скульптурные изображения Йомалы нередко выполнялись с пучком стрел в правой руке; этот пучок и назывался «Йомалатинтис». Можно сказать, он является таким же неизменным атрибутом Йомалы, как молния Зевса. Хотя немало сыщется изображений Зевса вовсе без перуна и Йомалы без стрел. Каждая стрела Йомалы — «Йомалатинта» — имела овалный наконечник, украшенный изображением глаза. Отсюда, кстати, и слова о «зорких глазах Йомалатинтис». Между прочим, именно эта особенность стрел Йомалы позволила некоторым спекулянтам-псевдоисторикам вдоволь наболтать в свое время о «самонаводящемся оружии древности». Если, конечно, одиннадцатый век, когда складывался основной свод «Бьярмскринглы», записанной, как известно, только в шестнадцатом столетии, можно считать древностью. Ну да что с ползунаек спрашивать! Была у Йомалатинты и еще одна особенность — хитроумно закрученное оперение: его можно прекрасно рассмотреть на некоторых из сохранившихся изображений. Оно делало полет стрелы беззвучным, в отличие от свистящих или гудящих охотничьих и боевых стрел. Отсюда, как вы понимаете, слова о «немых стрелах Йомалатинтис».

Зрячие и зоркие, йомалатинты сами находили свою жертву. Беззвучные и немые, подкрадывались они к обреченному, и не было от них спасенья. Ну, а кто же этот обреченный? Всякий, кто вызвал гнев Йомалы. Чаще всего это святотатец, вторгшийся в ее святы-

лице. Помните? — «...если Круг он преступил неосторожно». Круг — это стены святилища. Причем «неосторожно» — слово точное. Для Йомалы было безразлично, по неведению, по злumu ли умыслу или с самой что ни на есть благой целью совершен проступок. Незваный должен погибнуть, таков закон Йомалы. Правда, погибнуть он может не сразу. Но йомалатинта настигнет его, где бы ни пытался несчастный укрыться, настигнет и покарает с неизбежностью рока. Так, изначально предreshена участь злобного карлика Карьяхойи в седьмой песне «Бьярмскринглы». Вот со вторым упоминанием — в одиннадцатой песне — дело обстоит не так просто. Судите сами...

Тут Брумман прямо-таки сразил меня, наизусть процитировал фрагмент, найденный мною утром лишь благодаря прекрасному аппарату академического издания. Что он, всю «Бьярмскринглу» наизусть знает, что ли? Профессионал!

— Ведь лунная охотница Инта не совершила никакого святотатства. Она ничем не навлекла на себя гнев Йомалы. Более того, она даже избраница Йомалы, как яствует из пятьдесят девятой руны восьмой песни. И после своего исцеления она живет, как и предсказала Ругенгарда, долго и счастливо. Как понять это, если встреча с Йомалатинтис — синоним смерти? Это самое темное место во всей «Бьярмскрингле». Однако в рунах, не вошедших в канонический свод, Йомалатинтис упоминаются еще раз. К сожалению, упоминание это не только не проливает света на загадку Инты, но напротив, еще больше запутывает ситуацию. Относится эта руна, по всей видимости, к сюжету о Великом Восточном походе. Здесь Йомалатинтис встречаются уже в другом контексте.

И тогда ему явилась
В блеске золота Йомала
И сказала: «Чоурраут,
Отправляйся в путь смелее,
Ничего в пути не бойся,
А советчицами будут
В том пути великотрудном
Для тебя Йомалатинтис», —
Так сказала и исчезла.

Мне кажется, — да и не только мне, это общепринятая точка зрения, — что здесь проявилось метафорическое, образное мышление. Правда, находят порой оригиналы, чтобы не сказать больше, на основе этих трех фрагментов усматривающие в Йомалатинтис чуть ли не тайный жреческий орден, биармскую инквизицию одиннадцатого или даже более раннего века и еще бог знает что. Но в этом не больше смысла, чем в предположении, будто солдаты старой русской армии вступали в интимную связь с мортирами и гаубицами. Ведь при желании вполне возможно истолковать таким образом слова солдатской песни: «Наши жены — пушки заряжены, вот где наши жены». А? — Брумман громко расхохотался. — Так что советы Йомалатинтис, конечно же, просто советы стрел, советы оружия. Смысл этого выражения можно сформулировать примерно так: «Слушай, что скажет тебе твой меч», точнее, стрела, но меч — более привычный образ. А что это значит? Это значит — разум и честь воина. Я, во всяком случае, ни с каким иным толкованием согласиться не могу. И это, к сожалению, все, что я могу сказать вам о Йомалатинтис. Сомневаюсь, чтобы в Биармии кто-нибудь смог сказать больше. Это не самореклама, поверьте. Просто такими аспектами «Бьярмскринглы» занимаются считанные люди, и я их всех поневоле прекрасно знаю. Смогли вы извлечь для себя что-нибудь полезное из моего рассказа?

— Пока не знаю, — честно признался я. — Но в любом случае я вам искренне благодарен. — Я встал. — Простите, что заставил вас потратить столько времени на просвещение профана.

— Пустяки,— отмахнулся Брумман.— Поковыряться в таких вещах всегда приятно.

По идее мне следовало бы откланяться, но я почему-то медлил. Какая-то мысль блуждала в потемках, и я никак не мог уцепиться за нее. Впрочем...

— Еще один вопрос. Последний. Вы упомянули о каком-то оригинале, трактующем Йомалатинтис...

— Ах, это,— по лицу Бруммана пробежала легкая тень неудовольствия, но он был человеком воспитанным.— Это один из наших историков. Пожалуйста: Айн Калхайно, кандидат исторических наук. Работает в Институте Биармии.

Уходил я из университета со смешанным чувством. Некоторого разочарования — вряд ли филологические изыски доцента Бруммана могли мне пригодиться. И смутной радости: кто знает, будет ли полезна встреча с Айном, но повидаться с приятелем отроческих лет само по себе прекрасно.

VI

Дозвониться до Айна не составило труда. Не знаю, чего здесь было больше — везения или закономерности. Конечно же, Айн мог оказаться в отпуске; но те, кто любит весну, отправляются путешествовать или отдыхать в мае, а люди летней души — в июле. Сейчас был июнь, и потому, пожалуй, закономерность возобладала над везением. Естественно, Айн не узнал меня по голосу, как, впрочем, не узнал бы его и я, позвони он вот так неожиданно. Все-таки прошло слишком много лет... Но стило мне представиться, и...

— Марк! Ну, молодец! Это ты здорово придумал — позвонить! Когда встретимся? Знаешь что? Давай завтра. Суббота, день у меня свободный, приезжай, я тебя со своими познакомлю,— сыпал он.

— А сегодня можно? — поинтересовался я.

— Ну, знаешь! Что это тебя так прихватило? Чуть не семь лет пропадать — и это в одном-то городе! — а теперь пороть горячку. Ну, Марк!..

— Слушай,— сказал я.— Я все понимаю. Но признайся честно: ты можешь повидаться со мной сегодня? В любом месте и в любое время. Но чем скорее, тем лучше.

— Странно,— озадаченно протянул Айн.— Но, похоже, ты не врешь. В чем дело? Я могу тебе помочь?

— Не знаю. Может быть. Если мы встретимся.

— Хорошо,— сказал он уже другим, деловым тоном.— Я могу освободиться через час. Извини, но раньше никак. Где?

— Где тебе удобно.

— В институте не поговоришь. Ты где квартируешь?

Я назвал адрес конторы. Она все-таки была в центре, не то что мой дом.

— Буду в четыре,— сказал Айн.— Жди.

Мы с Айном познакомились в тот год, когда мне грезились потерянные пирамиды Египта и скрывающиеся в сельве города индейцев неведомых племен. Мои мечты обернулись скоротечной романтикой, оставившей лишь пожизненный, но слабый реликтовый интерес. У Айна же увлечение, похоже, сохранилось на всю жизнь. Мы вместе занимались в археологической студии года два, а потом я ушел в Школу милиции. Еще через три года мы снова встретились — уже в университете. Но я учился на юридическом, а он на истфаке. К тому же на два курса старше меня. Встречались мы теперь редко, хотя по-прежнему тепло. А после университета наши дороги снова разошлись. Лишь изредка, буквально раз в год, мы сталкивались где-нибудь — город-то невелик! — останавливались поболтать или заглядывали в какой-нибудь ресторан. А последние лет семь не виделись вовсе. Так уж как-то оно получилось. И вот теперь, ожидая

его прихода, я вдруг почувствовал, что мне все эти годы не хватало именно Айна. Или нет, не то. Просто вдруг вернулось прошлое, а это всегда очень тревожно. Возвращенное прошлое чаще всего обманывает. Но должны же из всякого правила быть исключения!

Айн приехал точно в четыре.

— Ну, что у тебя стряслось? — спросил он с порога.— И что это за дурацкая табличка там, внизу? Ты что, в самом деле записался в Шерлоки Холмсы?

— Фу, как банально! — возмутился я.— Ничего оригинальнее придумать не мог?

Мы рассмеялись, и все стало как-то просто. Я провел Айна в «задушевную».

— Пить будешь? Что?

— Ничего. Или — кофе, если есть. В институтском буфете опять кофеварка сломалась...

— Сейчас сварю. А ты пока осваивайся.

— погоди. Что все-таки у тебя стряслось? Зачем я понадобился?

— Если честно, сам до конца не пойму. Просто я сегодня был в университете, и некий доцент Брумман сболтнул ненароком, что у тебя есть нетрадиционные соображения по поводу значения слова Йомалатинтис. Это правда?

— В принципе. А зачем тебе?

— Вот что. Пока я ничего говорить не буду. Я займусь кофе, а ты соберись с мыслями и скажи мне все, что думаешь на сей счет. Потом, может, скажу что-то и я. Прости, но это касается дела, которое я сейчас расследую. И есть такое понятие — профессиональная тайна. Не обижайся, Айн.

— Я не обижаюсь. Давай кофе.

И я пошел на кухню.

Айну не пришлось долго осваиваться; когда я вернулся, он уже привольно раскинулся на мягких диванных подушках. Я быстро сервировал столик, и вскоре мы уже понемножку прихлебывали кофе, сваренный, как учил меня когда-то дед: «черный, как ночь, горячий, как конь, и сладкий, как поцелуй». Запивать его полагалось ледяной минеральной — от контраста сладко помило зубы.

— Давай условимся,— начал Айн.— Я постараюсь изложить свою точку зрения предельно кратко. Что именно тебя интересует, не знаю, и потому рассусоливать не стоит. А дальше — задавай вопросы. Сумею — отвечу. Идет?

— Идет.

— Ну что ж... Тогда учти, при всем лаконизме мне придется начать с небольшой преамбулы.

Я кивнул.

— Ну так вот, я, видишь ли, уже двенадцать... Да, точно, двенадцать лет занимаюсь одной любопытной темой. Кстати, и диссертацию по ней защищал. Знаешь, как она называлась? Слушай! — Он указующе воздвиг перст.— Дай бог не сбиться... Вот: «Гипологические и структурные конгруэнтности и подобию зарождения и функционирования потаенных социальных образований». Каково?

— Прилично закручено,— согласился я.— Такое нельзя не утвердить.

— Точно. А по-человечески это означает, что я пытался рассмотреть в едином ряду различные тайные общества и организации, существовавшие в разных странах за последние три тысячи лет.

— Ого!

— Ну, это, может, и громко сказано. Естественно, я не мог рассмотреть их все. О многих попросту ничего не известно. Что, кстати, самое интересное.

— Почему?

— Да потому, что только общество, о деятельности которого не было абсолютно ничего не известно, и можно считать тайным в полном смысле слова.

Во всяком случае, любовь к парадоксам у Айна осталась прежней.

— Однако по порядку,— продолжил он.— И не беспокойся, лекций читать не собираюсь. За всю историю человечества не было и нет страны, где не существовали бы тайные общества. Во всяком случае, с тех пор, как стал разваливаться первобытно-общинный строй. На первый взгляд все они кажутся возникшими по разным причинам в принципиально несхожей общественно-исторической обстановке. Но ежели взглянуть попристальнее, оказывается, что их можно свести к очень немногим типовым моделям. С точки зрения целей они делятся на три группы. Одни использовали свое влияние и могущество для сохранения существующего порядка; другие — для его разрушения и создания нового; третьи — для собственного преуспеяния при любом порядке. Примерами могут служить соответственно «Общество Иисуса», русские тайные общества начала девятнадцатого века и современная мафия. В каких-то случаях эти цели могут сочетаться друг с другом, но это уже не принципиально. С точки зрения психологической они позволяли человеку удовлетворить сразу несколько духовных запросов. Прежде всего — потребность в игре. Ведь, собственно говоря, вся наша жизнь — это игра. Не с позиций ариэ Германна, естественно, а с позиций теории игр. Котенка играя, учится ловить мышек и пташек и продолжает играть, став здоровенным нахальным котом. Человек в детстве играет в казаки-разбойники, а когда потом, в силу социальных пред-рассудков, ему уже неудобно делать это — зачитывается и засматривается детективами. К тебе это, само собой, не относится, ты способен играть в казаки-разбойники до конца дней. Во-вторых, это — тяга к таинственному, заложенная опять-таки почти в каждом из нас. Наконец, в-третьих, — естественное стремление не затеряться в людском море, обрести тесную связь с племенем единомышленников. А попутно — и их поддержку, что также немаловажно. Эти два последних свойства вовсе эксплуатировали, например, масоны. Правда, в последние полтора столетия они стали порационалистичнее, но это не суть важно. И последнее. По степени закрытости тайные общества также можно разделить как минимум на три разряда. Это явные тайные общества, неявные тайные общества и тайные тайные общества. Вот, например, японская мафия. Вроде бы общество тайное, но настолько, что мафиози пишут на визитных карточках: «Итиро Маюмура, член банды Ямагүти». Это классическое явное тайное общество. И таких немало. Лежит у меня дома забавная книжница, выпущенная лет семьдесят назад в Париже — «Путеводитель по тайным обществам Франции». Кого там только нет: Граждане мира и Церковь Сатаны, карбонарии и розенкрейцеры, Орден Белого Лотоса, какая-то Международная ассоциация трансцендентальной медитации, масоны, наконец, — всего больше сотни. И все с адресами, телефонами...

Теперь о неявных тайных обществах. Их тоже предостаточно. Кое-что мы о них всегда знаем, но многого — нет. Таковы греческое «Филики Этериа», скажем, или более известный орден отцов-иезуитов — воинство Иисусово. Мы знаем, кем и когда создан орден. Знаем его девиз. Знаем, когда он был утвержден папой римским. Его монастыри и учебные заведения. Известно, кто и когда был генералом ордена. И мы более или менее представляем себе его цели. Но понятия не имеем о многих средствах, которыми он пользовался. И можем только догадываться о тайных, светских иезуитах, которых было немало, а также еще очень и очень многим. Теперь, наконец, тайные тайные общества. Чтобы не томить тебя, разберем это на примере Йомалатинтис.

Возникло оно как реакция на разрушение матри-

архата и преследовало сугубо охранительные цели. Обрати внимание, Чоурраут, который фигурирует в не вошедших в канонический свод «Бьярмскринглы» рунках — первый, заметь это, вождь всех биармов. А что это значит? Не объединение биармов под его властью, они были едины и раньше. А то, что он — первый вождь-мужчина. И ему тонко намекают, что лучше бы прислушиваться к указаниям Йомалатинтис — тайного женского совета. Почему я так решил? Очень просто. Не знаю, что было раньше — курица или яйцо, символизировали стрелы Йомалы этот женский орден или, наоборот, орден возник как реализация образа, овеществление метафоры. Несомненно одно: стрелы Йомалы убивали реально. Вспомни историю с Эйриком Красной Лисой, которого упоминают и скандинавские саги. Он погибает здесь, в Биармии, от стрел Йомалы, настаивающих его после восьмидневной погони. Заметь, саги всегда точны в деталях. Какая же стрела может лететь восемь дней? Только йомалантинта, тайная мстительница, служительница и карающая стрела Йомалы. Йомалатинтис — тайный союз защитниц женского божества — послал за Эйриком, за карликом Карьяхойей, за множеством иных прочих свои стрелы. Йомалатинты не только изображались с глазами — они были зрячими, ходили на двух ногах, отличались упорством, жестокостью и коварством. Опять-таки, обрати внимание, в целом ряде стран, особенно африканских, существовала женская гвардия. И она была надежнее мужской. Не стану утомлять тебя подробностями, перечислением источников и прочей шелухой. Вот суть.

С крушением матриархата изменился мир. И чтобы сохранить власть, женщинам пришлось изменить саму ее природу. Из явной — сделать тайной. Зародыш такой власти уже был — жрицы Йомалы. Они постепенно создали свой тайный орден. Причем самым страшным в этом обществе была его таинственность, закрытость. Членом Йомалатинтис могла быть твоя мать, сестра, жена, дочь. Рука Йомалатинтис была неумолимой и жесткой. Никому не дано было знать, кто нанесет удар, неожиданный и непредсказуемый. И хотя Йомалатинтис просуществовал не так уж долго, от силы лет двести-триста, и, как все подобные социальные образования, оказался не слишком эффективным, мне думается порой, что искони свойственное нашему народу уважение к женщине уходит корнями в тот древний страх. А теперь спрашивай. Я кончил.

Увы, ответы на интересовавшие меня вопросы следовало искать отнюдь не в эпохе крушения матриархата. Но когда я сказал об этом, Айн как-то странно улыбнулся.

— Чаще всего отсутствие ответа означает неумение поставить вопрос.

— Нахал! На правах старой дружбы заявляю об этом прямо.

— Я тоже сказал прямо. И плесни-ка мне еще кофейку.

— С удовольствием.

Я налил Аину кофе, принес из холодильника новую бутылку «боржом», а думал тем временем, что вопроса и впрямь поставить не могу. А почему, собственно?

— Понимаешь, вчера один человек предостерег меня от Йомалатинтис. Поскольку отправляться в одиннадцатый век я не собираюсь, то лекция Бруммана, вся твоя премудрость, похоже, оказываются ни при чем.

— А ты уверен, что вся? — поинтересовался Айн. И тут до меня дошло.

— Постой! Ты сказал — на всем протяжении истории? То есть... Да нет, ты же сам говорил, что они существовали не слишком долго!

— Вот ты и попал в точку, Марк.

— Значит, Йомалатинтис существует? Снова?

— Этого я не говорил.

— А что же?

— Что есть некоторые косвенные — не данные даже, а так, намеки и полунамеки, позволяющие допустить подобное. Конечно, это уже иной Йомалатинтис. Но название выбрано не случайно — он тоже из тайных тайных обществ. Иначе это были бы не подозрения. Была бы информация.

— Так какого же черта ты столько времени водил меня за нос?

— Во-первых, чтобы подразнить некоего сыщика, который вспоминает о старых приятелях раз в семь лет, и то по делу. А во-вторых, потому что ты сам молчал. Предостережение, о котором ты говоришь, — еще одно подтверждение существования Йомалатинтис. Гипотетического существования. И, наконец, в-третьих, я думал, что этим все-таки интересуется милиция, а не частные сыщики.

— Я интересуюсь исключительно пропавшим без вести человеком.

— Ясно.

— Ладно, Айн. Давай попробуем разобраться вместе.

— А как же профессиональная тайна?

— Мы не будем ее нарушать. Мы просто поговорим о некоей ситуации. Идет?

И мы стали разбираться.

За время нашего военного совета Айн дважды звонил домой. Он старался говорить потише, а я, естественно, не прислушивался. Около восьми он отставил очередную чашку кофе (его кофеемкость еще в отроческие годы вошла в легенду; помнится, на пари он выпил однажды тридцать девять чашек, причем хорошей двойной заваркой), посмотрел на меня и спросил:

— Ну как, на сегодня все? Учти, если я еще нужен, то — вот он я. Пусть даже Эльза делает из меня фарш для своих фирменных зраз. Но, по-моему, мы иссякли.

С этим нельзя было не согласиться.

— Тогда до завтра? Мы с Эльзой будем ждать. Скажем, к шести. И с детьми познакомлю.

— У тебя есть дети?

— Двое. Мальчишки.

— Высоко же ценится труд историка!

— Сам удивляюсь. Но факт, как говорится, в детской. Сорванцы — жуть. И взглянуть на живого частного сыщика им... Да за это они у меня неделю манную кашу есть будут! Так мы ждем?

— Прости, не получится завтра.

Айн удивленно вскинул брови:

— Но мы же договорились! Сегодня — дела, а завтра...

— А завтра у меня будут дела. Видишь ли, для меня Йомалатинтис — не академический интерес.

— Вот оно что, — Айн нахмурился. — Ты уверен, что я больше ничем не могу тебе помочь?

— Уверен. По крайней мере — сейчас. А там видно будет. Если понадобится — позвоню. Или когда кончу дело. Договорились?

— Ну смотри, Марк, если опять позвонишь через семь лет, я тебя без всяких стрел Йомаль! Понял?

— Позвоню, в самые ближайшие дни позвоню, — пообещал я. Совершенно искренне пообещал.

— Слушай, а пистолет хоть у тебя есть? — всполошился вдруг Айн. — Сам же понимаешь, не игрушки... Я от души расхохотался.

— Младенец, — сказал я, — кто же позволит частному, понимаешь, частному сыщику носить оружие? У нас на сей счет законы ох, как строгие. Да ты не беспокойся, оружие мне не понадобится.

— Точно?

— Абсолютно.

— Ну тогда удачи тебе, Марк. И помни — жду.

Оставшись один, я завалился на диван и стал думать. Подумать было о чем.

VII

Когда в голове у меня сложился план действий, я позвонил Магде.

— Какие у тебя планы на выходные, боевая подруга?

— А что вы можете предложить, Марк?

— Увы, только работу. Скорее всего, на оба дня. И притом круглосуточно. Но сверхурочные, естественно, с меня.

— Идет. Когда надо быть?

— Знаешь, как говорят в таких случаях? Вчера.

— Ясно. Буду через сорок минут. Устроит?

— Вполне. И не забудь водительские права.

В ожидании Магды я еще раз прикинул все детали. Вроде бы сходилось. Если сойдется и в действительности, мне будет что написать в завтрашнем отчете гражданину Пугоеву. Но, как говорят англичане, чтобы приготовить рагу из кролика, надо иметь хотя бы кошку. А пока у меня были только идеи и предположения, пусть даже убедительные. Что ж, попробуем поймать кошку.

Через коммутатор «Детинца» я соединился с квартирой Риты Лани. Она сняла трубку так быстро, словно сидела у телефона и ждала звонка.

— Здравствуйте, Рита. Это Марк Айле, частный сыщик. Помните?

— Я вас узнала. По голосу.

Ну конечно, профессиональный слух...

— Я закончил дело.

— Вы нашли Виктора? — спросила она странно ровным, напряженным голосом.

— Нет. Но я нашел неопровержимые доказательства его смерти.

На этот раз она все-таки вскрикнула.

— Примите мои соболезнования, — сказал я как мог официальнее. Такие интонации позволяют легче врать. И повесил трубку.

Я ожидал, что она перезвонит. Чтобы узнать мой номер, ей могло бы понадобиться максимум минут пять. Но прошло четверть часа, а звонка не было.

Магда появилась с обычной пунктуальностью — ровно через сорок минут.

— Привет, Марк! Какие будут указания?

— С указаниями успеешь. А пока, если не трудно, организуй чего-нибудь пожевать. Я сегодня еще не обедал. И вряд ли буду ужинать.

Наличные запасы, как оказалось, иссякли, и Магде пришлось прогуляться в пиццерию на углу. Потом мы поужинали; ужинал собственно я; Магда больше составляла мне компанию. Попутно я изложил инструкции. Сейчас мы поедем в одно приятное и спокойное место. Я останусь там, а Магда вернется в контору. И будет сидеть здесь у телефона. Это главное. Она может заниматься чем угодно — есть, пить, читать, раскладывать пасьянсы или смотреть телевизор, но должна быть готовой в любую секунду снять трубку по первому же звонку. Если я не вернусь к утру, — позвонить генералу Керро. Он меня в это поганое дело втравил, пусть сам и вытаскивает.

— Вот телефоны — два служебных и домашний. Если у телефона окажется кто-то другой, скажешь только, что у тебя срочное сообщение от Перса.

— От кого?

— От Перса. Запомнила?

— Запомнила. Перс. Вопрос можно?

— Давай.

— Это что, псевдоним? Вы работаете на милицию?

— Нет, — улыбнулся я. — Я честный частный сыщик.

И работаю на клиента — в полном соответствии с законом. Так что заговорами, шпионами и прочей чепухой голову не забивай — она тебе для другого пригодится. А Перс — просто прозвище. Детское, можно сказать. Все?

Магда кивнула.

— Если скажешь так, он вскорости тебе позвонит. Ну, а если сразу на него попадешь, скажи: «Персу худо». И все. Ясно?

— Куда яснее.

— Вот конверт. Вскроешь во время разговора с генералом. Кстати, после соединения лучше обращайся к нему просто по имени. Феликс. Он поймет правильно, не сомневайся. В конверте только адрес. Зачитаешь ему.

— Хорошо, Марк. Что, дело так серьезно?

— Ей-богу, не знаю. Но береженого бог бережет. Главное — будь на телефоне. Ты можешь понадобиться в любой момент. И я понятия не имею для чего. Договорились?

— Не беспокойся, Марк.

— Тогда повтори.

Магда повторила. Очень точно.

— Хорошо, — сказал я. — Спасибо, боевая подруга.

А теперь нам пора.

Перед уходом я еще раз позвонил в «Детинец». Телефон в квартире Риты Лани не отвечал. Похоже, все идет именно так, как я предполагал. Не знаю, как там насчет кроликов, но кошку, возможно, словить удастся.

И мы отправились ее ловить.

Когда я отъезжал от дома, почти одновременно от пиццерии тронулась голубая «кама». Сперва я не обратил на нее никакого внимания, но потом вдруг спохватился. Может, это и абберрация памяти, но я готов был поклясться, что такая же зализанная голубая машина стояла рядом с моим «алеко» возле университета. Об этом стоило подумать. Чтобы выиграть время, я не стал сворачивать к Старому Рынку, а поехал прямо — к Садовой площади. Временами я поглядывал в зеркальце. «Кама» следовала за мной, причем довольно профессионально, не впритык, а оставляя между нами то одну, то две машины. На Садовой я сделал круг и двинулся в обратном направлении. Магда молча сидела рядом, ничем не выдавая удивления. Молодец, девочка! И водитель «камы» тоже, к сожалению, молодец — словно приклеился. Да что же это такое делается? Отрываться на скорости я не мог: на улицах с ограничением до восьмидесяти это не имело смысла. В прежние времена, когда я ездил на служебных машинах — другое дело. Тогда никто не стал бы задерживать машину с моим номером. Эти номера вся милиция знает, как «Отче наш». Нынче же я только привлек бы к себе внимание, а это с любой точки зрения не с руки. Значит, надо выкручиваться иначе. Но кому могло прийти в голову сесть мне на хвост? Или это я прищемил кому-то хвост? Уж не нашей ли кошечке? Выходит, ей стало горячо? Странно... Размышляя таким образом, я хаотично сворачивал то налево, то направо. Вернее, вроде хаотично, потому что на самом деле цель у меня была. Просто ни к чему было ее заранее демонстрировать. А не Феликсовы ли это штучки? Не приставил ли он ко мне своих тихарей? Не похоже, по номеру не похоже. Знаю я и служебные номера, и сменные, частные. Нет, не то. Ай да кисонька!

— К чему эти гонки, Марк? — не выдержала наконец Магда.

— Экскурсия по городу, — коротко бросил я. — Погоди. Потом.

— Потом так потом, — голос у Магды был по-прежнему спокойный, но, скосив глаза, я заметил, что сидит она напряженно.

— Спокойно, девочка, — сказал я. — Все в порядке.

Мы миновали грузинское посольство — выехали на Угловую, с нее надо будет резко свернуть в Перевозный переулок. Этот фокус поставил нас в тупик, когда мы с Феликсом брали Пятака. Перевозный переулок короток. Он соединяет Угловую с Майской набережной. А примерно на середине его есть одна хитрая подворотня... Будем надеяться, водитель «камы» отстанет от меня достаточно, чтобы я успел. Я резко прибавил газ.

— Ну, выручай, старина, — сказал я «алеко». — Покажи, на что способен!

— Что? — спросила Магда.

— Ничего.

«Алеко» всхрипнул и рванулся. Резкий поворот, машину занесло, противно закрипела резина. Сколько у меня секунд? Авось хватит. Снова резкий поворот — и сразу еще один. Подворотня действительно хитрая, она раздваивается, и оба ее рукава выводят во двory, образующие целый лабиринт. Если его знать, то можно выскочить и на Черемуховый спуск, и на Скотопрогонный проезд. А там ищи ветра в поле. Главное, чтобы тот, в «каме», был уверен, будто я успел свернуть на набережную. Если он даже вернется и нащупает мою подворотню, поди знай, в какой из рукавов я свернул. Искать в лабиринте дворов — безнадега полная. В объезде, чтобы встретить — тоже трудно, тут сплошь одностороннее движение. Да и попробуй угадать, на какую из улиц я выверну. В общем, верняковский фокус.

И он мне удался. Я выскочил на Скотопрогонный, потом свернул на Рождественскую. Так-то, кисонька!

— Что, Магда, с профессионалами-то тягаться — кишка тонка?

— Не знаю, — отозвалась она. — А что это было?

— Кому-то очень захотелось узнать, куда мы едем.

— Кому?

— Понятия не имею.

Она посмотрела на меня недоверчиво, и я повторил:

— Ей-богу, не знаю. Пока. Но выясню обязательно.

Минут через двадцать мы приехали на Подгорную. Я остановился, не доезжая до знакомого дома. К счастью, несколько машин на улице стояло, так что мой «алеко» не должен был бросаться в глаза. Марка ходова, цвет неброский...

— Все, — сказал я. — Приехали. Давай меняться местами. Выходи.

Магда выбралась из машины и обошла ее спереди; я перебрался в правое кресло, не показываясь никому на глаза. Хотя на первый — но пристальный — взгляд ничьих глаз вокруг вроде не было.

— И что теперь? — поинтересовалась Магда.

— Теперь будем ждать.

— Если я прав, осталось примерно с полчаса.

— Просто ждать?

— Не просто. Будем разыгрывать парочку, у которой нет другого места или другого времени.

— Идет, — отозвалась Магда с энтузиазмом. — Целоваться будем?

— По настроению.

— Настроение подходящее.

Я хотел было сказать что-то язвительное, но не успел. Ничего не скажешь, целоваться она умела. Я с трудом перевел дыхание. Вот чертовка! И я хорош — забыл, что мне уже за сорок, и пятнадцать из них я не целовался в машинах... Впрочем, додумать эту очень интересную и, главное, полезную мысль я опять-таки не успел. Так что полчаса пролетели даже слишком быстро. Правда, какой-то автомат во мне все-таки работал. Помню, например, что за это время мимо проехало семь машин — три «волги», один «алеко», точный двойник моего, «тойота», «кама», но красная, и серый

«жигуль». Все они двигались в одном направлении — движение по Подгорной одностороннее. Но восьмую я буквально почуял издали. Может быть, потому что шла она — судя по звуку — с явным превышением скорости. Я оторвался от Магды.

— Все, девочка. Похоже, началось.

Она серьезно кивнула.

Мимо нас промчалась оранжевая двухместная «кама-спорт». Перед воротами двадцать второго дома она резко затормозила, из нее выскочила фигура, в которой даже в полумраке сумерек я без труда узнал Риту Лани. Она нажала на кнопку переговорника.

— Так, — сказал я Магде. — Теперь слушай. Когда я выйду, ты выждешь секунд тридцать и снимешься. Едешь в контору и дальше — как договорились. И вот еще что. Когда будешь парковаться, глянь, нет ли поблизости голубой «камь». Трехдверная «пятерка».

— От которой мы удирали?

Заметила-таки! А я-то думал...

— Она.

— Хорошо.

— И ничего не бойся.

— А чего мне бояться? — спросила она, и по тону я понял, что она действительно ничего не боится. Или ничего не понимает. В данном случае — это одно и то же.

Створки ворот дома двадцать два распахнулись. Рита вернулась в машину, мотор заурчал, и «кама-спорт» въехала внутрь. Ворота сомкнулись плавно и беззвучно.

— Ну, пока, — сказал я Магде и вылез наружу. А про себя подумал: «Вернусь — надо будет продолжить».

Дом и участок капитана Бьярмуле я успел более или менее подробно разглядеть еще в прошлый раз. Тогда-то и пришла мне на ум эта идея. Ограда здесь хитрая, с охранной сигнализацией, и перелезть через нее было бессмысленно. Но если взобраться на ближайшее к углу участка дерево, перебраться с него на соседнее, росшее в палисаднике дома двадцать, то оттуда можно спрыгнуть как раз куда надо. Конечно, это нарушение прав частного владения и неприкосновенности жилища. Но я надеялся в крайнем случае отделаться штрафом. И занялся обезьянством.

Сук, на который мне предстояло залезть, отходил от ствола достаточно высоко, чтобы об этом пути никто не подумал. Я перекинул через него веревку и в этот момент услышал, как завелся двигатель «алеко». Магда точно выполняла инструкцию. По веревке я взобрался на сук и прополз по нему до тех пор, пока не почувствовал, что дальше уже не стоит. Зато ветвь, на которую мне требовалось перебраться, оказалась точно надо мной. Остальное было делом техники. Мальчишками мы проделывали еще и не такие трюки. Правда, с тех пор я здорово отяжелел, но и тренированность у меня сейчас не мальчишеская. А это тоже кое-что.

Через минуту я был уже на территории дома Бьярмуле. Хотелось надеяться, что собак здесь на ночь не спускают.

Выходящие на боковой фасад окна светились, но были зашторены, однако для вящей надежности я в два прыжка преодолел полосу дорожки — кусты по сторонам предательски затрещали. Но теперь меня уже нельзя было увидеть. Я осторожно пошел вдоль стены. Задний двор был невелик. Асфальтированная дорожка, обогнув дом, вливалась в площадку перед гаражом-пристройкой. Крыша гаража была плоской и служила открытой террасой. Судя по размерам, гараж был на три машины. Со второго этажа дома на террасу вела дверь, и она была чуть-чуть приоткрыта. Перекинув ту же веревку через балюстраду террасы, я взобрался туда. Похоже, пока меня никто не видел. Я осторожно

подошел к двери и прислушался. Тихо. От легкого нажима дверь беззвучно открылась, и я шагнул внутрь. На втором этаже у меня возникло какое-то смутное ощущение, и я обернулся, но заметил только неясное движение. Потом был удар, боли от которого я не успел почувствовать. Я вырубился.

VIII

В первый момент мне показалось, что очнулся я во мраке. Но постепенно сквозь тьму проявилась и обрела четкость светло-серая сетка. И тогда я понял, что смотрю на выложенную черной плиткой стену. Нет — потолок. Потому что лежал я на спине. И на связанных за спиной руках. Это было больно. Руки болели не от плеч — от самой шеи. Про голову и говорить нечего. Я повел глазами — даже это движение отозвалось в мозгу настоящим взрывом. Черт возьми, сделал меня профессионально... Когда я снова обрел способность четко видеть, перед глазами оказалось зеркало. Оно занимало часть потолка. Какую именно, я не мог понять. Но теперь стало ясно, что лежу я в ванной комнате. Пол, потолок и стены выложены черной плиткой. Ванна тоже была черной — я видел ее в зеркале. Там же отражались и сверкающие хромированные краны. Я лежал на полу возле стены.

Интересно, чем меня связали? Кожа потеряла чувствительность, и понять этого я не мог. Я кое-как перекатился на бок. Потом повернул голову — насколько был в состоянии — и посмотрел в зеркало. Слава богу, это была не бельевая веревка. Обыкновенный брючный ремень. Очевидно, капитана. С кожей еще можно потягаться. Особенно, если она синтетическая.

Я начал усиленно гнать кровь в руки. Минут через пять они почувствовали тепло — сначала слабое, оно росло, но вместе с ним росла и боль. Только теперь не такая разлитая. Она сконцентрировалась у запястий и плечевых суставов. Да, классно меня сделали. Как первогодка. Впрочем, справляться с болью меня учили. С этим мы сладим. Ведь сладим, Перс?

Хуже всего, что приходилось торопиться. Я не знал, кто меня тут уложил. Не знал, когда этот кто-то вернется. И с какой целью. Если добить, то явно не сразу. Сразу это можно было уже двадцать раз сделать. Значит, выкачать. Но что? В любом случае освободиться надо было прежде, чем сюда придут. Но чтобы собраться, мне нужно было время. Приходилось, как говорится, поспешать не спеша.

Наконец мне удалось совсем заглушить боль. Осталась только некоторая онемелость — как через несколько часов после анестезии. Постепенно налились и мышцы. Теперь можно было попробовать.

Я напрягся. Ремень, обернутый вокруг запястий трижды, не поддавался. Ладно, пробуем иначе. Я расслабился, поправил дыхание. Потом рванул. Запястья опять пронзило болью, но это уже не имело значения. Главное — ремень лопнул с сухим бумажным треском. Я оперся на локти, потом сел. Ноги оказались связаны уже веревкой. Хороший такой капроновый шнур. Мне здорово повезло: руки вязали первым, что подвернулось. Потом сходили за веревкой. Но рук перевязывать не стали — сойдет. Идиоты! Я взялся за край ванной и кое-как встал. Потом на связанных ногах попрыгал, придерживаясь за ванну, к шкафчику. Неужели у капитана не найдется здесь лезвия? Морьяки — народ запасливый... Впрочем, судя по ассортименту шампуней, бальзамов и лосьонов, ванная эта не была капитанской. Однако пачка лезвий в углу шкафчика все же нашлась. Теперь у меня были свободны и ноги.

Я посмотрел на часы. Ого! Было уже пять. Выходит, в глухой отключке я провалялся больше четырех часов. Да еще минут сорок освобождался... И все это

время меня больше не трогали. Как прикажете такое понимать? Кстати, о «не трогали». Я пробежался по карманам. Исчез патент — ксерокопия, естественно, — а заодно и все другие документы: водительские права, кредитная карточка и даже билет Публичной библиотеки. Остальное было на месте.

Я сполоснул лицо, легонько прокачал все мышцы; они работали и уже не болели, а только ныли. Болела лишь голова, хотя и слабее прежнего. Но с этим я ничего не мог поделать.

Я толкнул дверь. Как и следовало ожидать, заперто. Вышибить ее, разумеется, не составляло труда. Но это значило бы поднять тарарам на весь дом. Выбираться надо, но тихо. Конечно, если снаружи обычная задвижка — дело шаха. Только я в жизни не поверю, что в таком пижонском доме могут быть обычные задвижки да крючки. Скорее что-нибудь этакое. Ну, конечно — врезная защелка с двусторонней блокировкой. С этим мы управимся быстро.

Из ванной я попал в широкий коридор. Странное дело — обычные ванны на вторых этажах находятся между спальнями и имеют по три двери! Стоп! А с чего я взял, что нахожусь на втором этаже? Меня десять раз могли стащить на первый. Хотя нет — тогда вязали бы получше, не первым попавшимся ремнем, второпях выдернутым из капитановых брюк. Посмотрим... Я тихо-тихо шел по коридору. Миновал три спальни — две хозяйские, судя по обжитости, и гостевую. Было так пусто и тихо, будто все в панике бежали из дома. Тоже странно... Следующая комната больше напоминала музыкальный класс — очевидно, здесь репетировала Инга Бьярмуле. Слеза, напротив, была бильярдная. Хороший дом! А вот и лестница. Вниз. Значит, я все-таки на втором этаже. Ступени были деревянные. Я стал спускаться, молясь про себя, чтобы среди них не оказалось антиворовской, — той, что с неистребимым скрипом. На первом этаже я обшарил все, от обширной гостиной до кухни, где на всякий случай прихватил нож — из тех самоделок с наборными ручками, изготовлению которых вот уже добрую сотню лет предаются в свободное от вахты время моряки. Но ни единой живой души мне так и не встретилось. Куда же все подевались? Кто-то ведь сделал меня здесь, в конце концов? И тут я набрел еще на одну лестницу. Снова вниз. В подвал, значит. Погляжим.

Там были два кладовки, морозильная камера, отличная сауна на четыре персоны. И еще одна дверь, из-за которой смутно доносился голос. Вот оно! Я подкрался поближе и, кое-как пристроившись, заглянул в щелку. Видна была лишь небольшая часть здорового зала; до меня не сразу дошло, что это кегельбан. Людей видно не было. Зато голоса стали слышны отчетливо. Постепенно я разобрался, что их четыре — три женских и один мужской. Впрочем, говорила в основном одна. Предельно осторожно — хватит уже с меня лихачества! — я миллиметр за миллиметром расширил зазор между дверью и косяком. И когда щель стала шириной пальца в полтора, увидел говорящих.

Кегельбан был в одну дорожку. Поэтому в ширину большая часть зала оставалась свободной. В дальнем ее конце поблескивали хромом и лаком спортивные тренажеры. А ближе ко входу стоял круглый стол на гнутых ножках, окруженный полудюжиной кресел. В одном из них сидела Рита Лани. Рядом — блонетка лет сорока пяти. Эффектная женщина. А поодаль — через два кресла от блонетки и через одно от Риты — доктор Виктор Меряч, совсем не похожий на ту фотографию, что дал мне Фальстаф Пугоев, и точь-в-точь такой, как на портрете в квартирке Риты. Меряч был связан, причем на первый взгляд куда капитальнее, чем я давеча. Но в остальном вроде бы цел и невредим. Наконец, в шаге от стола возвышалась над всеми

еще одна особа. Возвышалась в прямом смысле — было в ней не меньше ста девяносто. Типичное лицо северянки, прямые волосы, не светлые, а так, сердинка-наполовинку, и мощный голос. Колоритная фигура. А на столе лежал прямо перед ней самый серьезный аргумент в их разговоре — пистолет-пулемет Руднева, ППР-24-МД с откидным прикладом. Дотянуться до него этой валькирии — или йомалатинте? — было делом доли секунды. Так что пока соваться явно не стоило. Лучше было выждать момент поудобнее. Я привалился к косяку, принял устойчивую позу, чтобы не выдать своего присутствия случайным движением или звуком, и стал слушать.

— Но почему, доктор? — говорила йомалатинта. В голосе ее было больше гнева, чем вопроса.

— Во-первых, потому что я биарм. Я здесь родился, здесь и умру. А во-вторых, потому что это про вас все сказано в Писании: «Ибо они не ведают, что творят», — бесцветным голосом отозвался Меряч.

— Зато мы прекрасно знаем, что творите вы! И такие, как вы! — это опять йомалатинта. — Вам мало? Вы еще не сыты? Не надоело? А что вы ждете? Вы наших детей ждете! Нерожденных. Ясно?

Меряч молчал, и она распалаясь все больше.

— Почему ни у кого из нас нет детей? У трех четвертей женщин — пойми это своей академической башкой, доктор! Почему мы должны рожать детей во Пскове? Оставлять их там? Растить гражданами Новгородской республики. Потому что здесь их отберут. По какому праву, я спрашиваю?

— Таков закон, — все так же бесцветно ответил Меряч. Я не знал, от природы у него такой голос или обесцвечен усталостью и отчаянием.

— Плевать нам на ваш закон! Не может закон нормальных здоровых баб лишать детей! — при этих словах лицо Меряча странно дернулось, но он промолчал. — В общем, так. Вот твой последний шанс. Мы и так с тобой неделю возимся. Больше нельзя. Соглашайся — и завтра будешь в любом городе Конфедерации. Через неделю получишь новые документы. Хочешь — становись гражданином Таджикистана, хочешь — хоть к папуасам отправляйся. Ну а нет, — она положила руку на приклад ППР, — разговор другой. Здесь нас никто не услышит, ясно? А потом — на цементный завод. Устраивает? И будешь лежать в карьере в бетонном бушлате. Выбирай.

— Я никуда не уеду, — ответил Меряч. — Я биарм.

— Ну, как знаешь, — начала было йомалатинта, но блонетка остановила ее:

— погоди, Инара. Позволь мне.

— Только покороче, Инга.

Так вот она какая, знаменитая Инга Бьярмуле!

— Послушайте, Виктор, давайте поговорим спокойно. У нас действительно мало времени, но мы попытаемся. Сейчас наверху, в ванной лежит связанный частный сыщик. Мы еще не знаем, что ему известно и что известно кому-нибудь кроме него. И поэтому должны торопиться. Поверьте, мы тянули, сколько могли. Честное слово. Виктор, мы не этого хотели...

В совершенно естественной плавности ее речи чувствовалась, однако, какая-то глубинная фальшь. Так, наверное, говорила бы Агата Кристи, попытайся она выступить в роли мисс Марпл.

— Мы собирались вернуть вас так, чтобы никто ни о чем не подозревал, — продолжала тем временем Бьярмуле. — И вы сами в первую очередь. Вы должны были в понедельник вернуться в свой институт, ни малейшего представления не имея о том, что произошло здесь. Но кто же мог знать, что вы не поддаетесь гипнозу?

— Ты должна была знать, — вмешалась йомалатинта. — Тебе была поручена операция, идиотка. И ты ее провалила.

Все верно, Агата Кристи может написать лихой детектив, но вряд ли стоит нанимать ее для расследования...

— Во-первых, Инара,— спокойно отреагировала на этот выпад Инга Бьярмуле,— я и разработала все. И гипнотизера нашла я. И Кудесника. И если даже что-то пошло не так, я сейчас это исправляю.— Ее спокойствие здорово смахивало на грань истерики, но держалась она молодцом.— Вот что мы сделаем, если вы дадите формулу вашей усиленной вакцины,— простите, Виктор, я в терминологии не сильна,— мы успеем приготовиться. Мы найдем специалистов, которые сумеют изготовить нейтрализатор. А вы — вы можете оставаться в Биармии. Вы будете моим любовником.

— Никогда! — взвилась Рита.— Он мой! Не слушай ее, Виктор!

— Так этого и не будет, дурочка. Умей слушать. Конечно, Виктор остается с тобой. Но как иначе мы сможем объяснить?..— С Ритой Инга Бьярмуле говорила, пожалуй, даже ласково.— Так вот, Виктор,— продолжила она,— вы будете моим любовником. Мы провели здесь, у меня, медовую неделю. Специалистов такого класса за прогулы не выгоняют, вы им нужны. И пусть сюда нагрянет милиция.— Что ж, Рита примчалась выцарапывать мне глаза, прознав, что у вас роман с ее подружкой; Инара здесь по долгу службы, она мой телохранитель и компаньонка; а сыщика мы приняли за грабителя и сбезвредили. Да он и влез как грабитель. Как видите, все еще можно уладить. Согласны, Виктор?

— Нет.

— Поймите, Виктор, все равно так продолжаться не может. Вы знаете, сколько платят женщины за нейтрализатор нынешней вакцины? По пять тысяч кун за дозу. А где взять такие деньги, Виктор? Тем, кто и так еле сводит концы с концами? А таких много, очень много. Вы знаете, сколько стоит лицензия? Да, Виктор, сколько она стоит у ваших честных чиновников? Столько же. И это в лучшем случае. А если вы побогаче — и десять тысяч сдерут. И двадцать. И отдают! За это все отдают. Но сколько же можно отдавать? Вы говорите, детей имеют те, кто больше сделал для родины. Мой муж — лучший капитан Биармии. Меня знает весь мир. Этого мело? Но нет, нет у меня детей! И у сотен тысяч их нет. Подумайте, Виктор!

— Я думал,— сказал Меряч.— Нет.

— Хватит! — гаркнула Инара-Йомалатинта; она явно навинчивала себя.— Кончай рассуоливать! На цементный поря. Сама пришью подонка, раз без него им трудней будет. Понял, доктор, я тебя сама порешу. И рука не дрогнет!

— Ради бога, Инара,— взмолилась Рита,— подожди, ради бога!

— Не каночь,— обрезала та.

— Виктор,— Рита не успокаивалась,— ну пожалуйста, Виктор, ну, согласись, ну что тебе стоит, ведь у нас же все хорошо было, и все хорошо будет. Инга, правда, у нас все хорошо будет? Ты только согласись, Виктор! Ты подумай, что такое мой «Детинец», ведь там же незаконнорожденные живут, понимаешь, не внебрачные, а внебрачные, дети тех, кто сумел, это наши дети, понимаешь, тех, кто сумел избежать, кто врачу пачку кун сунул, чтобы вместо вакцины новокаин ввел, кто лицензию купил, кто не успел вовремя из Биармии уехать, чтобы там родить, их же десятидневными отбирают, подумай, Виктор, подумай и скажи, и все хорошо будет...

— Заткнись, шлюха! — крикнула Инара.— Нет тебе слова! Мы еще тебя судить будем! Судом Йомалатинтис судить. Кто на хосте сыскаря приволок? От тебя всего и требовалось — сказать, когда хахаль к тебе покатит да какой дорогой. Сидела бы дома — проблем бы не было. Сказано ведь: вернем академика твоего, ничего ему не отхватим, не беспокойся. Так нет же! Вот теперь молчи, смотри и запоминай! — больше ты его не увидишь! — Она повернулась к Мерячу.— Сейчас я тебя, доктор хренов...

Инара не договорила. Все-таки метр от стола даже при ее росте и длиннющих руках — многовато. Особенно если имеешь дело с разъяренной кошкой.

Рита рванулась, ухватила ППР за ствол, отскочила, опрокинув кресло, перехватила автомат. Не ожидал я от нее такой прыти!

— Сидеть! — закричала она.— Всем сидеть! Инара, на пол! На пол, говорю! Спиной ко мне! Ноги шире! Еще шире! Руки на голову! Не шевелись, Инга! Сидеть!

Автомата она явно никогда в руках не держала, разве что в кино видела, как это делается. Но ППР был снят с предохранителя, а курок нажать и ребенок сумеет. Тем более, что спуск у ППР легкий. Обе женщины, кажется, поняли это. Инга замерла в кресле, положив руки на стол. Инара медленно спустилась на пол и села, охватив ладонями могучий затылок. При этом она сыпала словечками, среди которых «шлюха», «гнида» и «сучье семя» были далеко не самыми забористыми.

— Не бойся, Виктор,— сказала Рита уже другим голосом.— Мы сейчас уйдем. Вдвоем уйдем. И плевать на них на всех. На весь мир. На Биармию. На Йомалатинтис плевать! Будем мы с тобой, Виктор. И только. Сидеть! — снова крикнула она. На всякий случай крикнула — никто и не шевелился.

Я понял, что пришло мое время. Резко распахнув дверь, я прыгнул в зал, рассчитав так, чтобы оказаться по возможности за спиной у Риты,— новичкам часто везет, а превращаться в решето калибра 5,45 мне совсем не хотелось.

— Спокойно, Рита,— сказал я.— Это Марк Айле. Мы уйдем вместе.— По окаменевшей спине Инары я понял, что мое появление произвело эффект. Инга Бьярмуле смотрела на меня, как на призрака любимого дедушки.— Доктор Меряч, я частный сыщик, по поручению клиента разыскиваю вас. Сейчас мы вас освободим.

— Спасибо,— сказал Меряч. Сказал, будто ждал чего-то подобного.

— Рита, передайте мне автомат, я с ним лучше

управлюсь. А вы возьмите,— я вынул из кармана и протянул ей нож.— Режьте веревки.

Рита восприняла мое появление на редкость спокойно.

— Сами разрежьте, Марк. Вы ловчее, а я их под прицелом держу.

В этом был резон. Я разрезал веревки на руках и ногах Меряча. Тот попытался было встать, но не смог — ноги затекли. И отекли, разумеется,— веревки были стянуты туго. Вязать — тоже уметь надо...

— Растирайте руки, доктор,— приказал я.— Знаю, больно. Но мне вас массировать некогда. Мне надо Риту подстраховать. А начнете руки чувствовать — трите ноги. Через десять минут вы у меня побегите.— Это, конечно, было резким преувеличением. Но ковылять он, пожалуй, смог бы. И в этот момент Рита приказала себя. Ствол ППР вдруг резко метнулся в мою сторону. Я был слишком далеко, чтобы выбить оружие у нее из рук.

— Давай к ним, сыщик! К этим бабам! К стене! Лицом к стене!

Выбора у меня не было.

— Но, Рита, я же хочу вам помочь,— пытался я убедить ее, стоя, как дурак, у стены.

— Не верю! Ты меня уже обманул, гад! Никому я теперь не верю! Все вы подонки! — У нее снова изменился тон: — Ты уже можешь идти, Виктор?

Конечно, он не мог.

— Три, три ноги, Виктор, растирай, милый, нам торопиться нужно,— опять запричитала-зачастила она.— Ты не бойся, я сумею, я все сумею, и тебя вывести, и от этих защитить, и все сделать, чтобы нам хорошо было, и дети у нас будут, мы их в «Детинце» устроим, я и это сумею, и они нас знать будут, слышишь...

И тут доктор Меряч взорвался.

— Заткнись, идиотка! Какие дети! Не будет у меня никаких детей! Не может быть никаких детей! Ты что думаешь, дура, их как медали вешают? За труды? Сказки! Про землю, про демографический оптимум — все сказки. Прокляты мы. За грехи отцов. Они дышали тем, чем нельзя дышать, пили то, что нельзя пить, лечились тем, что калечило... — Он задохнулся.— На игле торчали, водку жрали... А за это мы прокляты. Бездетностью прокляты. Нельзя нам иметь детей! У трех из четверых генетические дефекты, ясно? За породу детей дают, за породу! — В горячах Меряч ухитрился даже встать, хоть его и шатало.— Что я, дурак? Не знаю ничего? Больше вас, идиотов, знаю! А что делать? Рожать больных, тянуть цепочку дальше? Лечить надо, гены перестраивать, чинить, латать! Так нет же, была, видите ли, «воронежская трагедия», мол, «генетический Чернобыль»! Ну, была, была, а дальше что? Вперед надо идти, осторожно, умно идти, а не закрывать! Нет же, закрыли, проголосовали, мораторий ввели! Вот и блуждаем теперь Моисеевым путем! И на нем подохнем. Я подохну. И вы все подохнете. Можете меня хоть десять раз застрелить, мне все равно, после меня и так Мерячей не будет!..

Я осторожно повернул голову. Но Рита не смотрела на меня. Она смотрела на Меряча, и лицо ее было страшным. Автомат вдруг дернулся у нее в руках и заплескал. От дробного грохота заложило уши. Я бросился на пол. Но еще раньше, чем я успел крикнуть: «Ложись!» — рухнул доктор Меряч. Его не надо было убивать десять раз. Одного оказалось вполне достаточно.

Отдачей Риту отбросило к стене. Ствол автомата опустился. И тогда я прыгнул. Расстояние оказалось чуть-чуть велико, я едва не упал, но все-таки успел схватить ее руки и вывернуть. Она не сопротивлялась, и я выхватил автомат. Все это произошло почти мгновенно — при скорострельности ППР она успела опустошить магазин только наполовину. Но опоздай я на

долю секунды, и оружием завладела бы Инара. Все-таки реакция у этой йомалатинты была неплохая.

— Сидеть! — рявкнул я, судорожно соображая, что же теперь делать. Не стоять же вот так, держа их под прицелом, вечно. Я огляделся. Телефона поблизости не было. Меряч лежал навзничь, и грудь его была разворочена так, что смотреть не хотелось. Все-таки пуля калибра 5,45 со смещенным центром тяжести — штука страшная. Рита, обмякнув, в глубоком обмороке сползла по стене на паркет. Инара снова опустилась на пол, теперь уже осыпая бранью меня. Инга сидела за столом. Она вообще за все это время ни разу не пошевелилась, даже в тот момент, когда я приказал всем лечь, чтобы не попасть под шальную пулю. Это был какой-то ступор. Наконец, я углядел и телефон. Он стоял на полке стеллажа с кегельными шарами. Выпускать Инару из поля зрения мне совсем не хотелось.

— Инга, встаньте.

Она не слышала.

— Встать, — заорал я во всю мочь. — Встать, говорю! Ко мне!

Она вдруг послушно поднялась и подошла.

— Идите к телефону. Наберите номер. Я продиктую...

Но закончить я не успел. В дверь ворвались четверо в милицейских бронекombineзонах с автоматами в руках — образцовая группа захвата.

— Всем лечь! — крикнул один из них. — На пол, гады!

Это становилось слишком однообразно. Что-то вроде физкультуры.

— Послушайте, — крикнул я, отшвырнув ППР. — Я частный сыщик. Я...

В этот момент один из милиционеров налетел на меня и двинул прикладом по голове. И второй раз за сутки я потерял сознание.

IX

Первые двадцать четыре часа после этой ночи выпали у меня из памяти начисто. В следующие я уже временами сознавал, что лежу в постели у себя дома, а Магда поит меня какой-то пакостью. На четвертый день я пришел в себя настолько, что надиктовал отчет для гражданина Пугоева, — невзирая на героическое Магдино сопротивление. Цербер из нее, кстати, получился первоклассный; я начал даже опасаться, не слишком ли. Может, конечно, она и была права, но мне не терпелось поскорее покончить с этим делом. Правда, Фальстаф Пугоев пенять за задержку с отчетом не стал. Вскоре от него пришло благодарственное письмо, а еще через несколько дней банк известил о поступлении на мой счет двадцати тысяч кун. Сумма эта соответствовала нашему договору, причем издержки были покрыты даже с лихвой. Не берусь судить, предстоящее ли наследство или что другое склонило Пугоева к широкому жесту... Но так или иначе, дело можно было считать закрытым. Впрочем, это было уже потом.

А пока я валялся в постели, соблюдая предписанный полный покой, причем делал это даже с удовольствием. Похоже, составление отчета оказалось тем последним эхом, за которым наступает уже окончательная тишина. Вставать я не только не мог — мне этого вовсе не хотелось. Не хотелось вообще ничего. Я часто засыпал, недолгим, но каким-то тягучим сном, и чуть не каждый раз снова возвращался в этот проклятый подвальный кегельбан, и опять видел доктора Меряча; я пытался задать ему некий вопрос — и не успевал; он падал, но — во сне — беззвучно, из развороченной груди била кровь, неправдоподобно яркая, ненастоящая, но именно потому еще более отвратительная.

И я просыпался, и не мог вспомнить, о чем я должен успеть его спросить, и зачем мне это нужно, и снова засыпал, и так по многу раз подряд. Впрочем, и наяву я возвращался мыслями к Мерячу. Я мог понять этих несчастных, доведенных до отчаяния баб. Но что двигало им? Чем питалось его упорство? Я пытался заставить себя не думать обо всем этом, переключиться, но ничего не получалось. Не помогли ни комедии с Анной Акоюн и Петром Туром — самое надежное средство Магды, ни патентованные таблетки, от которых мысли становились более вязкими, замедленными — и только.

Но на седьмой день я проснулся и почувствовал, что больше всего на свете хочу есть. И еще — встать. Голова слегка кружилась; ноги, однако, держали вполне прилично. Я спустился в кухню и к ужасу Магды произвел там изрядное опустошение. За этим преступным занятием и застал меня Павел. Мой лечащий врач.

По-моему, он слегка обалдел, но не подал виду. По тому, как он переглянулся с Магдой, я понял, что они успели спеться. Павел улыбнулся, похлопал меня по плечу и с неистребимым профессиональным оптимизмом изрек:

— Кто плюет на докторов? Тот, кто умер или здоров!

— Я плачу вам за свое здоровье, а не за ваше остроумие, — говорить с набитым ртом было непросто, но я справился. — Хотите печенки? Магда дивно запекает ее с луком в фольге.

— А что? — Павел с интересом посмотрел на меня. — Думаете, откажусь? Не на такого наравались. Кто ж от дармового обеда откажется только потому, что еще рано?

В общем-то мы с ним всегда понимали друг друга. Не зря же, в конце концов, он оставил меня в своих пациентах, когда я переехал сюда, в новый дом. А ведь ему теперь приходится мотаться через весь город...

Увидев, что Павел не погнался обратно в постель, Магда приободрилась, и мы премило посидели, хотя после кофе Павел все-таки заставил меня подняться в спальню и подверг осмотру с пристраемием.

— Ну что ж, поздравляю, — сказал он под конец. — И на этот раз вам удалось выкрутиться, Марк. Не знаю, долго ли будет продолжаться такое везение — при вашей-то профессии! — но сейчас так. Только не торопитесь. Вставайте понемногу, на час-другой. Читайте, если глаза не устают и головной боли нет. Появится — книжку долой. То же с телевизором. Обязательно прогулки по часу два раза в день. И легкий тренинг. Но — действительно легкий. Потом сможете снова на полную катушку. Конечно, лучше всего вам сейчас податься на курорт. На месячишко. Есть возможность?

Я кивнул.

— И прекрасно. Через недельку, хорошо? И вести там растительный образ жизни.

— А животный можно?

— Сперва растительный, а там видно будет. Но никакой выпивки. По крайней мере два месяца. Если не хотите неприятностей.

— Убедили.

— А я зайду завтра-послезавтра. Так, для порядка.

— Спасибо. И привет вашим рыбкам. — Павел задядный аквариумист, и я всегда давал ему возможность похвастаться каким-нибудь очередным рыбьим дивом. На этот раз я попал в десятку.

— Передам, особенно новичкам.

— То есть! — Не поинтересоваться — значит обидеть.

— Капская тетра. Порода молодая, вывел ее недавно один дурбанский любитель. Редкая и потому

стоит...— Он прищелкнул пальцами.— Сами понимаете. Но и стоит того — приезжайте, не пожалеете. Не рыбки — живой свет.

Когда Павел ушел, я завалился на диван и взялся просматривать скопившиеся за неделю газеты. Читать, однако, не хотелось. Я устал и совсем было начал задремывать, когда в памяти вдруг всплыли слова: «порода молодая». Сотни раз я слышал что-то подобное, но никогда не задумывался. Принимал как данность. А ведь в самом деле, сколько же всего на свете человек вывел — лошади, кошки, коровы, собаки, рыбы, не счесть. И считал себя вправе. Не сомневался. Для охоты на львов собаку? Получите эрдельтерьера. Канареечку басовую — распишитесь в получении. Лошадь в полметра ростом — ради бога, любезные мои, нате вам! Надо будет — и льва-вегетарианца выведем, идеально приспособленного к спасению на водах. А вот сам человек — табу. И думать не смей!

— Слушай, отравительница, — спросил я Магду, когда она принесла очередное витаминное пойло, — как ты думаешь, почему новые породы кошек выводить почетно, а стоит приняться за людей — сразу в компрачикосы запишут?

— Выпьешь — скажу.

Что мне оставалось? Я залпом проглотил ее очередное творение — не то фейхоа с луком, не то хрен с хурмой. Но съедобно.

— Ну так?

— Потому, что кошек Бог создал на пятый день, насколько я помню школьную премудрость. А человека сотворил по образу своему и подобию на шестой. Вот и выходит, что человек может выводить тверей земных, морских да небесных, а человек — только Бог. Понял, философ? — Магда фыркнула и ксилофонно промчалась по ступенькам вниз, судя по всему, весьма довольная собой и своим ответом.

А я остался размышлять, какой процент правды был в этой шутке. Ведь и впрямь здорово влезла в нас эта идея. Невольно, подсознательно, инстинктивно, как ни называй, а попробуй-ка представить, что кто-то хочет изменить человека. Подправить. Чуть-чуть. С самыми благими намерениями. И враз — мороз по коже. Иррациональный, прямо скажем, мороз. И потому если всерьез такое задумать — так уж не признаваться. Закамуфлировать, за любые ширмы спрятать. Вот оно как получается. Ах, хребтом ты по хлебалу, как говорит гражданин Кудесник. Вот только — кого по хлебалу-то? Законодателей, которых, может, и в живых уже нет — закону-то за тридцать перевалило? Несчастных этих йомалатинт? Или вообще наш неустроенный мир?

Х

А на следующий день гость, как говорится, пошел косяком.

Я сидел в кабинете и без особого усердия просматривал счета. Было их не много. Пугоевский гонорар позволял бездельничать еще месяца три-четыре, если понадобится. Да и без того на счету кое-что было. И значит, советом Павла пренебрегать не стоило. В конце концов, мое здоровье — инструмент рабочий. Куда я буду годиться, если не войду снова в форму? Только на свалку.

Как раз когда я дошел до этих душеспитательных рассуждений, снизу донесли голоса. Я прислушался. Черт возьми! Айн! Как был, в халате, я чуть не кубарем скатился по лестнице, не успев даже подивиться собственной прыти. Мы обнялись.

— Ну как ты?

— Жив, как видишь.

— Вижу. Я к тебе уже третий день прорываюсь, но... — Он кизнул на Магду.

— И ты мне ничего не говорила! — возмутился я.

— А чем сюрприз хуже?

Возразить было нечего. Мы все посмеялись, потом Магда пошла варить кофе, а мы устроились в гостиной. Сославшись на присутствие дамы, Айн чинно уселся в кресло. Меня же — на правах больного — заставил этак вольно раскинуться на подушках, что твой капудан-паша. Справедливости ради замечу, сопротивляться я не стал. Хотя со стороны, вероятно, выглядело все это презабавно.

— Ну, рассказывай!

— Давай отложим всякие рассказы на потом. Неохота мне вспоминать. Ладно?

— Уговорил.

— И вообще, лучше о себе расскажи. Я ведь и знаю всего только, что диссертацию защитил, женился, да обзавелся двумя отпрысками мужского пола и неизвестного возраста.

— Как так неизвестного? Шесть и семь.

— Так что, мы с тобой с тех пор ни разу не виделись?

— Наконец-то осознал!

— Какось, какось... Только ты-то чем лучше?

В конце концов мы договорились не препираться на эту неисчерпаемую тему. Магда принесла кофе, и мы добрых два часа просто болтали — с легкостью, какой я давно не испытывал. Язык у Айна с детства был хорошо подвешен, а с годами еще и отшлифовался. Магда, ко всему прочему, наблюдала этот фейерверк впервые и явно получила огромное удовольствие. Мне было приятно исподтишка наблюдать за ней, и написанное у нее на лице откровенное восхищение Айновым словоплетством не вызвало у меня даже намека на какое-либо ревнивое чувство. Скорее наоборот, придавало разговору дополнительную теплоту. Айн рассказывал, как в позапрошлом году соблазнился предложением некоей любительской экспедиции, из тех, что рыщут по свету в поисках снежного человека, сокровищ атлантов и следов космических пришельцев. Правда, у этих цель была менее впечатляющей, но вряд ли более реальной: отыскать гробницу Чингисхана. Однако это был способ побывать в Монгольском Трехречье — тех местах между Ононом, Керуленом и Толой, которые привлекали Айна уже давно («Вспомним же, вспомним степи монгольские, — мечтательно пропел он, — голубой Керулен, золотой Онон...»). К тому же экспедиция сумела найти себе каких-то спонсоров, и потому вкладывать собственные сбережения не было необходимости.

— И как, нашли? — поинтересовалась Магда, практичная, как все женщины.

— Искали, — рассмеялся Айн, — что гораздо важнее. Нашли только меня.

— Как это?

Ситуация была классической. Айн вышел как-то поутру из лагеря с намерением погулять часок-другой на рассвете. Спихватился он лишь тогда, когда понял, что обратной дороги ему не найти. Сотоварищи в свою очередь принялись искать его и делали это столь успешно, что в конце концов вертолетчикам Национальной спасательной службы пришлось отыскивать и доставлять в лагерь уже троих. Влетело это в кругленькую сумму, причем Айну по справедливости пришлось внести большую ее часть.

— Но пока я блуждал, — а места там, Магда, прекрасные, сказочные места, таких красок нигде больше не увидишь, — так вот, пока я кружил да петлял, мне пришло в голову...

Что именно пришло Айну на ум, я уже не слышал. В мозгу что-то щелкнуло, лопнуло, и я вспомнил, наконец, вопрос, который хотел и не мог задать доктору Мерячу.

— Прости, что перебиваю, Айн.

Тот осекся на полуслове, воззрился было на меня, но тут же махнул рукой:

— Будет расшаркиваться. В чем дело?

— Ты, часом, не знаешь, что такое «Моисеев путь»?

— О господи! В каком контексте?

— Один человек сказал при мне: «Блуждать Моисеевым путем». О библейском Моисее я помню только про корзину, тростники и десять заповедей. А если речь о каком-то другом, то и вовсе ума не приложу.

— О том, о том, успокойся. Моисей, Моше, Муса...

Но устойчивого понятия Моисеев путь, как, например, Моисеев закон или Пятикнижие Моисеево, нет. Это скорее метафора.

— И что она означает?

— Видишь ли, Моисей был великим политиком. Когда он вывел народ свой из египетского рабства, то не повел его сразу в землю обетованную. Айн получал столь откровенное удовольствие от своего просветительства, что смотреть на него было любопытно. Идти-то было — рукой подать, а Моисей сорок лет водил их по пустыне, водил самыми замысловатыми путями, с помощью божией досыта кормил манной небесной, поил водой сладкой...

— Зачем? — не утерпел я.

— А затем, чтобы рабы, за чьими плечами стояло четыреста тридцать лет рабства, ставшего уже генетическим, в обетованную землю не вошли. Только их дети, родившиеся свободными. Следующее поколение.

— Какой ужас, — ахнула Магда. — Это точно, Айн? Про Моисея?

— Вполне. Я же говорю, это было гениальным политическим ходом — создавать новое государство с новыми людьми.

— И это — пророк? Год за годом кружить по пустыне! Ждать — вот скоро, вот завтра, за холмом! Умирать! Быть обреченным и не знать, что обречен! Нет, Айн, это Макиавелли, а не Моисей! Я представляла себе Исход иначе...

— Это очень серьезно — то, о чем вы говорите, Магда. Только Макиавелли ни при чем. В Библии есть уже вся политика. И с библейских времен самые жестокие люди чаще всего встречаются среди тех, кто хочет привести народ к счастью. Осуществить утопию. Поскребите как следует любого пророка, любого диктатора-утописта — и под пестрыми красками наверняка обнаружится неистребимое моисейство. Причем хотя сам Моисей был еще не из худших, и он получил вознаграждение по делам своим.

— То есть?

— Его могила затерялась в пустыне Моавитской — как гробница Чингисхана. А привел народ в землю Ханаанскую уже Иисус Навин. Моисей этого был недостойн.

— Тяжело вам жить! — Все-таки переходы у женщин абсолютно непредсказуемы...

— Почему? — удивился Айн.

— Слишком много понимаете и слишком мало можете.

— Ну почему же? Я вот, например, вполне могу выпить еще кофе.

— Сейчас, — Магда резко вскочила и отправилась на кухню.

Мы поболтали еще немножко, но, признаться, уже без прежнего вдохновения. Я все время сбивался, мыслями на свое, на Меряча и его Моисеев путь. Рассказывать об этом я не хотел и не мог. И потому, когда Айн стал откланиваться, каюсь, испытал даже некоторое облегчение. Хотя знал, что теперь мы с ним прощаемся ненадолго. Он, по-моему, тоже.

Поднявшись в кабинет, я снял с полки книгу, к которой не прикасался, пожалуй, со школьных лет. Впрочем, тогда я и подавно не слишком увлекался Свя-

щенной историей... Я внимательно перечитал «Исход», а потом еще и заглянул в «Бытие». Айн был прав. Не то чтобы я сомневался в этом, просто привычка все проверять и перепроверять становится со временем второй натурой. Теперь я понимал, откуда черпал Меряч свою непоколебимую убежденность. Кто его знает, проклятье или благословение для человека та жертвенность, с какой водит он сорок лет по пустыне народ свой, обрекая на вымирание поколение. И зная, что сам умрет в преддверии земли обетованной, ступить на которую ему не суждено. Но одно мне было ясно: сам я на такое не поюсь. Я скорее всего из тех, «малодушествующих на пути». Интересно, а можно ли отнести к ним йомалатин? И еще. Вот ведь какая штука: в рабство египетское народ Иосифа пришел добровольно. В поисках лучшей жизни. Собрались, посоветались, решили... Вполне демократическим путем...

От этих размышлений меня оторвала Магда.

— Марк, к тебе генерал Керро. Может, — она была явно обеспокоена, — сказать, что ты еще не в форме?

В конце концов, вызволили меня из капитанова кегельбана ребята Феликса. Когда Магда, не утерпев, раньше времени подняла тревогу, Феликс дал команду — и они явились меня выручать. Правда, не слишком вежливо. Еще слава богу, что отделался я только сотрясением мозга. Могло быть и хуже — припаяли мне крепко. Ретивые мальчишки. Добраться бы мне до того мордovorота...

— Нет, — сказал я. — Не надо. Пожалуй, мы с ним посидим. Ты только собрази что-нибудь.

— Без выпивки, — категорично заявила она.

Я вздохнул.

— Ладно. Но у Феликса-то сотрясения нет. Так что пошуруй все-таки в баре. Я точно помню, там кое-что оставалось.

Магда вышла, а я переоделся — принимать генерала в халате было вроде не с руки — и спустился вниз.

— Привет, Перс! — шагнул мне навстречу Феликс. Сегодня он был при полном параде — весь в золоте и лампасах. — Давно собирался тебя навестить, да все неловко было беспокоить. Да и дела...

— Вот и скажи честно: дела. А про неловко...

— Правда, Перс, собирался, ей-богу... И извиниться за... — он замялся. — Словом, извиниться хотел. Я тому сержанту...

— Да брось ты, — рассмеялся я. — Ты — сержанту? Кому ты это говоришь? В лучшем случае ты сказал пару ласковых начальнику бригады. Кто там сейчас? Рейн Воньо?

— Как в воду глядишь, — ухмыльнулся Феликс. — Только Рейн тебя все еще за своего держит, не забудь. Так что сержанту до сих пор небо с овчинку кажется.

— Спасибо, утешил.

— Ладно, не злись.

— Я не злюсь, — соврал я, потому что как раз сейчас и начал заводиться. Разбередилась отболевшая вроде обидка на мордастого сержанта. Понабирали энтузиастов!..

Обстановку разрядила Магда, вкатившая столик. Сервирован он был на ять — все-таки недаром я два года муштровал ее в конторе.

Мы с Феликсом сели, а Магда с обаятельной «фирменной» улыбкой исчезла. Я не стал ее удерживать. Сейчас нам, пожалуй, лучше было поговорить вдвоем. Ныло, ныло во мне болезненное любопытство, которое, признаться, я не хотел удовлетворять, но и отказываться тоже не мог.

— Слушай, Феликс, давай начистоту. На кой черт ты травил меня в это поганое дело? Неужто твои ребята сами бы не разобрались? Только не пой мне пе-

сенку про то, что дело, мол, возбуждено не было, ладно? Я-то знаю, как можно и без этого обходиться. Всегда есть пути, и законные.

— А ты еще не понял?

— Нет.

— Я думал, ты поймешь...— Феликс в упор посмотрел на меня, потом отвел глаза.— Будь по-твоему. Мне хотелось, чтобы ты сам узнал все, что сейчас знаешь.

— Ну хорошо, узнал я об этих несчастных бабах, дальше что?

— Несчастных?

— А какие же?— Меня вдруг понесло.— Кто хватается за ружье? Или подонок, или несчастный. Или тот, кто много хочет, или тот, кто все потерял. Они потеряли. И я не понимаю, как это случилось. Меня учили чтить закон. Чту. И верю. Потому что если не верить в закон, верить не во что. А кто их довел? Тоже закон. Зачем мне это, скажи?

— Ладно,— сказал Феликс.— Забудь обо всем. Может, так оно и лучше.

— А ты бы смог?

— Вот почему я и втравил тебя, что не могу.

— Втравил. И что же?

— Себя спроси, Перс. Что я могу сделать? Я кто? Цербер. Фараон. Мое дело блюсти закон. И есть еще такая поганая штука — служебная тайна. Слишком многие знают подлинные причины программы возрождения нации. Трофимизации этой, чтоб ей... Стоит мне заикнуться — от меня перья полетят. А я еще хочу поработать на своем месте. Здесь я все-таки полезен.

— Так ведь сейчас уже не умолчишь. Ведь будет суд, и молчать на нем не станут ни Инга Бьярмуле, ни эта, как ее... Инара.

— Станут.

— Почему?

— Потому что суда не будет. Потому что живым из подвала вышел только ты. Ты разве не знал?

— А ты знал? Заранее?

— Нет,— сказал Феликс. Сказал так уверенно, что я ему даже поверил. Тут бы ему и остановиться, но он продолжил:— Ребята переусердствовали. Они ведь что знали? Что идут брать террористов, которые захватили заложников. И все.

Вроде бы все в его словах было логично, убедительно; и все же... Так мог говорить генерал с шестнадцатого этажа «Сороконожки», а не тот человек, с которым мы не раз делили убогий диванчик на втором. Что-то изменилось в Феликсе. И мне показалось, что сквозь генеральский мундир пахнуло на меня знойным ознобом моисейства.

— И теперь ты хочешь чужими руками жар загребать?

— Не чужими, Перс. Твоими.

— Спасибо за честь, начальник. Только не по плечу она мне, твоя честь. Я сыщик. А это странное ремесло, Феликс. Иногда мне кажется, что все мы барахтаемся в море, а между нами плавают, лежат под нами на дне тысячи запечатанных сосудов. Всяких там кувшинов, амфор, бутылок. И в каждом — тайна. Грязная, чаще всего. Вот находил человек бутылку, а что в ней? И зовет меня. Но мое дело — вскрыть. А дальше уж пусть сам думает. Что там — джин или джинн, добро или дерьмо — это уже не мое дело. Если джин — не я пью, он. Если джинн — не мне он дворцы строит. И обратно в бутылку его загонять тоже не мне. В мою обязанность входит только, как в классике было сказано, распечатывание подобных сосудов. Понимаешь?

— Вот и распечатай этот. Наш. Общий. Биармский. И ничего не решай.

— Ты рискуешь местом. А я? Чем я рискую?

— Тебе честно сказать?

Я посмотрел на него и вспомнил голубую «каму».

А ведь никакой это был не Йомалатинтис. Они тогда еще обо мне не думали. И не ребята Феликса. Выходит, еще кто-то? Если есть государственная тайна, ее следует охранять...

— Нет,— сказал я,— можешь не говорить. Но пойми, я не законодатель. Не депутат. Не журналист даже. Да и будь я парламентарием... Закон не противоречит Конституции. Ни нашей, ни Конфедерации. Иначе бы его не было, этого закона. Да и с фактами у меня не густо.

— Найдешь, если решишься. И я помогу.

— А самое главное — надо ли? Ведь одно, два поколения... А потом закон не будет нужен. Он умрет. Законы все смертны. Бессмертны лишь заповеди, потому что в них — этика, мораль, а не кодифицированное право.

— Все так, Перс. А если в детях откажут тебе? Мы-то ведь родились до.

Я подумал о Магде.

— Слушай,— сказал я.— Мы с тобой оба юристы. Хотя не знаю, как ты, а я видел в юрфаке только дорогу к офицерским погонам. Но мы оба равно знаем, что дело не в законах. Тридцать тиранов пощадили Сократа. А при демократии — блестящей афинской демократии — ему пришлось выпить цикуту... Нет, Феликс, дело в том, что политика и нравственность никогда еще не сходились. В людях дело. В этих самых врачах, что за пять косых вместо вакцины новокаином закачивают. Или в тех чиновниках из Министерства здравоохранения, которые продают лицензии.

— Ну, Перс, это уж от века. Не нами сказано: «Законы святы, а исполнители — лихие супостаты». Вот зачем я и хочу сохранить свои погоны, чтобы супостатов поменьше...

— Не поможет. Закон — законом, а люди — людьми. Их передельваем не мы. Их воспитывают без нас. Тут уже не те законы, а я не священник и не учитель. Я знаю, как охранять тот закон, что записан в кодексах. Но вот как охранять закон нравственный? Ты знаешь, Феликс? Я — нет. Но ты хочешь, чтобы действовал я. Чего ради? Разогнать Йомалатинтис? Новый вырастет, пока жив закон о трофимизации. В этом ведь не только несчастные бездетные бабы заинтересованы. Вот автоматы у них — откуда? И о каких химиках говорила Бьярмуле? Их ведь найти надо, химиков. И заплатить им. Вот и распространяют они эту самую противовакцину на черном рынке. И сами же дерут за нее три шкуры — на святую цель. На противовакцину свою, на липовые документы, что Мерячу предлагали, на оружие, мало ли на что еще: А что все это значит? Что за ними кое-кто посерьезнее стоит. Профессионалы. Идеалистки-то эти о том могут и не знать. А мы с тобой? Вот и не хочу я лезть в это дело. Не мое оно. И пусть я буду малодушествоющим на пути. Все равно я знаю, что делать. И надо ли что-то делать? И еще потому, что боюсь.

— Ты?

— Я.

— Смелый ты мужик, Перс. Я бы не признался.

— Ты уже признался. Когда сказал, что с места не хочешь слететь.

Феликс крикнул.

— Так меня!

— Прости.

— Чего там. Правда ведь. От другого бы не стерпел. А с тобой у нас...

Так мы ни до чего и не договорились.

Уже когда Феликс собрался уходить, я спросил:

— Слушай, меня до сих пор мучит: клиент у меня был настоящий?

— Самый что ни на есть. Только найти его было — что черную кошку в угольной шахте темной осенней ночью.

— Особенно, если ее там нет,— закончил я.

Мы невесело посмеялись. Поганое это дело — искать кошек. Никогда не знаешь, что найдешь.

— И еще. Это твои ребята в голубой «каме» мне на хвост сесть пытались?

— Нет,— сказал Феликс.— Я тебе на хвост никого не сажал.

Сейчас я ему поверил. Только стало мне еще безрадостней.

На этот вопрос я получил ответ с самой неожиданной стороны. Уже когда Феликс уехал, Магда подошла ко мне.

— Я случайно услышала конец вашего разговора, Марк.

— Греха не вижу.

— Тебе очень важно знать, кто был в той «каме»?

— А ты как думаешь?

— Видишь ли... Словом, это не за тобой следили... Впервые на моей памяти Магда запиналась и подбирала слова.— Понимаешь, ты меня вызвал срочно... А он не поверил, что — работа...

— Постой, постой. Кто — он?

— Неважно, кто. Один дурак.

— Только не за рулем.

— Дурак. Но каскадер.

Показалось мне, или в самом деле между последними двумя ее словами проскользнула крохотная, почти неуловимая пауза? Или я становлюсь слишком подозрительным?

— Вот и не водись больше с дураками,— посоветовал я.

— Не буду,— пообещала Магда с готовностью.— Во веки веков.

— Аминь.

Интересно, знал ли капитан Бьярмуле, чем занимается его жена между концертами и экспедициями? Хоть догадывался? И был ли каскадер? И каскадер ли?

И вдруг мне стало противно. К черту. Феликса, Йомалатинтис, каскадеров — все! Могу я в конце концов просто жить?

Очевидно, что-то такое проступило у меня на физиономии, потому что Магда обеспокоенно спросила:

— Что? Голова? Болит?

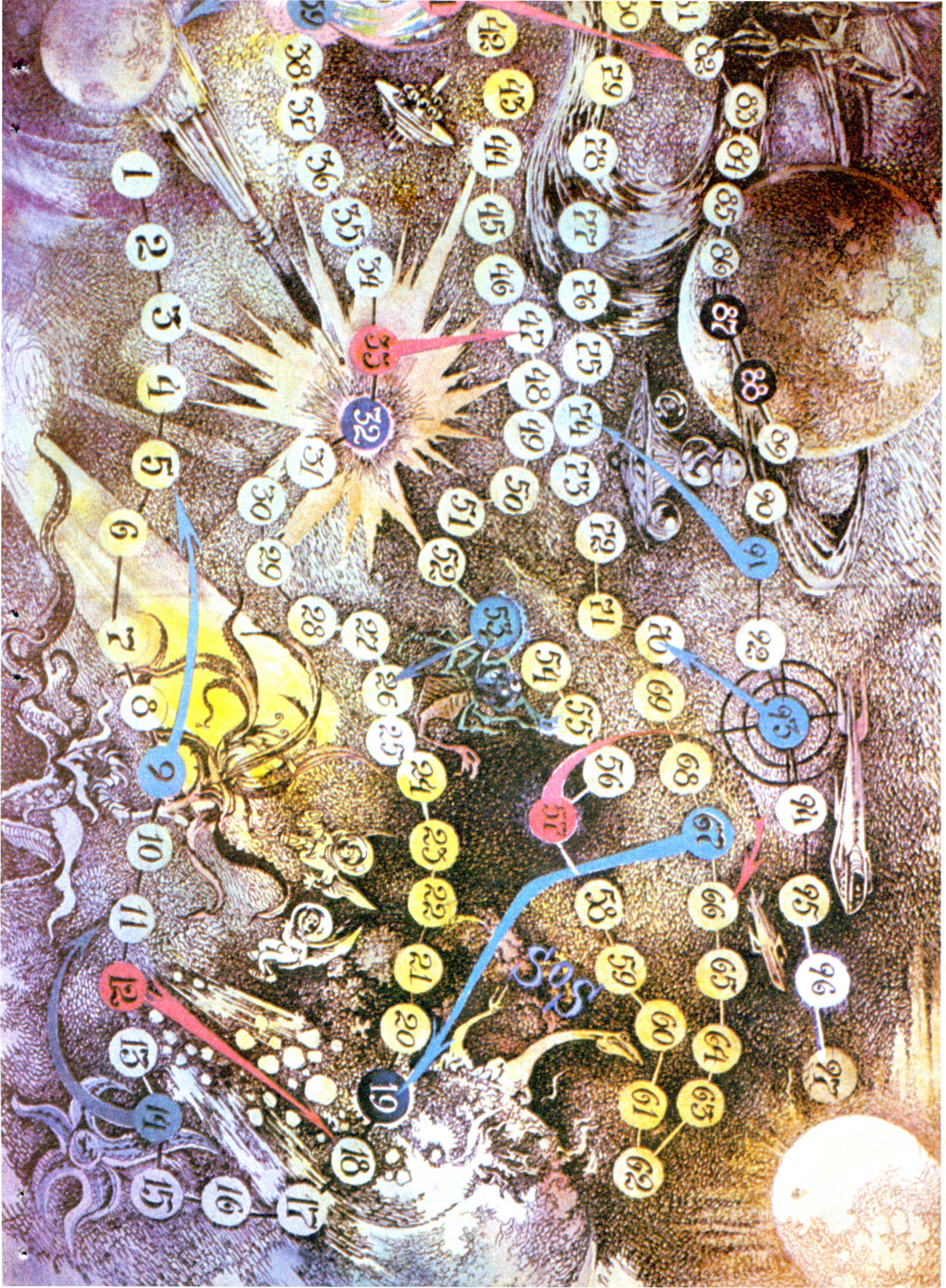
— Ерунда,— отмахнулся я.— Слушай, давай-ка перед Севастополем завернем в Карью. Я тебя со своими познакомлю.

А заодно — и поговорю с ними. Они ведь не только родились,— они жили «до», как говорит Феликс.

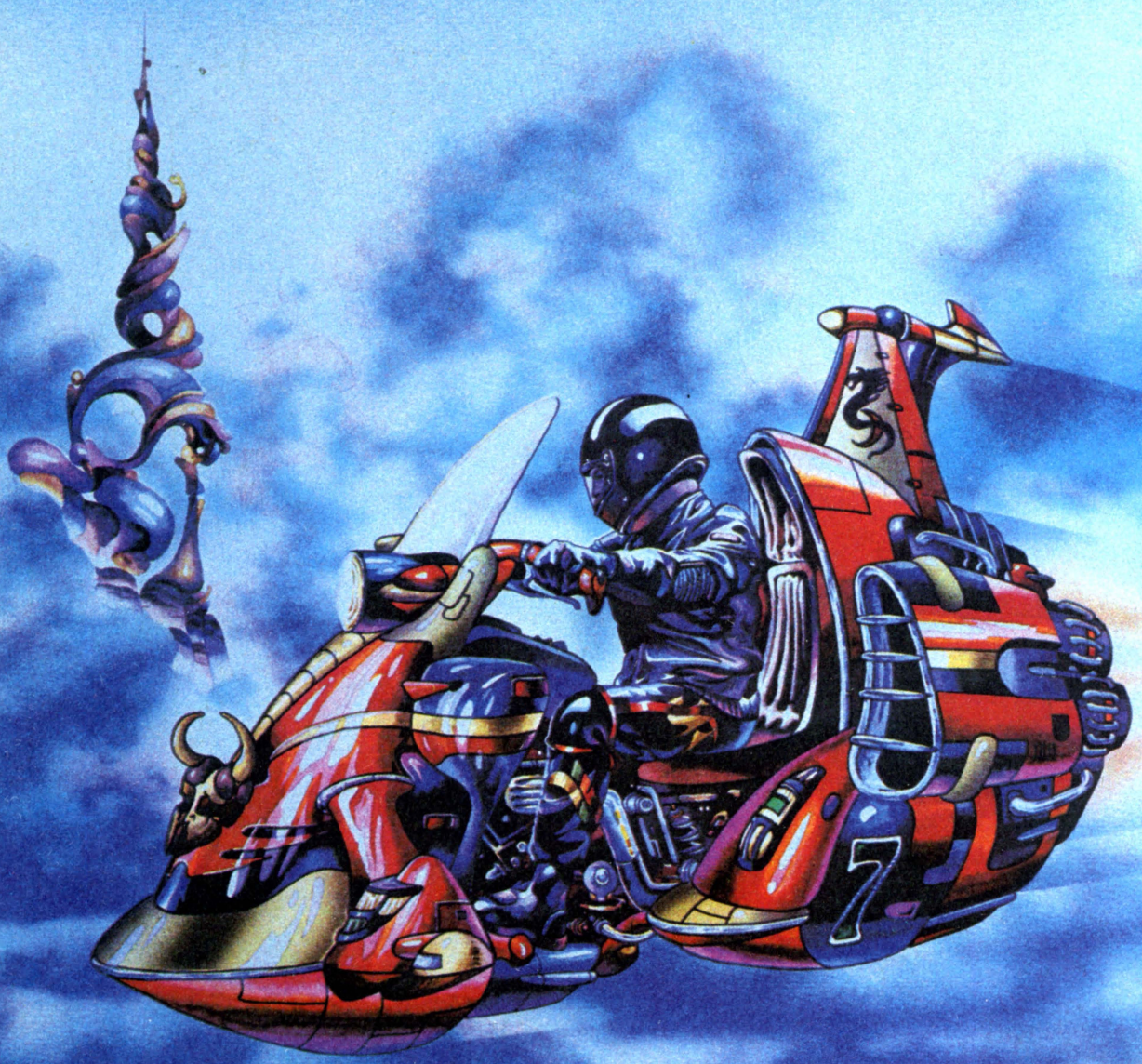
И еще я подумал, что рано или поздно нам с Магдой тоже придется обращаться за лицензией. Потому что я не хочу быть последним из всех Айле, как Меряч.

И что тогда?

ХУДОЖНИК
АНАТОЛИЙ
ПАСЕКА

А. Пасека

ФАНТАСТИКА ПОД МИКРОСКОПОМ

Викторина-91

От прошлых викторин нынешняя отличается, в основном, тем, что имеет меньше вариантов.

В первом туре вариант «А» состоит из традиционных 13 конкретных вопросов, оцениваемых в 2 балла каждый. Вариант 1-Б вновь представлен криптограммой, дающей в сумме те же 26 очков.

Второй тур, как обычно, рассчитан на кропотливую работу с литературой — с самими произведениями, с различными критико-библиографическими изданиями. Здесь тоже два варианта, а количество баллов будет определено по прошлогодней системе: каждая позиция первого варианта приносит 0,1 балла, а для второго будет введен уравнивающий коэффициент.

Третий тур требует не столько перечисления найденных произведений на заданную тему, сколько развернутой аргументации причин объединения именно этих произведений. Поэтому оценка здесь будет зависеть и от полноты ответа, и от стиля изложения.

В зачет читателям-одиночкам по-прежнему идет лишь один вариант в каждом туре. Если вы отвечаете вдвоем, вам необходимо выполнить двойную норму заданий; набранная сумма очков будет поровну поделена между вами.

Срок отправки ответов — до 15 мая. Каждая лишняя неделя отнимет у вас 2 балла, а письма, отосланные после 1 июня, оцениваться не будут. Поскольку даже в Свер-

дловске разница в доставке нашего журнала почтовыми отделениями составляет 2—3 недели, мы учтем опоздание январского номера, если вы получите его существенно позже 15 февраля (желательно подтвердить это справкой из почтового отделения).

Просьба: указывайте свой возраст (а школьники — класс, в котором учитесь), полное имя и отчество, дату отправки письма — почтовый штемпель зачастую неразборчив.

По итогам всех туров будут выявлены победители, каждый из них получит книгу с автографом отечественного писателя-фантаста. Это же ждет и тех, кто, участвуя в трех викторинах подряд и ни разу не попав за это время в список призеров, победит в борьбе за специальный приз: «за упорство и волю к победе».

Авторы вопросов викторины-91 — Л. Абдулин (Безречная Читинской обл.), А. Борисов (Калинин), Р. Гукова (Чистоозерное Новосибирской обл.), Р. Доценко (Москва), И. Евтухов (Северодвинск), С. Зырянов (В. Уфалей), И. Канышев (Москва), Ю. Ковалев (Тбилиси), Г. Козлова (Огарково Вологодской обл.), Г. Ляпин (Челябинск), В. Полуэктов (Ленинск КазССР), А. Пургин (Варнавино Горьковской обл.), А. Родиченков (Вязьма), В. Савилов (Новомосковск), В. Трабунт (Псков), О. Федоркин (Мытищи), С. Харлан (Гомель), И. Хозяин (Октябрьский БашАССР), А. Шульгин (Новоугодный Тульской обл.).

I-A.

1. «Был восьмой час вечера, когда доктор приложил ухо к моему сердцу, поднес мне к губам маленькое зеркало и... сказал торжественно и тихо:

— Все кончено.

По этим словам я догадался, что я умер».

Где описана эта небанальная ситуация?

2. В каком произведении встречаются растения, «корни которых уходят в глубокое прошлое, в настоящем расцветают их цветы... и лишь в далеком будущем вызревают иногда плоды, содержащие в себе тайну бессмертия?»

3. «— И 82, он же Мигель Андре фон Фердигайло ибн Сидоров 405/812 плюс-минус бесконечность, — объявил этот голос с бесстрастностью, на которую способны только автоматы, — требует связи с Эолингом 38!» Откуда эта цитата?

4. «— Вот что я вам посоветую, — сразу же перешла она к делу. — Возьмите университетский курс атомной физики профессора Сахарова. Это, на мой взгляд, лучший из учебников, которые сейчас есть». В каком произведении дан этот совет?

5. «— Вы еще недостаточно подготовлены к тому, чтобы нюхать серьезную музыку, — сказал он, улыбаясь». Откуда эта фраза?

6. «Капитан серьезно кивнул и, зажав в кулаке восемь спичек, в том числе три сломанные, молча протянул к нам руку». В каком произведении столь необычно осуществляется выбор трех человек для выполнения задания?

7. «— А кто первый изобрел окситан? Не знаешь, трудяга! А в каком году? Тоже не знаешь?» А вы знаете?

8. «И тут я заметил необычайное явление: Солнце пошло вспять к востоку, постепенно скатываясь к горизонту». В каком произведении возникла эта ситуация?

9. «— Откуда вы знаете? — удивился я.

— Сейчас вы скажете мне об этом, — спокойно объяснил гуманоид. Логика в этом высказывании я не нашел. Однако по существу он был, разумеется, прав».

Из какого произведения отрывок?

10. В каком произведении фигурирует Священная Картина, на которой изображены «...Дерево, и Цветы, и Река, и Дом вдалеке, и Небо с Облаками, и Ветер, которого не было видно, но который чувствовался?»

11. «— Станция? — простонал я. — Неисправность! Проверьте, кому раньше принадлежал скафандр, и...

Я не закончил фразу; говорят, микрофон не выдержал моего вопля. Но какой человек, наглухо запертый в космическом скафандре, не завopil бы, вдруг почувствовав на шее мягкое прикосновение?» Откуда этот отрывок?

12. Корабль — единое целое, состоящее исключительно из команды. Гибель одного — удар по всей команде... В каком произведении сказанное понимается буквально?

13. «— Минута нашего времени равна 41 2/3 годам вашего. По нашей системе измерения мне пятнадцать лет, а по вашей без малого пять миллионов». Откуда этот отрывок?

I-Б.

Укажите авторов и произведения, отрывки и сведения из которых составили помещенный ниже текст. Используя ответы на вопросы, разгадайте криптограмму и установите, из какого произведения взято зашифрованное в ней сообщение.

«— Так вот, дорогой Ватсон, — говорил мой приятель, окутавшись ароматным дымом смеси табака, петрушки и тимьяна. — Книга со звездным По-ланием, которую мне торжественно вручили, была не слишком интересной, — по крайней мере при первом чтении. Ее начало выглядело следующим образом:

30. 16. 14. 33. 19. 27. 36. 19. 11. 21. 10. 17. 21. 16. 23. 26. 11. 17. 40. 12. 14. 23. 8. 29. 37. 24. 19. 21. 39. 11. 20. 13. 32. 14. 23. 27. 13. 21. 23. 6. 10. 21. 9. 22. 25. 24. 25. 29. 23. 21. 14. 3. 7. 10. 23. 25. 17. 22. 10. 4. 22. 7. 22. 22. 21. 15. 28. 22. 24. 22. 20. 14. 20. 14. 9. 25. 20. 27. 28. 19. 23. 16. 31. 12. 27. 25. 27. 19. 29. 14. 16. 17. 13. 7. 13. 20. 22. 40. 10. 15. 23. 15. 13. 11. 11. 34. 26. 28. 18. 2. 20. 17. 25. 12. 38. 25. 23. 30. 25. 7. 11. 22. 36. 23. 27. 25. 27. 20. 7. 22. 20. 27. 25. 23. 12. 20. 36. 24. 18. 2. 9. 33. 10. 18. 13. 11. 29. 30. 13. 28. 21. 36. 14. 18. 36. 18. 12.

Продолжение было в том же духе.

Холмс подал мне магнитофонную катушку и добавил:

— Сегодня утром я получил странное письмо. Поставьте его, я хочу прослушать еще раз.

Я сунул ленту в магнитофон, и оттуда раздался хриловатый голос: «Они сдержали слово. Но работа предстоит огромная. У них нет письменности в нашем понимании. Все на лентах вроде магнитофонных, на видеопленках, на чертежах, схемах, таблицах. Правда, они дали ключ, с помощью которого мы сможем расшифровать эти «киероглифы».

— Сейчас я дам вам последовательность.

Он стал что-то царапать на бумаге, близко поднося ее к глазам.

— Вы попробуете ее разгадать.

Он протянул мне листок.

Там было только десять букв: ОДТЧПШСВДД...

Внезапно раздался протяжный, высокий, похожий на удар гонга звук. Он затих, и вновь послышался голос робота. Это был тот же самый «машинный» голос, с педантичной четкостью выговаривающий каждый звук. Но паузы между словами и фразами увеличились. И сами фразы были построены как-то иначе — напряженно, не всегда правильно. В них было что-то неуловимо чужое, нечеловеческое.

«Люди планеты Земля, — с расстановкой говорил металлический голос. — 12, 14, 15, 30, 17, 19, 14, 17 — вулканическое плато, где расположен самый крупный искусственный агрегат вашей планеты, оставленный вам в наследство неизвестными пришельцами из Космоса, которые появились в Гоби от 20 до 50 тысяч лет назад. 12, 0, 4, 28, 8, 11, 17, 5 — капитан корабля, автор слов: «Знаешь, я даже побаиваюсь этих людей. Вдруг им не понравится наша маленькая Федерация? Что-то подсказывает мне, что это очень энергичный народ. Лучше быть с ними помягше. Ведь наше численное превосходство не так уж велико, всего миллиард против одного». 17, 29, 2 — зона Хэмблтона. Солнечные лучи могут беспрепятственно проникать сквозь такую открытую зону: их не рассеивает фильтр из пылевых частиц и водяных паров. 19, 17, 11, 3, 23, 26 — сын благородного Карфакса, вождя орлиного племени. 12, 31, 17, 26, 12, 0, 3, 31, 13, 10, 13 — то, что получится, если сложить все буквы письма, вычест из итога солнечный параллакс и годовое производство солнечных зонтиков, а из остатка извлечь корень третьей степени. 20, 8, 11, 18, 17, 19, 12, 11, 14 — медленное стекло. 6, 8, 11, 5, 9, 1, 24, 27, 12 — восьмого восьмого восемьдесят восьмого года от стоял в 316 комнате Института искусственного разума, и в то время он уже не просто говорил, он буквально не давал жить...»

— Итак, дорогой Ватсон, что вы об этом скажете?»

II.

А) Составьте библиографическую справку о прошлогодних книжных новинках фантастики — отечественной и переводной. Собранный материал разбейте соответственно на два раздела и расположите в алфавитном порядке; указывайте у книг не только автора и название, но и место издания, издательство, объем, серийность, тираж, а у коллективных сборников — и составителя. (Примерно так, как это делали мы, публикуя в прошлые годы списки новинок НФ на страницах «Уральского следопыта»). Переиздания — в случае стереотипности их содержания — можно не включать: в зачет они не пойдут.

Б) Тем, кого не привлекает работа библиографа, предлагаем составить каталог аппаратов и других приспособлений, позволяющих читать мысли. Кроме «технических данных», просим указывать — по возможности — изобретателя, время, место и цель изобретения, не забы-

вая и о том, кто и в каком произведении об этом изобретении сообщил.

III.

1. Ответьте на один из предложенных ниже вопросов (до 8 очков плюс 2 балла за ответ на конкретную часть):

А) «У них две фазы существования. Фаза гусеницы и фаза бабочки». Из какого произведения взята цитата? Известны ли вам другие НФ формы разумной жизни с двумя и более фазами существования.

Б) «Двадцать пехотинцев, десять вертолетов, два пулеметчика, два врача, две бауки, четыре «джипа». Внизу, в углу: «Компания Морриса по изготовлению игрушек».

В каком произведении фигурирует этот игрушечный набор? Припомните другие НФ игры, а также — чем они иной раз оборачиваются?

2. В развитие любого, на ваш выбор, вопроса тура 1-А сформулируйте свой собственный вопрос поискового плана — и дайте развернутый ответ на него. (До 8 очков).

IV.

Предложите (на отдельном листке) ваши вопросы для новой викторины. Просим иметь при этом в виду, что конкретные вопросы без ссылок на источники мы не принимаем; в крупных произведениях следовало бы указывать и страницу, где находится нужная цитата. По-прежнему надеемся получить новые варианты для тура 1-Б (в расчете на традиционные 24—28 баллов).

Выскажите свои пожелания, замечания и соображения по викторине в целом — ее структуре, срокам, системе оценок, уровню сложности и т. д.

ВНУТРИ ЗЕМЛИ... ЯДЕРНЫЙ РЕАКТОР?

Александр ШАЛИМОВ

Наша Земля — живая планета... Пульс ее недр мы постоянно ощущаем. Он в ритмах очень медленных — «вековых» — поднятий и опусканий земной коры, в росте гор и образовании впадин морей, в извержениях вулканов, в громадном тепловом потоке, непрерывно струящемся из недр, в электромагнитных излучениях глубин, выделении различных газов, в толчках и ударах землетрясений.

Сейсмические станции ежегодно улавливают около миллиона подземных толчков. Если задуматься над их частотой, то приходится признать: планета постоянно испытывает внутри сотрясения различной силы, во время которых выделяется огромная энергия. Упругие сейсмические волны, возникающие на глубине, передают эту энергию на значительные расстояния, донося ее до самой поверхности. На протяжении всей истории цивилизации выплески этой энергии несут людям смерть и разрушения...

Что же она такое — эта энергия? Где, отчего и на каких глубинах возникает? Иными словами — почему происходят землетрясения? Ведь ответив на такой вопрос, можно будет попытаться предсказывать землетрясения, придумать «клапаны безопасности» для разрядки накопившейся в недрах энергии, а когда-нибудь, может быть, даже использовать эту энергию для нужд человека... Впрочем, последнее пока остается на страницах научно-фантастических романов.

О причинах землетрясений знаем не намного больше, чем знал Ломоносов. Все сведения о Земле, ее минералах и горных породах, о ее геологической истории, о процессах, происходивших на Земле в прошлом и происходящих сейчас, собраны геологами на поверхности планеты, либо почерпнуты из сравнительно неглубоких буровых скважин и шахт. В недрах же Земли, начиная с глубины 10—15 километров, очень многое, если не решительно все, предстоит открывать...

Выделить оболочки внутри Земли позволило изучение также землетрясений. Но это самый первый шаг на пути познания «подземного космоса» — взгляд туда «с птичьего полета». Что в действительности происходит в исполинском котле планеты? Какие процессы идут под земной корой, откуда к поверхности поднимается вулканическая лава? Что «вываривается» и движется еще глубже? Что происходит на границе ядра? Предложений высказано немало, но достоверного — ничего. Какова первопричина, создающая напряжения в земной коре и заставляющая ее участки перемещаться по трещинам разломов? Не вызывает сомнений, что в большинстве случаев эта первопричина скрыта в подкоровой зоне, может быть, достаточно глубоко, и вот о ней-то совсем ничего неизвестно. Она — одна из главных тайн «подземного космоса».

Когда я думаю обо всем этом (уже много десятилетий), снова и снова возвращается мысль к одному и тому же... Что, если ядро Земли, сложность строения которого начали нащупывать геофизики, это отрегулированный самой природой на миллиарды лет «спокойного горения» природный термоядерный реактор? Не вырабатывает ли он тепловую, электромагнитную и еще многие виды энергии за счет реакций ядерного синтеза более тяжелых

элементов (может быть, группы железа?) из более легких (например, кремния, кислорода?). Мы еще очень далеки по нынешним техническим возможностям от воспроизведения подобных реакций в наших лабораториях, но ведь возможности природы почти безграничны... И, в конце концов, должны же где-то существовать те природные «лаборатории», в которых рождались (и, может быть, продолжают рождаться) химические элементы, обозначенные Д. И. Менделеевым в его гениальной таблице.

Если при «рождении» Галактики звезды, и в том числе наше Солнце, были «извергнуты» ее ядром, а планеты «рождены» Солнцем, тогда в их недрах тоже могут гореть «ядерные сердца», зажженные материнским светом.

Если все было так, или «почти так», то история нашего «шарика» есть не что иное, как постепенное превращение сгустка солнечной материи в планету, состоящую из нескольких каменных оболочек, внутри которых продолжает свою труднообразимую работу «солнечное вещество».

И тогда геологическая история Земли, со всеми ее установленными и еще не установленными катаклизмами далекого прошлого, развивалась в соответствии с «программой», которую всемогущая Природа заложилась в «котел» солнечной плазмы. Он «управляет» движениями вещества в недрах, магнитным полем Земли, тепловым потоком, непрерывно текущим из глубин к поверхности. Отзвуками его работы являются «протуберанцы» расплавленного вещества и раскаленных газов, проникающие снизу в земную кору. Она поднимается из глубины и может застывать внутри земной коры, образуя массивы гранитов, диоритов и других кристаллических пород, могут достигать поверхности, образуя конусы вулканов или растекаясь потоками жидкой базальтовой лавы. Отзвуки его работы в медленных спокойных колебаниях земной коры и в ударах землетрясений...

Если все именно так, тогда и главный спусковой механизм резких спазмов земной коры, которые мы называем землетрясениями, тоже надо искать на глубине.

Размышления о возможной термоядерности Земли — не более чем попытка прорубить тропу к новой гипотезе. Она полезна и в экологическом отношении... Если ядро нашей планеты действительно заключает в себе нечто подобное реактору, «настроенному» на миллиарды лет спокойного «горения», это означает: человечество создало цивилизацию на... термоядерной бомбе замедленного действия.

Сколь же осторожным оно должно быть теперь в своих необузданных попытках «покорения» природы, в создании все более разрушительного оружия, при испытаниях его... Подземные взрывы мощных термоядерных устройств, не говоря уже о массовом их применении в случае конфликта, могут послужить спусковым механизмом не только для катастрофических землетрясений, но и для «детонации» внутреннего реактора. «Детонация» будет означать вспышку сверхновой на месте нашей планеты... Вероятно, никто из землян даже не успеет заметить своего конца. Все было и... ничего нет... Апокалипсис мгновенного уничтожения планеты с пятиллиардным населением.

Мы, люди конца XX века, можем уже очень многое... Можем, отказавшись от дальнейших вооружений и уничтожив арсеналы термоядерного и прочего оружия, за несколько десятилетий превратить свою планету в прекрасный мир, в котором не будет экологических бедствий, голода и жажды, не будет недоверия, вражды, массовых болезней и страданий. Можем уничтожить себя и свою цивилизацию в экологической катастрофе или в термоядерном огне...

Владимир ГЛОТОВ

ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ

Ответы на письма читателей*

Дорогие друзья! Я опрометчиво посулил ответить на ВСЕ вопросы. Их было задано столько и от таких разных по воззрениям, возрасту, образованию людей, что я не смогу ответить каждому.

Начнем, пожалуй, с вопроса «Откуда наша Вселенная и где наше место в ней!» Прошу прощения у людей, мыслящих оригинально, но не имеющих достаточного образования и доступа к информации. Мне повезло — живу сейчас в Москве, «под рукой» библиотека имени Ленина, центральная медицинская. Поскольку я — биолог, отчасти химик и физик, думаю, что имею право на какие-то суждения в «естествоиспытательском» плане.

Итак. Вселенная (нами обозримая, и не спрашивайте меня о том, что за ее пределами!) родилась в результате взрыва некой «виртуальной» частицы вакуума. Что такое вакуум — объяснить не смогу (см. определение в справочнике по физике), я, его, пожалуй, чувствую — посидите ночью в одиночестве на берегу моря, глядите вдаль — что-то в этом от вакуума есть... Далее. «Вакуум взорвался» — появилась наша расширяющаяся Вселенная, которую ждет неизвестно что — схлопывание или превращение в тот же вакуум. Ну да ладно — главное, родились наши Солнце и Земля, над которой небо не всегда было голубым. Потом появилась жизнь. Мне предпочтительней соображения о том, что жизнь на Земле возникла самостоятельно, на основе самоорганизации аминокислот на поверхности глин, в туманах, на поверхности снежинок и морозных узоров, в пене морской... В силу эволюции: 1. Появление жизни, одноклеточные; 2. Многоклеточные; 3. Рыбы; 4. Амфибии; 5. Пресмыкающиеся; 6. Млекопитающие; обезьяны; 7. Кроманьонец (современный человек).

Конечно, последовательность приблизительная из-за отсутствия точных палеонтологических данных, но учитывая очевидную скорость нарастания эволюционных процессов, можно утверждать, что такое объяс-

нение имеет право на существование, при, разумеется, уточнении временных интервалов. И тогда будет известен тот примерный срок, когда современный человек перейдет в новое качество, пусть даже биотехнологически.

Теперь: мы пыль Вселенной или нет? Нет. Не верю. Хотя категории «Вера, Надежда, Любовь» мне непонятны, но я ими живу. Не хочется объяснять любовь импринтингом, надежду — случайными числами, а веру — наличием Бога. А если дальше, то физиологией, биохимией мозга, функционированием гипофиза, эпифиза и прочих материй, которые мало что могут дать читателю. Мне очень трудно перевести сложнейшие вопросы на литературный язык. Ну, представьте — вы пришли в библиотеку. Вытащили каталожный ящик с надписью «Биохимия мозга» и погружаетесь в... «Спинальные эффекты экзогенного норадреналина» — очень интересно... Но куда деваться? Ведь успехи науки несомненны, да и древние были не дураки — способы управления желаниями, эмоциями известны с древности. И не только с помощью медитации, а знахарок и знахарей (недаром их так не любила религия), с помощью достижений нейрофармакологии. Это мне очень симпатично — не при помощи чьей-то воли, а при помощи моих знаний я могу управлять собой. А что касается йоги, личностей вроде Иванова, столпников, схимников и т. д. — то мне это кажется уничижительным относительно личности. Эти люди переносят функции подкорки в кору мозга и, заставляя исправно функционировать организм и даже управлять биохимией его, физиологией его (сколько «чудес»), теряют самое главное нашего мозга — способность к творчеству. Вы видели йогов-художников? Скульпторов? Поэтов? Я — нет. Элементы йоги в качестве физических упражнений, возможно, полезны, но «нирвана» — это эндогенный наркотизм. (Наш мозг вырабатывает вещества, по действию почти аналогичные морфию. А при тренировке (йога) в больших количествах.) А что касается того, что они и некоторые наши «простые» люди могут питаться энергией Космоса, то это, извините, фантазия. Ни один йог не обойдется без стакана молока, ни один подвижник без корки хлеба — у них просто чрезвычайно экономный обмен веществ. Но в природе это давно известно — многие насекомые (пауки, клопы) могут обходиться без пищи год и более.

Самые злободневные вопросы. Что такое НЛО! Полтергейст! Привидения! Немножко не понял, почему они относятся к моей статье, но кратко попробую ответить.

«Полтергейст», или «шумный дух» в переводе с немецкого... О нем писал еще Пушкин. Загадочное явление. Но есть соображения (не мои). Вкратце. Земля имеет кристаллическую структуру, в углах кристаллов возникают своего рода пьезоэффекты, влияющие на биологические и физические свойства объектов. Это прекрасно знали еще древние лозоискатели — строили дома только там, где уютно себя чувствовали животные, и потому в церквах никогда не было проявлений «полтергейста». Просто строили церкви на безопасных участках.

Привидения... Вспомните рассказ Ефремова о снимке ящера на угольном пласте. Так вот, отдельные ученые полагают, что многие материалы обладают этим фотографическим эффектом, и мы зрим фотографии. А вообще замечено, что привидения появляются там, где их хотят видеть. Мне они как-то не встречались, что меня угнетает.

НЛО... Знаком с уфологией. Был на выставках, посвященных этой теме, беседовал. Согласен с Рубцовым, что подавляющее количество наблюдений НЛО — это артефакты (например, остатки ракет, горение резервного топлива, атмосферные пертурбации и т. д.). Но «НЛО» наблюдали и в древности, когда ракет не было, тысячи людей находятся в розыске и их не могут найти, и уфологи вполне серьезно утверждают, что их похитили экипажи НЛО... Да и много фактов, в том числе радарных, когда наблюдаемый объект не спутается с воздушным зондом и т. д. Потому предлагаю участвовать в проекте, над которым думаю — «Капкан для НЛО». Кодовое название «Росянка». Но он чертовски дорог — титановые сплавы, электроника и т. д. Потому нужны, как сегодня говорится, спонсоры. Мы всё же — хозяева планеты Земля, а не обитатели зоопарка, потому хотелось бы побеседовать с этими титанами. На русском, богатом языке. Но! Я отношусь не переоцениваю наши возможности и способности — шансы невелики, но всё же... Ведь логично, что многие цивилизации прошли дорогу куда более дальнюю, чем мы. Более того, меня преследует кощунственная мысль, что мы, люди, — результат вмешательства в наше развитие неких «высших сил». (Вспомните Снегова). Тому следующие доказательства. На рубеже неандерталец — кроманьонец (несколько поколений) возникли реалии:

1. Волосы на голове, подбородке — прически и ритуалы.
2. Голосовой аппарат — речь, пение.
3. Лобные доли мозга (развитые) — ассоциации, речь, музыка.
4. Обезволивание тела (осо-

* См. «УС» № 4, 1990.

бенно женского) — скульптура, культ красоты тела.

5. Резкое увеличение срока продолжительности жизни — накопление знаний, творческое обучение.

То есть, возможно, 40—50 тысяч лет тому назад мы стали людьми в результате осознанного (а может, и неосознанного) вмешательства извне (это такая распространенная точка зрения...). Но зачем? Что, Бог? Извините, не думаю. Вот я взял муравья на ладонь. (А муравьи очень «умные» насекомые, хотя можно было бы обойтись и без кавычек). Что думает обо мне муравей? Видит ли он меня? Слышит ли? Я могу дать ему капельку меда, а могу на него и наступить. (Если не заметил.) Так чем я для него не Бог? И Бог ли для меня тот, кто развился для меня раньше? Нет, мы — человечество — своими мозгами, руками пропашем тот путь, что отделяет нас от Вечности. Что я имею конкретно в виду? Отвечаю на вопросы — извините, никого не называю поименно, ведь каждый человек, мне написавший — личность, а каждому отвечать не могу, нет сил и времени.

В 1948 году была принята ООН Декларация прав человека. Она у нас не напечатана — понятно почему. Но мне все же хочется дополнить ее следующими пунктами: Человек имеет право на:

1. Здоровье.
2. Общество любимых и приятных ему людей.
3. Жизнь столь долгую, сколь ему угодно.
4. Любую внешность и сенсорику (органы чувств).
5. Любые способности.

Сегодня осуществить эти права невозможно. В будущем — да. Потому мне так близка и понятна идея Н. Ф. Федорова о возвращении к жизни умерших. Но в отличие от него, я не думаю о возвращении к жизни ВСЕХ. Не думаю, что нужно возвращать к жизни абортированных, дебилов и т. д. Пусть каждый возвращается к жизни того, кого любит, а те в свою очередь — своих любимых.

Теперь об очень интересующем читателей вопросе — я живу второй раз, или много-много раз, о переносе информации из вакуума и т. д. Хочу сказать: я не думаю, что вы живете второй раз — жизнь единственна и неповторима, но информация, раз уже заложена, не исчезает, она хранится в памяти Вселенной и может быть воспринята организмом, если камертоны настроены на одну волну. Мы не знаем, возможно ли это у животных и растений, думаю — да. Меня давно мучают уже Дарвин и Лысенко. Столько сломано копий! Судеб! А ведь истина, как всегда, наверное, лежит

посередине. Конечно, генетический наш ряд влияет на нас, но и внешняя наша среда отнюдь не пустяк — она формирует наш «фенотип», а тот в свою очередь — «генотип». И так далее... И еще. Дорогие читатели, наш мозг — страшный выдумщик, он может вполне натурально предоставить вам в ощущениях то, чего нет физически. Наши чувства — это не столько «отражение» реальности, сколько сплав ее и работы мозга. Вот почему и «пошла» наркомания, алкоголизм — знаете, как быстро спаиваются обезьяны, крысы? Они не люди, но и они хотят положительных эмоций. И совсем нет ничего страшного в употреблении листьев коки индейцем, но страшен кокаин. Совсем не страшно употребление сухого вина под хорошей обед (алкоголь — естественный продукт нашего т. н. цикла Кребса, но страшно злоупотребление им). Смешно, но факт, что многие наши кампании (общественные) основаны на дремучей безграмотности. «Да» или «нет». Грустно. Давайте я вам выдам «великую тайну». В Ленинской библиотеке есть книга под названием «Энотерапия» (в переводе — винолечение). Я не пропагандирую алкоголизм. Но при определенных обстоятельствах этиловый спирт является лекарством (см. справочник фармакологии). Любое вещество ядом или лекарством делает доза — известно с древности... Ну, ладно, оставим эту тему.

Другие вопросы... Почему-то многие, развивая свою мысль, считают, что она непогрешима. Увы, это не так. Эволюция науки, знаний продолжается. И то, что вчера считалось истиной, сегодня становится ложью, и наоборот. В свое время Аристотель написал, что у мухи 8 ног. Две тысячи лет этому верили, а потом кто-то пересчитал эти ноги (извините, не помню, кто именно), и оказалось, что их всего 6...

Теперь о знаменитой Ванге, ясновидцах. Моё, наше будущее запрограммировано, мир — театр, мы — актеры и играем кем-то написанную пьесу. Не думаю. Сценаристом является эволюция, и мы непредсказуемы в своих поступках. Давайте подумаем вот над чем. Представим себе время рекой, ручьем. Воткнем в дно палку, бревно. Под палкой вообразим наш поступок, ну, любой факт в данный момент. Поток, обгибая факт, естественно, меняется. Изменение потока можно знать, зная форму «бревна» и физику турбулентности. Почему бы не предположить, что есть люди, умеющие предвидеть формы многих потоков и на основе причинно-следственных связей предсказывать будущее? Многие неосознанно владеют способностями Ванги. Когда

спят. Вещие сны, мгновенная информационная связь, телепатия на самом деле имеют место. Но это объясняется особым физиологическим состоянием мозга во время сна. (И не спрашивайте меня, что это такое!)

А теперь — о самом сложном. **Что есть душа?** Очень интересно! Над этим думали тысячи лет. Ну, придумали библейские заповеди — не укради, не убий, не пожелай жены ближнего своего... Каждый волен думать над этими темами и иметь свою собственную точку зрения. Волен и я. Душа — наша вечная сущность, тело — временная оболочка, которая тем не менее в нашем физическом существовании желанна. «Душа» — это комплекс наших чувств, знаний, привлекательности, воздействия окружающих (воспитания), наших исходных физиологических данных... Это — сумма всей информации, которую мы получаем и излучаем. Но нет души с белыми или черными крылышками. Не убий... Сходите на мясокombинат. Глупо, но факт, вместо того, чтобы тратить сотни миллиардов на «развитие животноводства», достаточно потратить сотни миллионов на развитие биотехнологий, которые уже сегодня могут снабдить человека превосходным мясом и др. продуктами, сделанными из белков сои, морепродуктов. Страшно же ведь смотреть на газетный снимок — где девочка Маша держит на руках любимого поросенка Дашу, а потом спокойно ест колбасу из нее. Черт побери, почему мы стали колбасной державой? Я ее не ем. Не убий... Садиста, насильника. Всю историю человечество только тем и занималось, что убивало само себя. Несмотря на библейские заповеди. Во многих странах сегодня отменена смертная казнь. Не у нас. Я бы предложил не убивать, но сослать пожизненно на один из северных островов, снабжая хлебом, углем и рыболовными принадлежностями. Черт побери, ну почему в нашей широкой литературе не публикуются научные данные о людях, предрасположенных к убийству и насилиям? Миллионы олигофренов, рождения которых нельзя допускать — иначе деградация человечества. Ну это — отдельная тема. Не укради... А я украду, если нужно будет спасти от голода и холода человека. В «Правде» я читал, как один из «домушников» первым делом заглядывал в холодильник. Если там были деликатесы, то он спокойно грабил квартиру, а если там было то, что у большинства из нас, то он закрывал за собою дверь. Нет, я не призываю к «Робингудству», я просто думаю о том, как наше общество (не только в СССР) странно устроено. Не пожелай жены

Путешествие на Канопус

К стр. 3-й цветной вклейки-обложки

ближнего... А дальнего — можно? Любовь есть любовь. Наша социальная история выдумала столько законов и «подзаконных актов», что не было куда деться Ромео и Джульетте.

И — самые печальные письма... В отчаянной надежде вернуть своих близких (сына, мужа) пишут женщины, которым я безмерно сочувствую. Но как ответить? Что сказать? Милые мои, я отнюдь не всемогущ, и могу вам дать лишь надежду, что вы встретитесь с ними в будущем. Только надо, чтобы вы были в этом будущем. Чтобы силой любви и науки вернуть их. Всё. Плачу вместе с вами.

А теперь — последняя группа писем — от молодых и старых, согласных на «второе рождение». Что нужно делать? Предлагается следующая схема. Создается инициативная группа. Идея пропагандируется, только надо много шума, сдвиги и митингов. Смешно будет. Сначала в Союзе, в зоне вечной мерзлоты, потом в США (Аляска) и в северной Канаде создается три миниатюрных, охраняемых криобанка, в которых по разработанным автором несложным методикам будут храниться 6 капель крови из пальца (а это тысячи лейкоцитов — клеток, содержащих нашу полную генетическую информацию). В одном кубическом метре криобанка может храниться генная информация до 100000 человек. Но, конечно, расходы, пусть и не очень большие, все же нужны. Для реактивов, термосов для перевозки, поездки сотрудников и т. д.

Методики могут быть опубликованы, если журнал сочтет это нужным. Или разосланы. Но для последнего нужен будет ксерокс. В «Ленинке» он есть, но деньги, и очередь, очередь...

И — последнее. Я не создаю что-то вроде новой веры. Те, кто веруют в Кришну, Аллаха, Иисуса и т. д. — блаженны. Но все же, даже если боги есть, — ЧЕЛОВЕК, помоги БОГАМ! Так ты поможешь самому себе...

ПОЗДРАВЛЯЕМ И ЖДЕМ!

Похоже, друзья, что плотина — наконец-то, прорвана!

Первым о регистрации своего НФ журнала нам сообщил, позвонив в конце ноября, Андрей Согрин из Ленинграда.

«Измерение Ф», сказал он, будет отныне выходить раз в два месяца, иметь объем 8 печатных листов, предельный тираж — 100 тысяч экземпляров.

Появление первенца А. Согрин планировал к Новому году.

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ! ЕСЛИ ВЫ МЕЧТАЕТЕ УСЛЫШАТЬ МУЗЫКУ СВЕРХСКОРОСТЕЙ И ОЩУТИТЬ ЛЕДЯНШЕЕ ДЫХАНИЕ НЕВЕДОМЫХ ОПАСНОСТЕЙ — ИСПОЛЬЗУЙТЕ СВОИ ШАНСЫ: ИСПЫТАЙТЕ СЕБЯ В НЕЛЕГКОМ РЕМЕСЛЕ КОСМИЧЕСКОГО ПИЛОТА! К ДАЛЕКОМУ КАНОПУСУ УПРАВЛЯЕТСЯ НАШ ЗВЕЗДОЛЕТ — СПЕШИТЕ ЖЕ ЗАНЯТЬ МЕСТО В ЕГО РУБКЕ!

А ЧТОБЫ НЕ ПРОКЛАДЫВАТЬ ПУТЬ ВСЛЕПУЮ — ОЗНАКОМЬТЕСЬ С ПРИВОДИМОМИ НИЖЕ ПУТЕВЫМИ ЗАМЕТКАМИ КОСМИЧЕСКОГО ЛОЦМАНА...

«Стартуя с Земли, разгоните корабль как следует, ибо так вы получите больше возможностей для маневра при встрече с космической мелюзой, чьи мерзкие шупальца подстерегают вас в пункте 9. Если же миновать ее с ходу не удастся и звездолет будет отброшен в п. 5 — попытайтесь вновь проскочить мимо страшного хищника, появление коего обычно предвещает пересечение вашего курса с траекторией метеорных потоков...»

Поздравляю с удачей! Но будьте внимательны — вот и метеорный рой... Сумеете пристроиться к нему в кильватер? Заметно продвинетесь вперед — из п. 12 в п. 18! В противном случае в п. 14 вы можете столкнуться с убийственным излучением голубого карлика. Смертоносные лучи проникают сквозь любую защиту, и вам придется, чтобы избежать гибели, спрятаться за метеорным потоком, вернувшись в п. 11.

Если и это испытание позади, продолжайте движение, не расслабляясь: прямо по курсу — Отравленная Планета. Не промчитесь мимо на скорости — придется задержаться в п. 19, на орбите планеты, чтобы оценить обстановку. Ничего страшного... но помните: в космосе время — жизнь!

Вот теперь можно и расслабиться, однако не лучше ли проверить исправность корабельного вооружения? Поверьте мне, оно вам пригодится! Но — стоп... Видите ярчайшую вспышку? Любопытнейшее явление: взрыв сверхновой! Берите управление кораблем в свои руки, компьютер вряд ли заменит человеческую интуицию. Внимание... В п. 32 взрывная волна выведет из строя ходовую часть, и вы изрядно провозитесь с ремонтом двигателей. Но если повезет и вы прорветесь в п. 33 — гребень волны вынесет вас на космические просторы в п. 47. Не повезло?.. Удвойте бдительность, чтобы не заблудиться в Желтой Туманности: в п. 39 трассу пересекает огромная блуждающая комета. Хвостатая проказница способна увлечь вас за собою обратно к Земле, к исходной точке путешествия — и пеняйте тогда сами на себя!

Избежали встречи с кометой? О'кей, продолжим... Приторможите чуток, в п. 41 вас поджидает крупная удача: поток космических частиц, подхватив, вынесет вас — ни много ни мало — в п. 82! Благодарите космический ветер! Но — слышите? По обшивке заскрежетали ороговевшие конечности... Зеленый Хищник, ужас беззвездных глубин! Бейте по нему из всех орудий, коллег! И, потрепав немного, он все же отпустит звездолет и уберется в мрачное свое логово. Что ж, надевайте скафандр, придется прогуляться за борт: посмотреть, что там с обшивкой...

В случае, если вы, дружище, проморгал космический ветер, надлежит, не расстраиваясь, двинуться дальше. Долгое время вас ничто не потревожит, но в п. 53 — опасайтесь Черного Пожирателя!

Встреча с этим непонятным созданием не доставит вам радости: оно отбросит вас в п. 26, что, согласитесь, никак не входит в ваши планы.

Пронесло?.. Чудесно. На экране одна за другой меркнут звезды — заметили? Вы — в Черной Дыре! Доверьтесь неизученной природе этого пространственно-временного образования: провалившись в царство тьмы, вы почти тотчас вновь увидите звезды — но уже совсем не те, что в п. 57! Черная Дыра значительно сократит ваш путь: вы — в п. 66!

Однако же не мешкайте! В п. 67 ваши антенны уловят вопль о помощи, исходящий с Отравленной Планеты, давно оставшейся позади. Это коварные ящеры, населяющие ее, заманивают простак в свои владения, прикидываясь гибнущей цивилизацией. Их зов разрушает компьютеры звездолетов; мне искренне жаль вас, но вышедший из повиновения электронный мозг непременно вернет ваш корабль в п. 19 — на орбиту Отравленной Планеты. Там вы, разумеется, поддаете электронике... потратив немало времени — ценнейшего из сокровищ!..

Увернувшись (с первого же, будем надеяться, захода!) от позывных веролюдных рептилий, вы некоторое время будете путешествовать без каких-либо приключений. Но, ради Великого Космоса, постарайтесь не проспать в п. 32 момент нападения Зеленого Хищника. И не слишком-то полагайтесь на ваш художественно подлеченный компьютер!

Предположим, все обошлось. В п. 87 и 88 вас может захватить врасплох притяжение огромной безымянной планеты с метановой атмосферой. Бр-р-р, что может быть хуже метана, особенно когда его слишком много... Но если вы из взвунчиков и одолеете гравиподе гиганта — внимательно следите за расходом топлива. Оно на исходе! Придется из п. 91 вернуться в п. 74, чтобы пополнить баки на заправочной космостанции. На вашем месте я бы не увлеклся дегустиацией хмельных коктейлей в компании Одинокого Заправщика, а продолжил бы путешествие без передышки, одновременно готовя — на всякий случай! — аннигиляционную установку. Зачем?.. Да затем, юный мой друг, что, уже миновав все перечисленные выше напасти, в п. 93 вы наверняка подвергнетесь нападению кораблей причудливой формы, без опознавательных знаков. Они с непонятным постоянством появляются именно там, на дальних подходах к Канопусу. В диалог не вступают, с применением гравипушек и чего прочего — не медлят... Смелее, коллега, аннигилируйте их!.. Порядок?

Ну что ж, добро пожаловать в систему Канопуса...»

ОТ РЕДАКЦИИ. НАДЕЕМСЯ, ЧТО РЕКОМЕНДАЦИИ КОСМИЧЕСКОГО ЛОЦМАНА СОСЛУЖАТ ВАМ ДОБРУЮ СЛУЖБУ. НАДЕЕМСЯ ТАКЖЕ, ЧТО ВЫ ЛЕГКО ДОГАДАЕТЕСЬ О ЗНАЧЕНИИ КРУЖКОВ, ОКРАШЕННЫХ В КРАСНЫЙ И ЗЕЛЕНый ЦВЕТ. ЧТО ЖЕ ДО ЧЕРНЫХ... ПОПАВ НА НИХ, ВЫ ПРОПУСКАЕТЕ ХОД — ЭТО, К СОЖАЛЕНИЮ, НЕ СЛИШКОМ ЧЕТКО ЯВСТВУЕТ ИЗ ЧЕРЕСЧУР. ПОЖАЛУЙ, ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ ПОУЧЕНИЙ СЛОВООХОТЛИВОГО ЗВЕЗДОЛЕТЧИКА, ПРЕДСТАВЛЕННЫХ В РЕДАКЦИЮ СВЕРДЛОВЧАНАМИ Д. И. Н. КОСТЕКАТСКИМИ. (КСТАТИ, ЧЕРНЫМ ЖЕ ДОЛЖЕН БЫТЬ И П. 82: ПОЖАЛУЙСТА, ИСПРАВЬТЕ ЭТУ ДОСАДНУЮ НЕТОЧНОСТЬ, ЗАШТРИХОВАВ ЕГО).

УДАЧИ ВАМ, ДРУЗЬЯ, И ПОПУТНОГО КОСМИЧЕСКОГО ВЕТРА!

КАМАРАДА ВАЛЬТЕР

Алексей ЧЕЧУЛИН, журналист

18 июля 1936 года в Испании вспыхнула фашистский мятеж. Честные люди мира поднялись на ее защиту. На стороне республиканцев сражалось 35 тысяч воинов-интернационалистов из 54 стран. Среди них были Мате Залка, Пальмиро Тольятти, Ганс Баймлер, Кароль Сверчевский, Велемир Чопич, Роберт Томпсон и другие бойцы и командиры интернациональных бригад. Был там и человек, встречей с которым осчастливила меня судьба в старинном уральском городе Кушве.

ПАССАЖИР ЛАЙНЕРА «БРЕТАНЬ»

В семидесятых годах в издательстве «Литесма» вышла книга «Борцы Латвии в Испании». Один из авторов пишет: «28 августа (1937 года.—авт.) в Ленинграде мы погрузились на французский лайнер «Бретань», который взял курс на Гавр. Официально мы туристы, выехавшие в Париж на Всемирную выставку. Я ехал вместе с Фрицем Вальтером из Чехословакии. На судне было еще примерно десять таких «туристов», как мы».

Здесь одна неточность. Фриц Вальтер не имел никаких отношения к Чехословакии. Просто у него был паспорт гражданина этой страны. На самом деле все обстояло гораздо сложнее.

В 1915 году он, Фридрих Вальтер, сын немецкого рабочего из венгерского местечка Бач Сен Иван (теперь югославский город Пригревица святого Ивана), был призван в 30-й гвардейский пехотный полк армии Франца-Иосифа вместе со своим отцом Иоганном, который попал в соседнюю часть. Шла первая мировая война, и настоящие немцы, как внушали солдатам полковые фельдкураты, должны были защищать императорскую семью от русских варваров-казачков.

Фридрих был смелым солдатом, он не раз ходил в атаку. Свидетельство тому — штыковая рана под сердцем и простреленное плечо, с которым он попал в плен. Эшелон с военнопленными побывал в Киеве, Ташкенте, Ново-николаевске, Томске. Наконец прибыл в Самару. Здесь и застала Фридриха Вальтера Октябрьская революция.

Он не хотел стоять в стороне от борьбы. Чем мог, помогал красным, тем более, что молодая жена его, Натенька, была кровно связана с теми, кто устанавливал Советскую власть.

После гражданской войны Фридрих остался в России, работал столяром, был на профсоюзной работе. В 1928 году вступил в партию, а через три года был избран депутатом Московского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, мандат № 1437, и членом фракции ВКП(б) Моссовета, мандат № 889. Оба документа выписаны на имя Федора Вальтера. Вскоре он стал студентом инженерно-строительного института, а затем и дипломированным специалистом.

В 1936 году Вальтер получил назначение в отдел международных связей Наркомтяжпрома, было учтено знание им, помимо русского, четырех языков: немецкого, болгарского, румынского, венгерского. Но проработал в наркомате недолго — в числе первых подал заявление об отправке в борющуюся Испанию.

И вот теперь гражданин Советского Союза Федор Вальтер стоит на палубе океанского лайнера, вглядываясь в бесконечное море, стараясь угадать будущее.

НО ПАСАРАН!

8 сентября из пограничного французского городка Перпиньяна спанец-проводник увел добровольцев через горы. Вскоре они были в Альбасете, где располагался штаб интернациональных бригад.

Вальтер, Вецгайлис и Ратник получили обмундирование и звания офицеров республиканской армии. Федор стал тенiente — лейтенантом. Кое-кого из добровольцев сразу отправили на фронт, а Вальтера и Ратника послали во вновь организованную школу саперов — учить бойцов.

Сначала преградой был язык, но вскоре инструкторы бойко говорили на испанском, а испанцы уверенно коверкали русские слова. За октябрь-декабрь саперная школа сделала, как и требовал фронт, два выпуска — около 150 человек.

В январе 1938 года положение усложнилось, франккисы нажимали, и саперная школа в полном составе, включая инструкторов, запросилась на передовые позиции. Так Вальтер попал на Арагонский фронт в качестве командира саперного батальона, существовавшего только на бумаге. Пришлось и формировать батальон, и под огнем противника укреплять боевой участок вдоль реки Эбро. Фронт здесь считался наиболее тяжелым: горы, никакой растительности, а важность — стратегическая!

Только укрепили свой участок — батальон направили на соседний, где ожидалось крупное наступление мятежников.

«На Эбро итало-германская авиация впервые применила бомбометание с пикирования и использовала бомбы крупного калибра», — вспоминал позже командующий пятым корпусом республиканской армии Энрике Листер.

Во время одного из налетов лейтенант Вальтер получил тяжелую контузию, следствием которой был полный паралич правой части тела. Один госпиталь, другой... Он понял, что надолго выбыл из строя, когда офицер из военного министерства вручил ему документ на испанском языке:

«Удостоверяется, что Фриц Вальтер, участвовавший в качестве тенiente в освободительной кампании в составе 13-й бригады, сражался в войсках Республики и признан небоеспособным по состоянию здоровья».

Тенiente Вальтер эвакуируется согласно заключению главного санитарного инспектора сухопутной армии и имеет право на пенсию по предъявлению этого документа.

Настоящим удостоверением Республика выражает благодарность тенiente за его участие в освободительной войне испанского народа.

Барселона. 2 июля 1938 года».

ОТ БАРСЕЛОНЫ ДО КУШВЫ

Камаарада Федор Вальтер на костылях прибыл в Париж. Здесь товарищи из советского полпредства, снабдив его документами, помогли устроиться на советский пароход «Смидович», уехавший в Ленинград. Это было уже в ноябре 1938 года.

В Москве Вальтер лечился год, затем работал по специальности. Но внезапно в жизнь ворвалась война — на этот раз с германским фашизмом. На фронт попасть Вальтеру не довелось, бдительные военные чиновники усмотрели в нем прежде всего немца, а не бойца-интернационалиста.

Переселив обиду, Федор Иванович трудился на оборону. Он по праву заслужил медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.»

А жизнь складывалась сурово. Казахстан, Сибирь, Урал...

Уже в Кушве, старый и больной, он получил еще одну награду, в удостоверении к которой сказано: «Вальтер Федор Иванович награждается памятной медалью Советского комитета ветеранов войны «Участнику национально-революционной войны в Испании 1936—1939 гг.»

г. Кушва

Н и мне, ни сыну Сергею, ни дочери Ольге (они теперь у меня тоже биологи и тоже художники) не забыть два лета — 1983 и 1984 годов. Совсем небольшой колючек под Новосибирском, в нем — простецкий навес от дождя, у края — сооружения нашей конструкции для насекомых. Все это обнесено аккуратной оградкой, на столбиках которой ярко натрафаречено: «Не входить, пчелы!» К югу от пчелопитомника — так мы его назвали — большое поле, пестреющее густыми кистями цветов: белыми, желтыми, голубыми, лиловыми. Это — люцерна. К востоку — массив цветущего эспарцета: ярко-розовые волны уходящего в далекое море сказочного моря. Над полями порхают бабочки, гудит и звенит множество шмелей и пчел — серых, рыжих, продолговатых, почти круглых, больших и совсем — с муравья — крохотных.

Жарит полуденное солнце. Высоко в небе на недвижных крыльях парит широкими кругами канюк. Над полями плывут невидимыми, но приторно-густыми облаками ароматы цветущих растений. В знойных травах стрекочут неумолчные кузнечики. А мы втроем, вооружившись фотоаппаратами, «охотимся» каждый за своим сюжетом — очень нужным для дела и в то же время захватывающе интересным.

Я, например, стою на коленях на луговинке, что внут-

Ключ от цветка люцерны

Виктор ГРЕБЕННИКОВ

Рисунок автора

ри колка, и, нацелившись видоискателем на лист земляники, терпеливо жду. Листик не простой: кто-то с краю вырезал очень аккуратные и одинаковые овалы и один кружочек поменьше — тоже очень правильный. Наконец в поле зрения появилась серая пчелка, села на лист, нашла еще не тронутое место и, быстро-быстро работая жвалами, выстригает из листика овал. Я хорошо вижу, как, задрав конец брюшка, пчелка ведет им по внутренней поверхности вырезки: это чтоб не нарушить размер. Быстро взводя затвор, щелкаю кадр за кадром.

Секунд через восемь работа закончена: овальчик вырезан, насекомое, держащее его всеми шестью лапками, падает вниз — я едва успеваю нажать затвор. Тут же пчелка взмывает вверх и летит в сторону наших устройств, красящихся за леском.

Здесь — Сергей, тоже с фотоаппаратом. Он навел его на концы бумажных трубок — великое множество их упаковано нами в круглые обоймы, которые вложены в большие треугольные навесы. Здесь — гудение и толчея: сотни таких же пчелок то вылетают из трубок и уносятся вдаль, то затаскивают в них зеленые овальчики и кружки, то влезают в леток без листа, но с необычным грузом на брюшке: весь низ его облеплен желтой, белой,

а то и лиловой цветочной пылью. Проверив что-то в глубине трубки, пчела выползает, разворачивается и снова исчезает в тоннеле — уже брюшком вперед. Через четверть минуты низ брюшка чист, и неутомимая труженица снова уносится вдаль... Эти интереснейшие картины Сергей также едва успевает запечатлеть на фотопленке.

У Оли работа сегодня потруднее. Нужно хорошо отнять моменты работы пчел-листорезов на цветках люцерны, когда они собирают на них пыльцу — корм для своих личинок. Пчелка на каждом цветке задерживается лишь какие-то секунды: сядет, подастся вперед, и тут вдруг происходит нечто вроде взрыва: цветочек, как-то резко извернувшись и изменив форму, выстреливает маленьким облачком пыльцы; насекомому, однако ж, это явно нравится, и оно летит к другой люцерновой кисти с еще не тронутыми цветками...

Пчелки этого вида называются по-латыни мегахиле ротундата. Это отдаленные родственники медоносной пчелы. Вообще, семейство мегахиле большое: тут и пчелы-листорезы множества видов, пчелы-шерстобиты, пчелы-смолевщицы... Есть мегахилы очень крупные: однажды мы «воспитали» большую колонию почти двухсантиметровых пчел-листорезов вида мегахиле бомбицина специально для наблюдений их поведения во время солнечного затмения 1981 года — это небесное событие их так потрясло, что они его помнили по меньшей мере сутки. Гнездились они у нас в чурбачках, вдоль которых были насервлены сотни тоннелей 9-миллиметровой ширины; «пчелоград» этот занимал всю южную стенку полевого домика в микрозаказнике под Новосибирском.

Вообще, мегахилы выбирают для гнезд готовые полости такого диаметра, какой нужен для данного их вида. В природе это — ходы жуков-древогрызов, норки дождевых червей, полые стебли растений. Есть в Сибири вид мегахил, гнездящийся на огородах внутри цветочных стеблей лука. Найдя подходящую полость, самка мегахилы делает в дальнем ее конце ячейку, склеенную из нескольких овальных кусочков листьев, вырезанных ею из различных растений и доставленных в гнездо. Получается дивно сработанный зеленый упругий стаканчик. Затем летит к цветкам, богатым пылью, — сложноцветным, крупным бобовым — и загружает цветком специальную «широкозахватную» щетку, закрывающую весь низ брюшка. Вспомним: медоносные пчелы и шмели несут пыльцу только на «корзиночках» задних ног.

В зеленой ячейке мегахила быстро освобождается от лишнего груза, летит за следующей порцией, и через час — другой ячейка заполнена душистым цветком. Тогда пчела откладывает на поверхность этого медвяного «хлеба» яйцо и вновь улетает к тому растению, где резала зеленые «блоки». Но выстригает уже не овал, а круг, как раз по горловине зеленого стаканчика. Он входит сюда, как влитой; пчелка поддавливает его головой, чтобы диск слегка прогнулся, тщательно приминает края и летит за следующим. Плотнейшая вогнутая крышка из нескольких кружков, наглухо закрывая, служит основанием для выпуклого доннышка следующей зеленой колумбелы...

Строительство гнезда в трубке, в зависимости от ее длины, наличия растений-пыльценосов, погоды, занимает несколько дней. Завершается оно устройством многослойной, иногда в несколько десятков круглых дисков, зеленой же «пробки», наглухо закрывающей леток.

К концу лета родительницы гибнут, зато вышедшие из яиц личинки поедают медвяные хлебцы, ткнут овальные шелковые коконы и превращаются в куколок — будущих молодых пчел, которые повторяют все это на следующий год.

Почему мы сейчас работаем здесь с мегахилками этого столь некрупного вида — чуть больше комнатной мухи? А вот почему. Они охотно посещают (если поблизости нет других растений) цветки люцерны, которая очень нужна и как питательный высокобелковый корм скоту, и как естественное удобрение — корни ее богаты азотом. Но

для новых посевов люцерны не хватает семян, они очень и очень дороги. Причина этому одна: люцерна — столь энтомофильное («насекомолубивое») растение, что без насекомых-опылителей семян и не дает вовсе. Количество же опылителей в природе катастрофически быстро снизилось под натиском хозяйственной деятельности, и природа не в состоянии обеспечивать ими все растущие площади семенных посевов люцерны.

Для медоносной же пчелы — вроде бы универсально-го опылителя полей и садов — цветочек люцерны, похожий на безобидный горошек, хранит весьма неприятный сюрприз. Неопытная молодая пчела, впервые пытаясь достать нектар из его глубины, раздвигает лепестки, не подозревая, что как будто безопасная тычиночная колонка, спрятанная в «лодочке» цветка, сейчас неожиданно соскочит со специальных защепок и со страшной силой, снизу, ударит своим концом ничего не подозревающую бедолагу в подбородок, да так, что та, перекувыркнувшись в воздухе несколько раз, будет отброшена далеко от цветка.

Говоря «со страшной силой» — я не преувеличиваю. Ученые измерили тургор — давление сока внутри напряженной тычиночной колонки люцерны — и он оказался равным 28—32 атмосферам. Для сравнения: автомобильная шина накачивается до 2,5—3 атмосфер, то есть в 10 раз слабее люцерновой колонки. Если осторожно сорвать молодой цветочек люцерны, взяв его пальцами за чашечку, а другой рукой ввести в глубь его былинку или проволочку — произойдет вскрытие цветка, ощутимо вздрогнут пальцы держащей его руки, выгнувшаяся колонка сильно изменит форму цветочка, а если это делать против солнца на темном фоне, то вспыхнет желтое облачко пыльцы — словно выстрелила маленькая пушечка.

После такого не всякую медоносную пчелу заманишь на люцерну. Правда, те из них, кто похитрее, изловчатся достать нектар из щели сбоку лепестков, не производя вскрытия цветка. Но опыления его, то есть оплодотворения, при этом не происходит: через несколько дней не вскрытый цветок вянет и опадает пустоцветом, не произведя ни единого зернышка, хотя и отдав исхитрившимся пчелам весь свой нектар.

А вот мегахилам тот нектар ни к чему. Им нужна пыльца — на корм личинкам. Мегахила смело, «грудью», вторгается в недра люцернового цветка, по-хозяйски в нужном порядке раздвигая детали цветочка «биологического замка» люцернового цветочка. И происходит чудо. Тычиночная колонка высвобождается из лодочки, но не ударяет насекомое, а быстро, аккуратно, но с силой «проезжает» по всему низу мегахильего тела; влажное рыльце пестика, находящееся между тычинками, но при освобождении колонки продвигающееся впереди их, счищает с тела пчелы те пыльцевые зерна, которые налипли на нее раньше на другом кусте люцерны. Тычинки же вскрытого цветка отдают свою пыльцу брюшной щетке мегахилы, которая продельывает всю эту работу с видимым удовольствием и тщательностью. Труженица улетела на другой куст люцерны, а изогнувшаяся теперь колонка с силой прижалась к самому большому лепестку цветка — парусу, отогнув его назад, и в крохотной влажной камере, образовавшейся между парусом и вогнутым рыльцем пестика, уже начался следующий процесс оплодотворения — рост пыльцевых зерен.

За короткое время они прорастают до самого основания колонки, где их в специальном нежном футляре, наподобие сосисочной шкурки, уже ждут семечки: круглые зеленые зачатки зерен. Перекрестное опыление произведено, зернышки начинают быстро наливаясь, вскоре делаясь похожими на мельчайшие фасолинки. К осени они совсем созревают, скошенную люцерну обмолаотят, и посевной материал — семена, похожие на мелкий золотой песок, — готов.

«Стреляющий» люцерновый цветок разового действия — это ли не чудо эволюции?

Основные же опылители люцерны — несколько видов

гнездящихся в земле диких одиночных пчел, наши старые знакомые — шмели, ну а теперь вот — мегахилы. И почему люцерна не доверила опыление своих цветков медоносным пчелам, коварно их «нокаутируя», — еще одна из множества загадок эволюции, миллионы лет подгонявшей люцерновый хитрый цветочек к пчелам лишь определенных видов, а пчел этих, с их «щетками», повадками, гнездами — к люцерне...

Разведение люцерновых пчел-листорезов вида мегахиле ротундата, о котором речь, начато в нашей стране совсем недавно. Вообще, с ней получилась очень интересная история, противоположная той, когда безобидное животное, завезенное в другую страну, становилось там вредителем — кролики в Австралии, колорадский жук в Европе... Этот вид листорезов обитает в Евразии, в том числе в нашей стране, ничем не выделяясь среди сестер по семейству. В тридцатые годы, будучи случайно завезенной в Америку с какими-то товарами, пчелка неожиданно быстро там размножилась, заселяя дырочки, щели, замочные скважины... Фермеры, обнаружив, что она отлично опыляет люцерну, предложили ей в качестве «квартир» поначалу пучки... соломок для коктейля. Сплошное их заселение — новая полезнейшая привычка, по-научному колониальность — почему-то появилась у этого вида пчел только там, за океаном... Это заставило тамошних исследователей искать более технологическое решение «квартирного вопроса» для листорезов. Быстро родилась совершенно новая отрасль бисиндустрии с многомиллионным бюджетом.

И сейчас мегахил разводят в деревянных или пенопластовых пластинах с желобками. Сложенные, они образуют гнездовые каналы глубиной около дециметра, используются несколько лет. Именно такие «ульи» канадского типа применяют теперь на люцерновых пчелофермах, которые выстроены и работают в Краснодарском крае, Чувашии, Чечено-Ингушетии, Киргизии, Николаевской и Саратовской областях. И, конечно же, в Омской — в ней ведь, если помните*, впервые в Сибири успешно началась разведение диких насекомых — опылителей клевера и люцерны.

В общем, произошло редкое в сельскохозяйственной биологии событие: потомки наших евразийских мегахил, сбредя за морями-океанами стойкий инстинкт колониальности (раньше они избегали селиться «кучно»), вернулись на свою прародину полезнейшими труженицами.

И все-таки мы под Новосибирском, испробовав канадскую технологию и убедившись на деле в том, что она дорога, громоздка, ненадежна, требует строительства специальных цехов, сотен кубов леса для желобчатых дощечек, используемых от силы два-три года, — пошли по другому пути, который, дав отличные результаты, оказался доступным не только энтомологам и агрономам, но просто любителям природы и юннатам. Тем более, что развитие мегахил, их поведение, устройство гнезд, работа на цветках — все это хорошо наблюдается и настолько своеобразно, что лучшего курса экологического воспитания и не придумаешь.

Вы спросите еще: а как эти пчелки насчет ужалений? Спешу успокоить: это в семье медоносных пчел защитницы гнезда — рабочие особи — не жалеют своей жизни, чтобы прогнать врага, оставляя в его теле зазубренные жала с мешочком для яда и некоторыми внутренностями. Основположница рода «царица» (самка) — глубоко в улье, наружу не вылетает. А мегахилы, живущие не семьей, а поодиночке, такой «роскоши» допустить не могут: у них нет трех каст, как у медоносной (царица, рабочие, трутни), лишь две: самки и самцы. Каждая самочка, строя гнездо, должна беречь себя ради продолжения потомства. Потому жало применяют они в крайнем-прекрайнем случае — лишь будучи схваченными. Да и жалце у них тон-

кое, гладкое, без зубцов и яда. Работа в мегахилем рсе совершенно безопасна, следует лишь либо раздеться до пояса, либо не заправлять рубашку в брюки, чтобы попавшая за шиворот пчелка, перепугавшись, не уколола бы вас, а выпала бы наружу.

Начать же надо вот с чего. Через отдел семеноводства трав или на ближайшей люцерновой пчелоферме добудьте для начала немного, хотя бы пару стаканов, коконов люцерновых мегахил. Положите их в холодильник до лета, иногда перемешивая: чтобы не заплесневели. С другой стороны, полная сухость им тоже противопоказана.

Тем временем наделайте пчелкам трубочатых жилищ из... обычных газет — да-да, вскоре вы узнаете, в чем их преимущество перед чистой бумагой. Из газеты со вкладышем выходит сразу полсотни заготовок. За день один человек склеивает не менее тысячи мегахильных квартир. А каждая из них заменяет по длине два тоннеля «канадских» ульев — много легче и компактней.

Наш же улей другой — круглый. Пучок трубок туго удерживается двумя обручами из окантовочной жести. Диаметр ульев — по вашим возможностям, но лучше, чтобы ульи были одинаковыми. Наши имели в поперечнике с четверть метра и вмещали по тысяче двести трубок. Тыльный торец улья плотно заклеим несколькими слоями бумаги — здесь годится обойный клей или мучной клейстер. А трубки лучше заготовлять разных длин, например — по 19, 20 и 21 сантиметру, чтобы в летковом «фасадном» торце улья они выступали на разную длину, что очень облегчает мегахилам ориентировку, экономит их силы и время. Сильно помогают этому и... газетные шрифты. Наблюдаясь, и кажется, что в поисках своего летка прилетевшая с листиком пчелка читает буквы... Впрочем, почему «кажется»? Это ведь так и есть!

Для этой же цели укрытия следует выкрасить в яркие цвета, крыши же их сделать достаточно высокими, заметными над полем за полкилометра. Наши были красными, с желтыми, белыми, голубыми знаками, полосками, надписями — и пчелкам видно издали, и поле с пчелами стало красивее и культурней.

Кроме многократной экономии летковой площади по сравнению с ульями, имеющими разнесенные желобчатые каналы вместительности (в трубочке мегахила помещает два десятка ячеек, в желобчатом коротком канале — вдвое меньше), чрезвычайной легкости и многих других удобств, у наших бумажных многотрубочатых ульев обнаружилось еще одно, неожиданное преимущество — защитное физическое поле, резко усиливающееся по мере строительства ячеек мегахилами. Напротив такого улья с несколькими сотнями заселенных трубок оно хорошо ощутимо, ладонью, языком, лицом, нередко со значительного расстояния, особенно в туманную погоду. Об этой своей находке, несомненно, самой замечательной из тех, которыми одарили меня мои друзья-насекомые, — я уже писал в очерке «Чудеса в решете» («Уральский следопыт» № 12 за 1987 год).

Так вот, это силовое поле отпугивает мелких паразитов от улья (надо сказать, у листорезов их множество), на самих же пчел действует стимулирующе, ободряюще: они здесь куда активней, а постройку гнезд и, следовательно, опыление растений завершают на 2—3 недели раньше, чем в желобчатых ульях, где эти поля едва выражены. Благодаря новинке почти все наши трубки — 94% — были запечатаны пчелами уже к началу августа, в то время как рядом, у «канадских пластин», мегахилки копались почти до сентября.

За 20 дней до планируемого вами массового вылета мегахил ячейки рассыпьте в плоские ящики с картонным или фанерным дном. Трех-четырёхсантиметровый слой коконов лежит в них между двух широких кусков марли. Это — тоже наше «рацпредложение»: вышедшие мегахилы не могут найти дорогу назад (есть у них не очень хорошая привычка устраивать ячейки в старых коконах). Крышку коробки поднимаем на гвоздях на пару санти-

* Можно сослаться на статью В. Полякова в «Уральском следопыте» № 3 за 1977 г. или статью В. Гребенникова в «Уральском следопыте» прошлых лет.

метров. Все коробки ставим в очень теплое помещение с температурой плюс тридцать-тридцать пять градусов, поддерживая ее, скажем, электрокамино. Для поддержания высокой влажности повсюду развешиваем мокрые тряпки.

Первыми выходят самцы — голубоглазые пчелки, более длинноусые, чем самки, и без брюшной щетки. Это значит: коробки закрыть и перенести на поле, где уже установлены укрытия с нашими «многоствольными» ульями. Укрытия эти, получается, имеют в сечении форму равно-стороннего треугольника, туго вмещающего 3, 6 или 10 ульев (а в небольших опытах — один). Ульевая часть укрытия защита фанерой, покрашена, бока — затянута пленкой, передний треугольный «фасад», обращенный на юг — открыт. На дне укрытия перед ульями ставим коробки с коконами. Количество коконов должно быть примерно равно количеству трубок в укрытии. И вот еще тонкость, а может, и трудность: в радиусе видимости от укрытий не должно быть построек, иначе многие самки навсегда упорхнут туда, бывало, они спешно «заселяли» автомашинки, ненадолго останавливавшиеся около нашего пчелопитомника.

Расставив коробки с коконами по укрытиям, приподымаем их крышки. Проверим влажность коконов на ощупь: если сухи, шуршат — обильно польем их водой. Не забудем проделывать такое орошение регулярно — это еще одно наше нововведение, — иначе куколки пересохнут и погибнут или же дадут очень мелких, шуплых пчелок. Теперь все наши мегахилы выдупятся крупными и жизнедеятельными да вдобавок работающими в довольно прохладную погоду — в Сибири это качество очень ценно.

Еще одно существенное отличие нашей зоотехнии от канадской. Первый год мегахил не надо «кормить» люцерной: они все же предпочитают сложноцветные, а если бобовые, то с более крупными, чем у люцерны, цветками. Наш пчелопитомник, если помните начало статьи, примыкал в двум полям: люцерны и эспарцета. Так «люцерновые» пчелы-листорезы (а за ними утвердилось у нас именно такое название) почти полностью работали на розовом эспарцетовом море, наполняя не люцерновой, а эспарцетовой пылью свои зеленые домики. А пуще всего обожали отплетые сорняки — желтый (полевой) и фиолетовый осот. «Осотовая добавка» была им явно желательна... Уж не засеять ли сорняками-осотом полевые делянки у пчелопитомников?

А что? Мало ли примеров, когда вчерашний сорняк — сегодня ценная культура? Например, кстер — теперь отличное кормовое растение, и выведено много его сортов. Сорняк-одуванчик в ряде европейских стран культивируется в виде столово-деликатесных сортов. А эршистую разлапистую злюку-ширицу ученые уже всерьез предлагают разводить и как кормовую, и как зерновую культуру, правда, пока стыдливо называя ее в газетах латинским именем — амарант. Чем же хуже осот, способный дать полноценный пыльцевой корм миллионам наших новых друзей-мегахил?

Размножаемость листорезов в нашем питомнике первичного их разведения была почти шестикратной, иначе говоря, каждый прошлогодний кокон дал пять-шесть новых. В то время как в СССР в целом размножаемость листорезов отрицательная: на 10 прошлогодних коконов — 9 коконов следующего года, и их приходилось ежегодно покупать за границей за большие деньги. Но стоило отойти от заграничной технологии, немного усложнив ее питомником первичного разведения, но значительно упростив и удешевив в остальном — как благодарная природа тут же одарила нас небывалыми результатами. Вероятно, нужно уметь ладить с насекомыми, любить их с детства, знать их повадки, язык, привычки...

Ну а когда все личинки окуклятся (что определяем контрольными вскрытиями коконов), ячейки очень просто извлечь из трубок — в отличие от специальных «выскребальных» машин, работающих на пчелофермах: вывалить трубки в бак с водой и помешать. Трубки тут же

раскнуты, а ячейки с коконами всплывут вверх. «Утопить» их не бойтесь: шелковые коконы герметичны. Тут и соберем их дуршлагом или ситом. Обсушим, подержим пару недель в комнатной температуре. Завяжем в куски марли — примерно литровыми порциями. И — в холодильник с температурой плюс два-шесть градусов. Временные отклонения температуры на 5—10 градусов в ту или иную сторону даже полезны для закалки куколок. В холодильнике поддерживайте достаточно высокую влажность. И еще: в плотной таре (банки, полиэтилен) куколки погибнут, им нужен воздух. К сожалению, кое-где на люцерновых пчелофермах коконы хранят в полиэтиленовых мешках, температуру стараются выдержать только плюс четыре — «по инструкции», а потом удивляются, отчего это, мол, у нас потомство мегахил слабое и малочисленное.

Ну, хорошо — на эспарцете, осоте ли, или еще на чем, выплодили мы много мегахил. А что же с главным — с люцерной? Да очень просто. Избыток мегахильного потомства из пчелопитомника на следующий год используется — в точно таких же укрытиях и ульях — на люцерне, с условием, чтобы поблизости не было других цветущих растений. И урожай семян ее, как показали наши опыты под Новосибирском, прибавляется, по сравнению с соседними полями, до 55 килограммов на гектар. И это при цене около 15 рублей за kilo семян люцерны. А килограмм коконов мегахил стоит под тысячу — охотно берут люцерновые пчелофермы по пятаку за кокон.

Не правда ли, есть над чем поразмыслить не только любителям природы?

Наш пчелопитомник, с его большими и малыми чудесами, отлично запечатлен в фильме о люцерне, снятом Новосибирской телестудией — «Альфа-альфа». При случае все описанное вы сможете увидеть на экране своими глазами. Комментирует фильм крупнейший специалист по люцерне, председатель Сибирского отделения ВАСХНИЛ академик Петр Лазаревич Гончаров. Ну а тем, кто хочет прочесть о мегахилах подробнее, рекомендую книжку Ю. А. Песенко «Люцерновая пчела-листорез и ее разведение для опыления люцерны» (Ленинград, «Наука», 1982). А о новой интенсивной технологии разведения мегахил и физических полях гнездовой — статьи в журналах: «Пчеловодство», 1984, № 12, 1986, № 6; «Сибирский вестник сельскохозяйственной науки», 1984, № 3, 1986, № 4.

Читатель спросит: ну а как сложилась дальнейшая судьба потомков тех, «гребенниковских» мегахил? Плохо. Какие-то злые люди, воспользовавшись короткой нашей отлучкой, варварски разгромили все пчелиные домики, вырвали и истоптали заселенные ими трубки... И все это сразу после показа пчелопитомника по программе Центрального телевидения «В мире животных». Вскоре была снесена ограда питомника, сожжены оставшиеся коконы, закрыта научная тема по мегахилам.

Глубокие раны остались в сердцах у Оли и Сергея: мегахилы ведь приоткрыли им дверь в совершенно новый мир, полный вдохновения и радости, мир наиболее слитного, цельного общения Человека с Природой, да и серьезных научных надежд: размножаемость листорезов по нашей новой биотехнологии была здесь самой высокой в СССР. Обидно мне — и за ребят, и за десятки тысяч погубленных мегахильных детей — сожженных куколок. В Новосибирской области теперь ими никто не занимается.

А там, где гуляли-перекатывались упругие розовые волны эспарцетового океана и пестрели до горизонта душистые соцветия люцерны, усеянные насекомыми-опылителями, сейчас — картошка...

Почему мы, люди, бываем так жестоки?

...И все равно нет худа без добра: со всех концов нашей огромной страны к нам (Краснообск Новосибирской области, Сибирский НИИ земледелия) продолжают поступать просьбы выслать наши «Рекомендации по упрощенному разведению мегахил» — из колхозов, совхозов, агропромов, институтов, техникумов и, что меня особенно радует и обнадеживает, — из многих школ страны.

КАКАЯ ПЕСНЯ ГОРЛО ОБОЖГЛА...

Юрий КАЗАРИН

КОВШ

Сегодня смерти не боюсь
и не болит душа.
Воды колодезной нальюсь
из черного ковша.

Впотьмах, у солнца на краю,
под чистым сентябрем
я песню думаю твою
на языке моем.

И ты за тридевять земель
почуешь, не дыша,
как забирает ясный хмель —
из одного ковша.

До ночи нам хватило дня.
И время — по судьбе.
Услышишь, может быть, меня —
и вспомнишь о себе.

Тебе — с запалом кузнеца,
с устатку — по душе
живую воду пить с лица,
дрожящего в ковше

У нас с тобой — погода впереди,
а нынче горы в свежей позолоте,
где высотой упругие дожди
заплетены в покорные потоки.

И все вокруг — дыханье, и вода,
и дерево — не видит ближних веток,
и мы — такие теплые, когда
нас догола промочит напоследок.

И всю тебя, закутанную в дрожь,
я обниму, когда запахнет вьюгой.
И ты лицо горячее утрешь
своей косой, покорной и упругой.

Какая песня горло обожгла:
почую дом — и время назовется
большим дождем
до ближнего колодца
и пересошим полем до села.

Душа болит и любит по старинке.
И говорит о засухе шофер.
И жизнь моя опять, как на картинке:
нетрезвая попутка и простор.

Навстречу каплям трепетная пыль
вымахивает тихие стакашки —
и прямо в белый ливень
без промашки
влетает, кипятясь, автомобиль.

Как в детстве испеченную картошку
подбрасывают, высунув язык,—
крутой большак
с ладошки на ладошку
раскатывает звонкий грузовик.

На родине зацвел чертополох
и отряхнул с души
дорожный порох —
раскольник огородов и эпох
коротких слов на крашенных заборах.

Он весь в шипах.
Он влажен и здоров.
Он объявился —
древний и безродный
среди своих обочин и дворов —
живой, красивый, дикий
и свободный.

Подрубишь упирающийся куст
до серебра сработанной лопатой —
и сердце надорвет
двужильный хруст
чужой любви,
ни в чем не виноватой.

Опять садовник ходит босиком,
и табачок его до смерти сладок.
Он вольное ругает сорняком
в пространстве огородов и посадок.

Проснешься ночью —
душно от погод:
в саду, как кровь,
давно свернулась роза.

И прямо в сердце, токая, гниет
чертополоха горькая заноза.

Припозднились с картошкой —
дожди виноваты.
С бездорожья сошел семицветный
мазут.
Дотемна старики,
навалясь на лопаты,

в черноземное море с поклоном
плывут.
И старухи в платках за садовой
оградой,
в перехожий туман напустив синевы,
теплой спичкой в горсти,
как вечерней лампадой,
вызывают огонь из убитой ботвы.

Мама в дом принесла запах дыма
и хлеба —
встрепенулся в кладовке
ковровый паук.
И в гусиные крылья ударило небо —
вот и ангелы все потянулись на юг.

Внесла лубяное бельё —
на улице похолодало.
А холоду все-таки мало
на вечное время мое.

Тоска раскидала тряпье —
до смерти меня целовала.
А как мне любви не хватало
на грешное время мое.

С вокзала кричит воронье —
по крику дойдем до вокзала.
На горле платок завязала —
кончается время мое.

СУББОТА

Я сегодня вольный. У меня —
озеро, где по заплаткам бога
тихим рыбаком среди бела дня
в два весла проложена дорога.

Время захолонуло. Оно
иней припасло на воскресенье.
Завтра от костра в лесу осеннем
черное останется пятно.

И сосновый бор не прокричать:
в воздухе, натянутом и строгом,
крепче отпечатков пальцев бога —
паутины круглая печать.

Но сегодня, выронив ведро,
с горки заглянула на окаянство:
как в три горла, катер жрет
пространство,
за кормой вздувая серебро.

В

ылечив в тыловом госпитале легкую контузию и тотчас демобилизовавшись, «афганец» старший сержант Фролов не полетел из Ташкента домой, в Свердловск, самолетом, а взял железнодорожный плацкартный билет, означавший несколько суток пути. Фролов поступил так, чтобы в долгой дороге и среди множества людей, в вагоне без разделяющих дверей лучше ощутить то, что возвращается он не просто с армейской службы, не просто издалека, пусть и из-за границы, но именно с войны. За четыре часа перелета в комфортабельном кресле и в вышине над невидимой землей почувствовать это как следует и так, как самому хотелось и было необходимо, не удалось бы.

Рисунки Николая Мооса

Садясь в вагон по льготному, почти бесплатному билету, гарантированному ветеранским удостове-

нием, Фролов думал, что повезет воспоминания полтора афганских лет и весь приобретенный там немислимый опыт на родину глубоко на дне своей переплавленной и ожесточившейся души, как бомбу с часовым заводом, которую взорвет лишь в кругу самых близких и друзей и поразит их этим — но вышло все иначе. В своем защитном военном кепи и со значительно блестящей на груди единственной медалью, Фролов был немедленно поставлен попутчиками в центр почтительного и требующего утоления интереса, а остальное доделало вино — тяжелое, дорогое, сладкое, с сильным подкупающим привкусом размолотой виноградной косточки вино Узбекистана, которого оказалось много в буфете вагона-ресторана.

Сначала Фролова поили и угощали везомыми на торг или родственникам фруктами, а потом он стал тратить собственные деньги — пошатываясь, ходил сам и посылал за вином других. И уже к вечеру юный сержантский голос господствовал в притихшем от изумления, стыда и испуга вагоне, оскорблял узбеков и остальные среднеазиатские, а с ними и закавказские народы — всех «черных», «чурок» — за то, что не хотят воевать, «продаются», «показывают образцы беспримерной трусости», за то, что вместо них подставлять себя под пули и складывать головы приходится русским мальчикам. Фролов кричал, что если бы у него был сейчас пулемет, он бы поставил к стенке всех их — «узкоглазых» — потому, что в душе они, гады, все против русских, против Советской Армии и власти!..

Затем он стал приставать к проводнице, допрашивая ее, почему она — такая конфетка — катается на поездах и делает деньги, торгуя фруктами на Урале, а не поедет санитарной сестрой туда, или, лучше, не поедет туда, чтобы работать на спине и не давать нашим парням сдыхать там с тоски и сходить без баб с ума?! Затем он сам стал требовать от нее любви, крича, что она ему обязана. Он попытался было затащить ее в купе для проводников и закрыться изнутри, но несколько мужчин, которые все были изрядно старше Фролова, наконец очнувшись и набравшись решимости, скрутили демобилизованного сержанта, продержали так до первой остановки — прямо посреди степи, на разъезде — и буквально вытолкнули, вышвырнули его из поезда, решив из уважения к общей идее «афганца» не сдавать конкретно этого в руки железнодорожной милиции на ближайшей станции.

В первые мгновения после того, как поезд, с механическим немилосердием набирая скорость, стал уходить, Фролов гнался следом, размахивал кулаками, матерился и грозил всем расправой, но когда, споткнувшись и упав, он ощутил тепло большой пустынной земли и свое одинокое тело на ней, мгновенно затих и уснул.

Очнувшись он уже ночью, но не понял этого и не заметил никакой перемены, кроме той, что в темноте, где он пребывал, прорезалось и масляно засветилось много-много ярких и неподвижных точек. Фролов не мог сообразить, что с ним и где он, и, ощутив в мозгу словно шевелящийся там сгусток боли и лому в плечах и кистях рук, решил, что ранен и оставлен погибать на месте окончившегося боя.

Ужас покинутости и неминуемой смерти заставил Фролова взмокнуть ледяным потом и удержал еще

на некоторое время в полной неподвижности. Однако, чувствуя — главным образом по тому, как дико колотилось сердце, что продолжает жить, Фролов пошевелил правой рукой, обнаружил, что она кое-как слушается, и, страшась обнаружить рану, но поддаваясь инстинкту и необходимости сделать это, потянулся к голове, но увечья не обнаружил. Тогда он принялся судорожно, словно гнался за бегущим по телу паразитом, ощупывать всего себя, для удобства даже сел и не заметил этого.

Вскоре он удостоверился, что цел, и определил, что был, видимо, оглушен взрывной волной. Но почему же в таком случае его бросили, почему ушли и куда?! Или все остальные погибли? Но почему тогда кругом нет запаха гари, крови и железа? Неужели был такой сильный ветер, что все развеял и унес? Или, может быть, от близкого взрыва он ослеп и оглох?!..

Едва он успел испугаться этой мысли, означавшей все равно что скорую гибель, как услышал из темноты лай шакала. И вдруг разом, махом, ощутив это будто действительный удар взрыва, он вспомнил, что все то осталось позади, за границей, по ту сторону многотысячников Гиндукуша — просто по ту сторону, словно и впрямь в потустороннем мире!.. Фролова обуял дикарский, злорадный восторг спасшегося, и он, предаваясь собственному счастью, покатился по земле. Он стонал, рыдал и целовал эту землю и свои руки, когда они попадались вместо земли. В изнеможении он замер, распластался, но тотчас собрался и сел, оставив руки далеко назад и прочно уперевшись ими в сухую, твердую почву, в то, что держало — лежать простертым было свойством убитых, а Фролов был живым и хотел чувствовать напряжение всего своего тела, оставшегося кончившейся для него войной почти в неприкосновенности и готового для будущей жизни.

Фролов не видел себя и вообще ничего не различал в повсеместной неразрывной темноте — он только выгибал спину дугой, тянул шею и глотал иссушенными внутренностями ночной теплый воздух, и этого было ему пока довольно. То, что ничего кроме звезд нельзя было узреть, вовсе не раздражало Фролова, а напротив, самым странным и непривычным образом восхищало — как особенное чудо. Нерасчлененность и непроглядность темноты несли в себе одну единственную вещь, одно полновластное, без примесей качество — мирность, мир без стрельбы, без угрозы, без пронзительного голоса летящего убивать металла, без смерти, поджидающей неведомо где и всюду. Мир был свободен и чист во все концы до невидимого предела.

От долгой сидячей неподвижности и от алкоголя, который потихоньку продолжал свою работу внутри организма, Фролов чувствовал, будто плавает в море темного покоя, где невозможно утонуть, — и наслаждался таким чувством. Оно будто носило человека на своих длительных, нежных волнах, покачивало и изгоняло из его болящей головы всякую зарождающуюся там мысль, оставляя бывшему военному лишь изумление тем, что он больше не военный и что в темноте и в неведеньи относительно собственного местонахождения мирность чувствуется куда острее, полнее...

Демобилизованный сержант, еще не осознавший

своего странного состояния как состояния самого обыкновенного тяжелого похмелья, вдруг вознамерился оставить свои изумление и воспоминания и просто послушать эту окружающую, приходящую издалека и извне тишину — просто послушать. Он напряг слух или, вернее, решил, что сделает это — ибо в его состоянии и в однообразном безмолвии ночной степи напрячь слух означало просто сильней зажмурить глаза и пригнуть к груди голову.

Однако в таком напряжении он услышал лишь то, как шумит в голове и как тяжело, раздувая виски, ходит под кожей его собственная кровь и этим словно увлекает, ввергает его обратно внутрь себя, будто стремится втянуть все его ощущения в глубь тела, сосредоточить колеблющееся и разбегающееся сознание исключительно на самом себе и отрезать от окружающего, каким бы оно ни было; будто это начала действовать и властвовать после кратковременной поблажки некая сила, напоминающая ему, старшему сержанту Фролову, кто он на самом деле такой, твердящая ему о том, что он весь оттуда, из-за высоких чужих гор, из времени, где люди живут тем, что воюют друг с другом, убивают других и погибают сами, что он, если даже вывался оттуда телесно, то по существу навечно прописан там, а сейчас находится в краткосрочном отпуске и скоро вернется.

Стук крови в висках и боль, распирающая череп изнутри, стали казаться Фролову рецидивом контузии, которая была, должно быть, самой прочной, неизлечимой связью с войной и которая — даже если ты сделаешь усилие и сможешь забыть о ней — вдруг возьмет и швырнет тебя с нечеловеческой силой назад, как растянутая до предела пружина, — чтобы ты не забывал, не смел забывать!..

Горечь этой догадки уже начала разливаться, как быстродействующая, горячая инъекция по всему телу Фролова, уже начала пронизывать все ткани и заголки тела и расслаблять, побеждать его. Но из последних, удерживающихся, как ему казалось, в кончиках пальцев, собранных в кулаки сил воли Фролов сопротивлялся, и от этой, сводящей с ума, вдруг вспыхнувшей и моментально раскалившейся борьбы с самим собой сжался в комок, в узел. За сомкнутыми веками ему мнилось яркая, какая-то оголенная и почти абстрактная картина схватки двух разновеликих объемов: каждый стремился сжать, подавить и поглотить другой и услышать, как побежденный противник издаст, к жестокой радости победителя, смертный вопль. Затем отвлеченное приобрело облик и прояснилось — это были змеи, две большие эфы или гюрзы, поединки которых он наблюдал, сидя под стеной разваленной снарядом метчи, в укрытии. Они свивались уже долгое время, и вдруг одна, словно в зевке бесконечной усталости, разинула пасть с тонкими изогнутыми клыками и трепещущим жалом языка и издала протяжный, оглушительный вопль, похожий на сигнал приближающегося локомотива. Крик был столь невероятным для ползучей твари, столь громким и реальным, что Фролов от него, как от толчка, вздрогнул, открыл глаза и тотчас увидел быстро выдвигающееся из недр мрака желтое светящееся пятно, окруженное короткими лучами. Приближение светового круга сопровождалось равномерно нарастающим железным гулом, сотрясавшим землю

и воздух. Фролов пережил сиюминутный импульс и веление привычки броситься плашмя на землю, вжаться в нее, но вовремя остановил себя и даже принудил стоять в полный рост.

«Если я не ошибся, если не в бреду, если кругом и вправду... — лихорадочно, обрывками думал Фролов, — а вот посмотрим, вот увидишь!..»

В это время протяжный, низкий звук, закладывающий уши Фролову минуту назад, повторился, достиг предела и тут же сник и потерял всякую остроту, едва лишь разгоряченный своим бегом к назначенной цели и стремлением вырваться из темноты этого места скорее, чем темнота вместе с ночью пройдет сами собой, тепловоз поравнялся с человеком, стоящим в ночной степи, и оставил его позади.

«Это же поезд!..» — пронеслось в голове Фролова, и в наступившем, сменившем собою рев локомотива перестуке тяжело и скоро наваливающихся на рельсы литых колес юный сержант запаса стоял и смотрел на мелькающие мимо, по-ночному слабо, но тем самым сохраннее и уютнее, освещенные вагоны — смотрел со странным выражением собственного лица, которого не видел и не сознавал, и с умилением и благодарностью в душе — с благодарностью тому, что это не исчерпалось одним локомотивом, тому, что следом шел целый состав, тому, что он был такой длинный, что даже при большой скорости движения можно было понять — если и не сразу, то на втором или третьем, в точности и в деталях повторившем один другой, вагоне — то, почему, например, крайнее окно светится тусклее, чем остальные, и матово, или почему в одном вагоне видно лежащих на полках во сне людей, а в другом их не видно. Видение этих простых малочисленных вещей после полной темноты и нерасчлененности, где приходится ориентироваться по личным ощущениям и готовой изменить и отказать памяти, восторгало Фролова, как ребенка, который, наконец, обнаружил в темном доме освещенный угол со знакомыми предметами.

Фролов еще долго, до неразличимого во тьме горизонта, провожал умиротворенным взглядом четыре красных мотающихся огня хвостового вагона — он чувствовал себя случайным, посторонним доброжелателем счастливого пути, немного и просветленно досадуя на то, что никогда не узнает людей в поезде и их уезжающих вдаль жизней, и на то, что они не узнают о его, Фролове, существовании на земле, и испытывающим небольшую гордость тем, что имел возможность обозреть их обобщенное присутствие в мире со стороны и целиком, а сам все-таки остался стоять на своих ногах, на своем месте, остался при своем, в тени — как вдруг впервые за все время подумал и вспомнил, что он тоже ведь ехал в поезде, что еще ранним утром поднимался в вагон, сидел на нижней полке, у стола, рассказывал попутчикам про свою службу, объяснял за что медаль, пил вкусное вино, потом покупал сам это вино в буфете...

«Дьявол! — не удержался он и воскликнул вслух, пораженный, как необъяснимым чудом, той переменной места и времени суток, которая свершилась над ним. — Дьявол!..» Фролов стал дико озираться по сторонам, и теперь темное безмолвие степи, воцарившееся после ухода поезда с удесяттерной и торжествующей силой, представилось ему злым и враждебным человеку — некой неразрываемой и сковывающей пе-

ленной. Решив противопоставить темноте этого нечуждого пространства единственное, что у него было — собственную злость — и чтобы почувствовать и вызвать воспитанные там, на войне, и никуда не девшиеся из души ярость и упорство бойца, Фролов топнул по земле ногой, плюнул сквозь сжатые губы и зубы воздухом и выругался. Одного этого бессцельного, но явственного и ободряющего проявления собственного характера ему оказалось мало, и он перешел к целой серии следующих — только теперь он представил глухую покойную темень военным противником: так было естественней, привычней и удобней. И сразу все пошло как по маслу, как по заученному, автоматически — все освоенные там приемы обороны, нападения и убийства посыпались с рук и всего ожившего тела Фролова в пустую темноту.

Он резал воздух ребром ладони, врубался в никуда сложенными в жесткий гребень костяшками пальцев, бил в прыжке ногой, «стрелял» от живота из «автомата», колот штыком как штыком и как ножом, отскакивал в сторону, уворачивался, «качал маятник», бросался на землю, вскакивал на ноги, совершал перебежки, вновь залегал, пережидал, швырял «гранаты», хрипел и ругался.

Отсутствие настоящего ответного сопротивления позволяло выдать весь запас навыков ведения боя и применить в одном ряду даже те, коим он был обучен, но которых в деле, в реальной операции, там испробовать так и не удалось. Фролов вошел в настоящий раж и вновь пережил ни с чем не сравнимый, захватывающий пыл битвы человека с врагом, которого необходимо уничтожить; он впервые за полтора месяца после того, как оказался в своей стране, в тылу, почувствовал себя самим собой, упивался этим и даже сожалел, что не имеет действительных врагов, что все они остались там, за перевалами, что здесь, на всей гигантской территории, хоть сколько-нибудь подобных им нет и при всем желании не сыскать ни ночью ни днем. Фролов чувствовал себя как никогда в форме и в своем увлеченном бешенстве недоумевал и негодовал, почему он уже здесь, где его умения и ярость бесполезны и не требуются, а не там, где бы он мог принести большую пользу. Играть в войну, как дворовому мальчишке, изображать боевые пляски подобно какому-нибудь размалеванному под дикаря киноартисту — ему, умеющему драться по-настоящему! И все потому, что здесь не с кем воевать!..

Тем не менее, после всех этих движений Фролову стало хорошо, похмелье было изгнано — и он ощутил самодовольную усталость тела.

Он лег на спину и поглядел в звездное небо, уже точно зная, что это — не что иное, как ночное звездное небо над сухой степью, и попытался припомнить те события вчерашнего дня, в результате которых он очутился здесь. Однако телесное ощущение того, что он лежит в неизвестном месте на темном лице земли и подтвержденная уверенность, что это место и земля — пусть и в самом широком смысле — земля родины, привело, а вернее возвратило его другой — изначальной и отправной его мысли, заслонившей все прочие как несравнимые и несущественные. «Я ведь возвращаюсь с войны, — думал Фролов, отыскивая глазами Полярную звезду, думал с особым значением, с чувством своего большого и редкого достоинства, будто лишний раз перетрях-

нул мешок с драгоценным трофеем и поразился его тяжести — сколько и чего произойдет, прежде чем доберусь домой!..»

Вдруг ему представилось, что он идет домой пешком. Замысел мгновенно привел его в восторг. Он несколько раз перевернулся и застыл, уткнувшись лицом в неизвестную сухую травку. Ни в детстве, ни в ранней юности ничего подобного он не предпринимал, такое просто не приходило ему на ум, как, впрочем, и то, что будет когда-нибудь участвовать в войне, и теперь, прижимаясь к земле и слыша, как на область сердца давит металлический кругляш медали, видел себя шагающим по пустынным, безлюдным пространствам, в намеренном удалении от всяких магистралей — в таком свете, словно видел это в кино или на страницах приключенческой повести. Высоко в небе пролетают скоростные самолеты, а он, не обращая на них внимания, не поднимая даже головы, идет и идет себе на север, ориентируясь по солнцу и звездам, никому и ничему не доверяя больше своей транспортировке и приближаясь к дому только собственными шагами — шаг за шагом, как паломник к святыне. Фролов лежал и впервые в жизни чувствовал, что земля неразрывна и едина, что одно ее место связано с другим, как бы удалено то место ни было. Главное, чтобы имелась неистребимая уверенность, что туда можно беспрепятственно прийти своим ходом.

И такая уверенность у него нынче была!.. Но за нею теплилась и мерцала догадка, надежда еще более драгоценная — если он вернется домой так, то сознание, что он вернулся с войны, пришел домой невредимым из дали другого времени, из иного измерения, за долгий срок непредсказуемого пути вырастет, возвеличится и укоренится в его молодой душе навсегда, на всю жизнь; и укоренится настолько, что в это уверует не только он один, но станут понимать с первого взгляда и самые разные, встречающие его люди — пусть даже он переоденется в гражданское, пусть раздастся настолько, что никогда вновь не сможет влезть в хэбэ, и пусть медаль отойдет в игрушки будущего сына!..

II

От лучей раннего, но уже начавшего палить солнца, которому здесь, как впрочем и там, не нужно совершать предварительную работу по нагреванию воздуха и земли после ночи, Фролов вновь проснулся, тотчас — уже с готовностью для жизни при свете дня — сел и инстинктивно осмотрелся по сторонам. Кругом лежала красноватая пустынная плоскость, вся из крупнозернистого твердого песчаника, редко поросшая жесткой низкой травой и саксаульником. «Кызыл-кумы», — наугад определил Фролов, не потому что была необходимость установить географическую реальность места, а чтобы почувствовать себя внутри такого пространства, которое было бы легендарным и лучше, чем безымянное, отвечало странному состоянию человека, возвращающегося на поезде с войны и непонятным образом отставшего от поезда.

Однако были то на самом деле Кызыл-кумы или нет, реальность места так и ломилась в глаза, и кричала о себе своей скудностью, однообразием и зно-

ем. Фролов расстегнул ворот, запустил туда руку и обнаружил, что тельняшка уже взмокла от пота. И вдруг, держа руку за пазухой, он подумал о том, что делается в этот час, в этот момент в Афганистане. И сама эта мысль поразила его — то, что теперь он был запросто способен думать о целой чужой стране, знал, что именно может там делаться и делается, то, что мог живо, в достовернейших деталях вспомнить и представить. За какую-то минуту целый головокружительный рой перетасованных и перепутанных пестрых картинок возник и завертелся в его мозгу. Затем, идя неизбежным путем сужения и отбора, он стал представлять, что происходит сию минуту в его бывшей военной части, в подразделении, в его собственном взводе. И вновь, будто переступил определенный порог, он пережил чувство непрерывной цельности земли — после контузии, очевидно, возникали новые стойкие ощущения. Он буквально видел и осязал, как земля медленным скатом уходит вниз, на юг, как стоят на ней и давят на нее своим общим весом — на самом деле незначительным даже при полной экипировке боевым оружием — выстроившиеся на утреннюю поверку или по тревоге солдаты того взвода, где он сам был заместителем командира. Он чувствовал себя одновременно сидящим тут, в пустыне, и стоящим там, во главе строя, и к этому, словно доброшенная для полноты костяшка на счетах, прибавилось ощущение, как он — неясно, стоит, сидит или лежит — просто находится дома, на Урале, в Свердловске. Это было так, словно два его двойника — из прошлого и будущего одновременно — оказались в южном и северном конечных пунктах, ограничивающих все его жизненное пространство, в двух конечных точках его судьбы, и просигналили оттуда. Словно все трое были связаны прямым лучом, некоей нитью, которая проходила сквозь сердце центрального среднего, сиюминутного и, якобы, настоящего Фролова — проходила через него будто бы случайно, будто бы просто потому, что попался на пути.

И сидящий в пустыне Фролов понял, что это правда, что оба крайних пункта и промежуточный действительно находятся на одной линии, практически на одном и том же меридиане: все три существовали в одном временном поясе, во всех трех теперь начинался новый день и стрелки часов на циферблатах показывали без четверти 8.

Это представилось Фролову умонепостижимым, — ясное, явное, словно во рту был его упоительный привкус, ощущение непрерывно длящейся земли никак не допускало и не могло терпеть столь разных способов людского общежития, которые, как видели и сообщали два крайних Фролова, господствовали там и там: один человек выходил из дому, садился, например, в трамвай, ехал вдоль по улице и пропадал всего лишь из виду за поворотом, а другой выходил из дому и взлетал в воздух на mine — такого не могло быть на одной земле!..

И, тем не менее, сколь бы ни было ярко это ощущение, вопреки ему настоящий Фролов по прошлому опыту знал, что именно так оно было, есть и бог еще знает до каких пор будет. Он слабо представлял, плохо, как в густом тумане, видел себя и свою последующую жизнь в Свердловске, и потому испытал мгновенное и мощное желание вновь оказаться на

юге, за границей, в Афганистане, провести там остаток жизни и, может быть, вскоре быть убитым — лишь бы не чувствовать этой мучительной неувязки, этого вопиющего несоответствия, которое терзало его геперь. Ибо здесь, в пустыне, в одиночестве, он находился в самом пекле этого несоответствия, он болтался на нитке этого меридиана, как рыба, выхваченная из воды и подвешенная за жабры, трепыхающаяся в нигде, как рыба без воды...

Только через несколько секунд своей неожиданной и какой-то слишком уж большой, слишком телесной муки Фролов догадался, что такой образ его самого, болтающегося и бьющегося, как рыба на леске, приняла, чтобы заявить и докричаться о себе, уже давно терзавшая его обыкновенная жажда.

Едва он признал это, как почувствовал, сколь громадна была эта жажда, и ужаснулся: он был один в пустыне, в мертвой степи! Как это раньше не дошло до него?! Даже мысль о рыбе здесь была абсурдна, как и мысль о воде!..

Фролова обуяла паника — такая, какой он ни разу не испытал там, в деле, беспомощная паника, сквозь которую ослепительными вспышками пронеслось: «Я в пустыне, я один в пустыне!» и «Я погибну здесь! Теперь я точно погибну! Чудес на свете не бывает! Люди не приходят с войны живыми!». Наконец, не думая, что делать, а просто начав двигаться, Фролов вскочил на ноги, сделал шаг и, бешено дыша, остановился. Но этого перемещения оказалось достаточно, чтобы увидеть железнодорожное полотно — оно лежало в сотне метров.

Вид сиявшей на солнце рельсовой стали, среди моря красного песка такой чужой, явно говорящей о принесшем ее сюда труде человека (впрочем, кого там человека! наверняка нескольких железнодорожных батальонов), на миг успокоил демобилизованного отвоевавшего сержанта. Но тотчас именно рукотворное полотно, своей неменяющейся, уходящей за горизонты протяженностью, повергло его обратно в ужас, еще более сильный. Тем не менее ему ничего не оставалось, как приблизиться к полотну и бежать вдоль него, следуя хоть какому-то ориентиру, — и Фролов побежал. Он понимал, что на бегу силы и та ничтожная, недостающая для жизни влага, что еще есть в организме, расходуется и сгорает быстрее, но ждать было нечего, да он и не мог ждать — сидя на месте и переворачивая в мозгу такие мысли, он свихнулся бы раньше, чем умер бы от жажды.

Фролов бежал, спотыкался, вставал, оглядывался, чтобы определить, как далеко ушел, не мог определить этого среди неумолимого, словно злонамеренного, однообразия ландшафта, имел мутящее рассудок чувство, что топчется на месте, и лишь усилием последней воли заставлял себя верить, что продвигается куда-то, к чаемой воде. Ему казалось, что жажда его так велика, что от одной ее силы и упорства, от одного глужего стремления увидеть воду из земли должны были ударить сотни фонтанов, но этого не происходило. Какое-то время бегущий прямо по шпалам Фролов представлялся самому себе раскаленным локомотивом, машиной, а не человеком, и это на мизер облегчало его страдания. Вдруг он притормозил и остановился, вспомнив, что в поезде у него был «дипломат» с маленькими сувенирами, с трофеями, с деньгами. Фролов с тоской и неохотой

поглядел назад, подумал, что «дипломат», может быть, остался где-то рядом с местом ночевки, что он в панике его просто не заметил и не захватил — но мысль о возвращении и поисках была невыносима, невозможно. Неважно, в каком направлении бежал Фролов — главное, что он уже проделал путь, потратил силы, этого было достаточно, чтобы продолжать двигаться в такую сторону.

Снова пустившись бежать, Фролов на ходу отлепил карман хэбэ, чтобы проверить, там ли документы. Военный билет был на месте, но удостоверение участника войны отсутствовало. Фролов выругался, но не остановился. «Выдадут новое, — просто, не имея теперь сил и времени сокрушаться и злиться, решил он, — хватит пока медали!» Однако, несмотря на жажду, на изнеможение, злость все равно завладела им — злость на все: на людей, на войну, на мир, на пустыню, на самого себя на всю жизнь, за то, что рождала такие ситуации, как эта; и в приступе этой злости, словно махнув на все рукой, Фролов, не замедляя бега, — который стал казаться ему бессмысленным и который производили вроде бы и не собственные ноги, а кто-то, непрерывно толкающий в спину — отцепил медаль, размахнулся, чтобы забросить подальше в пески, но опомнился и упрятал ее на дно внутреннего кармана, к документам.

Когда от жажды, усталости и жары, которая буквально давила сверху, ни на минуту не прекращая своего гнета, все в глазах Фролова начало зыбиться, он заметил у горизонта белое пятно строения. Оно тоже качалось вместе со всем, но не исчезало. Фролов остановился и стал смотреть. Изнурение довело его до пределов нормального восприятия, и белый четырехугольник вдали казался ему парусом, натянутый на переднем крае земли, — ветер всего света дует в него и медленно влечет пустынную знойную землю по океану бледной синевы.

Фролову от этой грезы стало вмиг хорошо и благостно, он перестал чувствовать себя и свои мучения, на него повеяло чудной прохладой — она обтекала, обняла его голову... но боль в коленях уничтожила все это. Фролов открыл глаза и обнаружил, что строение впереди — это теперь снова было строение — выглядит чуть иначе, чем прежде, очертания его зыблются сильнее, чем секунду назад, и их окружает густое, прозрачное марево, восходящее от земли. Затем ему стала ясна причина такой перемены: он на миг потерял сознание, а когда очнулся от удара коленями о шпалы, то продолжал стоять на коленях и смотрел из нового положения. Не поднимаясь в полный рост, Фролов уперся в разогретые шпалы руками, потряс головой, чуть привстал и побежал — будто перед ним лежало не рельсовое полотно, а финишная прямая стадиона — из чудовищного, неуклюжего, сомнамбулически медленного низкого старта. Ноги и руки, кроме того, что горели, были еще и неимоверно тяжелы и сгибались и разгибались так, словно человек двигался в воде — о, если бы это и вправду была вода, море воды!.. Фролов плыл — тяжело, упорно, без мысли в голове. Последние метры до будки стрелочника он проделал так медленно, что не заметил, как такое перемещение произошло — его пригнало к берегу, прибило волной...

«Воды! Воды! — вымолвил Фролов. — Еще внутри воды!» И, наконец, вода полилась.

Она полилась из носика алюминиевого чайника, протянутого почти черными от загара и мазута, жилистыми немолодыми руками, которых Фролов не увидел. Она полилась сначала прямо в горло, в живот, не в силах смочить сразу иссушенного и бесчувственного неба, омертвевшего языка.

Она лилась долго, а когда вдруг перестала литься, и это заставило Фролова, глотавшего с глазами, зажмуренными от счастья и сосредоточения, разомкнуть веки, то он увидел смутное помещение и в нем столь же смутную фигуру своего спасителя. Она прояснялась по мере того, как проходила темнота удушья, наступившего после двух литров воды, выпитых неотрывно. По лицу маленького пожилого человека невозможно было определить его национальность — и не нужно! Это был просто человек, выступивший из пекла бесчеловечной стихии, человек, имеющий в пустыне воду. Он спросил Фролова с акцентом: «Ты откуда такой?» А когда тот объяснил, стрелочник замолчал и стал из двух щелок на лице внимательнее разглядывать того, кто оказался и был перед ним. Фролов, как он ни был изможден, понимал, что старик испытывает его своим разумением и опытом, но сам был все же настолько разбит и несобран, что не смог бы сейчас с той же твердостью цельной и уверенной в себе личности посмотреть на старика в ответ и заставить его убрать этот взгляд. Фролов чувствовал, что стрелочник, не находя сопротивления, кроит в эти первые и важнейшие мгновенья всю душу и характер стоящего перед ним человека так, как ему, стрелочнику, хочется и кажется; наполняет эту сержантскую форму таким содержанием, какого под ней, может быть, никогда не бывало, но воспретивствовать этому не мог. Он подумал было о документах и о медали — показать их старику, сунуть под нос, пусть утрется — но гордость и безразличие взяли верх. Единственное, что Фролов сделал, чтобы хоть как-то защититься от испытующих глаз и не стоять перед стариком словно по стойке смирно, и укрепить, пусть это было и смехотворно, ощущение своей независимости и невинности — так это то, что опустил на табурет возле двери. Из этого положения, бросив руки меж расставленных колен, ссутулив плечи и склонив на бок голову, он продолжал наблюдать, как стрелочник довершает у себя в мозгу его, Фролова, образ, ждал, когда это кончится, и слушал, как гудят на оконном стекле мухи. За окном были видны уже вовсе нестрашные пески с их единственным верным и вечным населением — деревьями саксаула. Было странно, что одного тоненького, вставленного в стену саманного строения стеклышка хватало, чтобы отодвинуть пустыню куда-то туда, на второй план...

— Ладно, — что-то для себя решив, стрелочник наконец нарушил установленное им самим же безмолвие, — бог с ним, я всякое видел, всякое бывало... Фролов кивнул.

— Ну, напился, а дальше-то куда? — продолжал стрелочник уже слегка изменившимся тоном.

— Домой.

— А дом где?

— На Урале.

— Дале-еко... — стрелочник покусал губы и, еще не зная, что добавить, не зная, куда теперь девать человека, который оказался здесь, а нужно ему в

такую даль, проговорил наудачу: — А я сперва решил, что ты из студентов. Вижу, молодой, защитный цвет..

— Каких студентов?

— Да тут, километров тридцать, строят что-то... Из Целинограда вроде или из Кокчетавы, с северного, в общем, края.

— А как к ним добраться? — Фролов вдруг услышал себя произносящим эти слова.

— Как добраться? — стрелочник умолк, и на лице его появилось сосредоточение, но не потому что он действительно соображал и прикидывал, а потому, что ему понадобилось время справиться с неожиданностью такого вопроса от демобилизованного, направляющегося совсем в другую сторону человека, а затем и оправдать для себя полную, в принципе, естественность этого вопроса.

— Добраться... Просто... Дам воды, лепешку, тушенки банку, пойдешь по дороге — так дойдешь или попутку остановишь. Тут ведь дорога, я как раз на шлагбауме сижу...

III

Пока светило солнце. Фролов, не торопясь, шагал по дороге, которая едва выделялась посреди сухой и твердой почвы. Теперь, имея в маленьком холщовом мешке, подаренном стрелочником, флягу с водой, хлеб и консервы, он был спокоен за себя и глядел по сторонам, радуясь, что, пусть и в малой степени, но воплощает-таки вчерашний замысел пешего возвращения, неважно, что теперь он шел на юг, в сторону, противоположную от дома — он все равно возвращался. Фролов уже давно объяснил и оправдал свой поход к незнакомым студентам стройотряда — они тоже были молодыми людьми с севера в этой пустыне, а сам он два года назад, до армии и войны, учился в институте, пока не бросил, поняв, что избранная под нажимом родителей специальность не для него, и теперь ему, не покидая жаркого, голого промежуточного места, в котором он очутился сразу после войны и госпиталя и в котором сразу едва не погиб, хотелось посмотреть в лица тех студентов, побыть с ними и, может быть, принять участие в их деле, чтобы в труде и жизни среди людей привыкнуть к мирному существованию. Еще его влекло к студентам то, что они были хоть как-то организованы, что в их отряде должна была существовать мало-мальская дисциплина, то, что они назывались бойцами и, единственными из мирной молодежи здесь, носили одежду защитного цвета.

За время, пока Фролов шел, его обогнало с десятком машин, но он проголосовал только тогда, когда пустыню разом накрыла ночь с мусульманским коварным месяцем на своем темном полотнище.

В пыльном кузове грузовика, держась за борт, подпрыгивая на корточках от тряски и глядя вдаль, в толщу знойного мрака, Фролов за четверть часа добрался до места, указанного стрелочником, но не стал въезжать в само селение, а, грохнув кулаком по горячей крыше кабины, попросил водителя остановиться у границы первых огней. Он решил переночевать где-нибудь на окраине, чтобы не тревожить людей посреди ночи, не вызывать лишнего волнения и чтобы утром войти в поселок, самому сориентиро-

ваться, самому найти студентов и, прежде чем приблизиться и заговорить, посмотреть на них издали, со стороны.

Привыкшие в дороге к темноте глаза Фролова быстро различили силуэт строения, стоявшего в метрах 100—150 от первых освещенных домов. Он направился туда и расположился на земле возле то ли сарая, то ли маленького склада — утром он установит точно. Он сидел, прислоняясь спиной к довольно прохладной стене, пил скуными порциями из фляжки, жевал хлеб и смотрел в глубину степи и звездного неба. Затем он скинул обувь, чтобы дать отдых наштагавшимся ногам, поразминал ступни руками, не пожалев воды, смочил их водой из фляжки и, наконец, ощутив блаженство заслуженного — за целых два года — расслабления, вытянулся, чтобы уснуть в неизвестном месте.

Однако крепко спать в неизвестном месте после полутора лет на войне он не мог, и потому, услышав поспешно приближающиеся, осторожные шаги, ментально очнулся, прижался к стене и собрался — защищаться, драться? Да, он признался себе, что изготавился именно для этого, и внутренне посмеялся над собой — от кого было защищаться здесь?! Тем не менее он нащупал в мешке нож, даденный стариком для открывания консервной банки, и сжал его в руке — на всякий случай.

Шаги прекратились буквально за углом, в двух метрах от того места, где Фролов сидел, сгруппировавшись, будто для прыжка, сдерживал дыхание, облизывал сухие губы и все убеждал себя, что никакой опасности, требующей такой изготавки, здесь быть не может. Фролов совсем прекратил дышать и беззвучно подобрался к самому углу строения, чтобы лучше слышать: шаги снова, на миг, раздались и стихли, но уже не снаружи, а внутри строения — человек вошел туда. Фролов осторожно высунулся из-за угла и тут же отпрянул от глухого грохота, раздавшегося в сарае — что-то упало, тяжело навалившись на стену. Фролов догадался, что это к выходу что-то привалили, чтобы загородиться. Он подобрался ближе и, потянувшись искусными, невесомыми пальцами, умеющими обезвредить мину, нащупал широкие грубые доски и щели меж ними. И тотчас услышал из-за этих досок горячее, бешеное дыхание и невнятный скорый шепот, словно шепот бреда. Фролов разом ощутил предательскую, захватывающую пустоту в животе, какая бывает при прыжке с большой высоты, и задрожал от ментального возбуждения. Он решил, что за дверью, прямо на земле, происходит любовь, и встал на четвереньки, чтобы ноги в связках не тряслись, и вытянул шею, чтобы лучше слышать. Но у него так заколотилось сердце и так загудела в висках кровь, что он почти перестал улавливать, что делалось внутри. Он лег на живот, вжался в землю всем телом, сцепил зубы, но это не помогло — дикое желание проснувшегося плотского голода, жажда ощутить под собой женщину сжигали его и сводили с ума. В воображении он уже овладел ею — он отшвырнет щенка-студента в угол, размажет по стене, насладится его незаслуженной подругой, а потом уйдет обратно в пустыню, в ночь — и будь, что будет!.. Еще мгновение, и он прыгнул бы, сокрушил бы загородку — щит или кусок забора, или что бы там ни было — но в следующую

секунду ему пришлось вскочить и отползти назад, потому что в сарае вспыхнул тусклый свет и упал сквозь щели наружу. Еще миг, и Фролов догадался, что теперь стало можно видеть, что делается внутри сарая, и осторожно принял к щели. Свет шел откуда-то снизу из невидимого угла, очевидно, от установленного на земле фонаря, и в его слабых лучах был один-единственный человек — действительно студент в целинке защитного цвета с нашивкой на рукаве и непрочитываемой в полумраке надписью названия стройотряда.

Рассеянный свет лежал на выступающих частях юного лица — на носу, скулах, лбу и подбородке, а глаза и рот были в тени. Парень стоял на ящике и что-то делал руками под потолком. Фролов сначала подумал, что тот ввинчивает лампочку или чинит патрон. Затем, увидев в руках студента тонкий, черный, блестящий шнур, Фролов решил, что догадка его верна — парень в этот час зачем-то чинит или устанавливает электропроводку. Фролову стало смешно и стыдно за свои фантазии, и он, стоя на четвереньках, раздвинул колени пошире, чтобы меньше чувствовать мокроту в форменных брюках. Его несколько удивляло то, что студент в своей работе не пользуется инструментами, а делает все голыми руками, и то, что он все время что-то бормочет. Затем Фролов заметил, что пальцы и губы парня трясутся, а по освещенному восковым светом лицу струится пот — нет, это были слезы!..

Дикая догадка, как удар молнии, одновременно озарила и пронизала Фролова — студент собирался повеситься. Ночью, когда все спят, изнуренные дневным трудом в пыли и пекле, восстанавливая глухим сном силы для следующего такого же дня! Собирались повеситься в сердце мертвых песков, вдали от родимого места, чтобы было не так стыдно и больно, и чтобы одиночество несчастной почему-то жизни рассеять было некому!..

И вправду, студент, укрепив под потолком шнур, просунул голову в петлю и закрыл глаза — он теперь стоял в профиль к своему нечаянному и неведомому свидетелю, и Фролов видел, как дрожат длинные ресницы самоубийцы, как влажно блестят на них слезы. Еще живой студент сделал попытку глотнуть — проглотить слезы, — но выдающееся адамово яблоко не хотело кататься внутри горла, которое сейчас будет перетянуто, оно осталось на месте, и у парня вырвался ни на что не похожий звук. Фролов оцепенел. Ему казалось, что все это происходит не на собственных его глазах, а видит он это все во сне, в бреду... Негодование и горечь охватили и парализовали его. Им мешало вылиться в действие бесконечное изумление, чувство, что происходящее нереально, неверие собственным глазам и необходимость удостовериться, которые были сильнее. Первый сверстник, которого он повстречал после войны и госпиталя — в жизни, на свободе, на родине — и тот собирался покончить с собою! На виду у него, старшего сержанта Фролова, уцелевшего там, где стольких его товарищей уничтожили или покалечили пуля, снаряд или мина врага, чужеземного противника, человек по собственной воле лезет в петлю, собственноручно лишает себя жизни — такого не могло, не должно было быть!..

«Щенок, сукин сын!.. — бормотал Фролов, глядя

в щель округлившимися глазами, но с места не двинулся. — Жить ему немоготу, козел!..» Неожиданно, непрощенно, будто назло — как раз в эти секунды, в голову Фролову не пришла, буквально вклинилась, упала, точно с неба, мысль, от которой он весь похолодел: «А вдруг война — это война, а жизнь — это жизнь, вдруг я на войне про все это забыл, вдруг в жизни есть то, что в жизни вынести нельзя?» Но он поспешно отпихнул от себя такую возможность тем, что проговорил: «На БТР бы тебя, суку, и в огонь!..» — и представил, а затем и вспомнил один из эпизодов боя, где танк, наехав на фугасную мину, взлетел на высоту пятиэтажного дома. Туша пылающего, увечного железа чудовищно рушилась обратно на сожженную землю — Фролов дернулся в сторону и всем корпусом снес щит, заграждавший доступ в сарай. В деревянном грохоте и во взметнувшейся пыли, освещенной слабым и желтым лучом фонаря, Фролов вернулся к здешнему ужасу и заметил, что готовая петля болтается под потолком пустая, а студент с открытыми глазами и оцепенелым лицом стоит, невообразимым способом навалившись на стенку.

Чувство облегчения, как при выходе из толщи воды или дыма на воздух, было мгновенным и прошло, сменившись — теперь возможным и справедливым по отношению к живому — гневом и свирепством: он покажет ему повешенье!..

Безмолвно бывший сержант подскочил к студенту и справа нанес тому удар в челюсть. Студент тотчас, как куль, рухнул на пол, ободрав при падении щеку о стену. Фролов молниеносно нагнулся, чтобы поднять его, поставить на ноги и продолжать бить, но ничего этого не сделал, а лишь неестественно замер в порыве наклона, заметив, что выражение на лице студента после удара и падения ничуть не изменилось — там был прежний оцепенелый ужас.

Еще прогиваясь и не желая верить тому, что видит, Фролов шлепнул студента по лицу раскрытой ладонью — безжизненная голова послушно поддалась насильственному толчку. Фролов опустился на колени возле недвижимого тела и приложил ухо к его груди — там было глухо. Фролов, упорствуя, прислушивался долгое время, но, наконец, поднялся на ноги и, не удержавшись в злости и досаде, несильно пнул горячий труп. Смерть, так долго и отчаянно призываемая, все-таки пришла и сбылась — не тем путем, так этим, — она уже стояла в темноте пустыни, за дверью. Жалкий человек погиб от страха и стыда, когда в его висящую на волоске, собственноручно изводимую жизнь извне, с внезапным грохотом ворвалось нечто. Для самоубийцы не имело значения, что это было на самом деле — он наверняка не успел даже разглядеть и понять, сердце его разорвалось мгновенно, словно от вошедшей туда эксцентрической пули. Однако для Фролова это было вовсе безразлично, и он понимал и бесился — получалось, что желая в последний миг спасти студента, получив от всей своей судьбы возможность сделать это, он — единственный в этот миг оказавшийся рядом человек — не спас, а, напротив, прикончил несчастного, лишил того собственноручно и тщательно изготовленного орудия самоумертвления и сделался таким орудием сам. Он убил студента одним своим вторжением, одним видом! Он был на острие пришедшей смерти, он сам был это острие! Он был нагружен и

заряжен ею, он вез ее в себе оттуда, и она, как болезнь, вела его теперь в пустыне своими путями и неизбежно привела в такое место, в свою маленькую миленькую сараюшку! Она толкала его по своим кругам и была теперь его проклятьем и участью!

Напрасно, глядя на труп у своих ног, Фролов пытался убедить себя, что на его, Фролова, месте мог, в принципе, оказаться кто угодно другой, он знал, видел и чувствовал, что быть здесь полагалось именно ему. Зря он втайне надеялся и радовался, что смерть и война остались для него позади, за чужими горами, в одном чувстве ветеранства — они были для него и здесь, на равнине всей страны. И он уже не знал, когс ненавидеть и винить — переставший дышать студент потихоньку отходил и присоединялся в его сознании к погибшим там, и Фролов перестал тратить силы оскудевшей за войну души на то, чтобы продолжать удерживать студента здесь, в сарае, на краю красных песков как ничтожного самоубийцу. Пусть тот тоже уносится в зарубежную даль и прибывает там к черной доле своего поколения — так ему, старшему сержанту Фролову, будет легче его пожалеть.

Слезы, как едкий пот, выступили на глазах Фролова. Он скривил рот, закрыл глаза рукой, чтобы не видеть света и в нем — мертвого своего ровесника, затем догадался, подошел к фонарю, погасил, в темноте вернулся, сел на землю возле трупа, подтянул его к себе и уложил его голову на своих коленях. Он стал представлять, что держит на руках целого, только поврежденного насмерть одним-единственным крохотным осколком, своего друга Астафьева, от которого после неожиданного артобстрела и прямого попадания не осталось на свете ничего, и это позволяло Фролову скупно и осторожно гладить в темноте по лицу и волосам незнакомого бывшего человека.

Когда в дверном проеме забрезжил свет неба, Фролов вспомнил и подумал о других студентах, о всем стройотряде, который скоро пробудится и должен будет приступить к труду. Фролов испыты-

вал к тем неизвестным еще людям двойственное чувство. С одной стороны, ему было жаль их, наверняка никогда не присутствовавших при смерти или гибели своих товарищей, а с другой — ему доставляло некоторое удовольствие, перспектива узавить их и повергнуть в ужас видом трупа, в который обратился человек, работавший, говоривший, ужинавший с ними еще вчера, и которого вынесет на руках или на плече — это он решит, как будет удобнее — незнакомец в военной форме. Ему хотелось, чтобы они, увидев мертвое тело своего товарища, поразились, застыли, похолодели и, насколько им доступно, представили и почувствовали, чему подвергаются и что переносят ежедневно в таком же климате, лишь в месте поуже, такие же ребята, как они, и даже моложе. И его уже мрачно, как непререкаемая, безутешная закономерность, радовало то,

что свидетелем попытки самоубийства студента стал именно он, участник войны, удостоверенный в своей доблести и выносливости боевой наградой. Если раньше, вчера, он очень смутно представлял то, как подойдет к студентам и с чем к ним обратится, то теперь сомнений не осталось: он подойдет к ним с трупом их товарища на руках и с медалью на собственной груди, и ничего говорить и выдумывать не придется — он уже будет не с пустыми руками, он вступит в круг студентов с тем, чего у него по сравнению с ними больше всего — со смертью не достигших двадцатилетия — чтобы они знали!

При этой мысли, отдавая себе жуткий отчет в том, что никак иначе ему поступить нельзя, что ничего другого не остается, Фролов, горько ерничая, похлопал по плечу трупа, как по собственности, пробормотал: «Поконничек мой!» — и полез в карман извлечь оттуда медаль и прицепить на положенное ей место.

Конечно, он понимал, что поначалу будет возбуждено какое-то следствие, что на него, Фролова, падут определенные подозрения, что им — как это называется — займутся, но решил, что пусть. Пусть, пусть им теперь занимаются.

Виталий ПАШИН

ПРАВНУК УНТЕРА ЛАВРЕНТИЯ

В «Уральском следопыте» (1984 год) были напечатаны четыре новеллы костромского писателя Виталия Пашина о выдающемся полковнике Блюхере.

Автор получил немало писем от читателей, советовавших продолжить работу над циклом рассказов. Сообщались фамилии и адреса людей, лично знавших Василия Константиновича. В. Пашин воспользовался адресами: в

книгу «Прощание славянки» вошли уже восемь рассказов о Блюхере. А в этом году в Ярославле — на родине Василия Константиновича — выходит из печати сборник рассказов В. Пашина «Правнук унтера Лаврентия». Почему автор дал такое название книге о маршале, вы узнаете из публикуемых новелл.

ГРОМКАЯ ФАМИЛИЯ

Степан Николаевич Богомяков, знавший Блюхера со времен гражданской войны, а в середине 30-х годов служивший начальником штаба Особой Краснознаменной Дальневосточной армии, рассказывал мне, как однажды после удачно проведенных военных учений они с Блюхером ночным поездом возвращались из Владивостока в Хабаровск. Насторожение было хорошее, располагающее к разговорам и воспоминаниям. Вот тогда он и задал (в форме шутки, разумеется) шекотливый вопрос: как могло случиться, что в роду потомственных ярославских хлебопашцев-великороссов появилась громкая немецкая фамилия Блюхер?

— Очевидно, так же, как появилось на Урале село Париж, —

улыбнулся Василий Константинович. За истину рассказа поручиться не могу, но вот послушайте, какое предание хранится в родном моем селе Баршинка, где добрая треть семьи носит фамилию Блюхер...

Когда-то в давние времена мой прадед Лаврентий, крепостной мужик богатого пошехонского помещика угодил по жребию в солдаты. Верой и правдой отслужил царю и отечеству двадцать пять лет. А годы эти для России были очень беспокойными. Довелось ему с Суворовым воевать турок, с Кутузовым французов бить. До самого Парижа дошел, в младшие унтер-офицеры был произведен, за храбрость удостоился Георгиевского креста и двух медалей — нашей да прусской. Вот и предстает такой кавалер пред очами своего барина, какого-то там отставного

корнета. По причине слабого здоровья корнет и пороха не нюхал в Отечественную войну, а тем не менее слыл в округе великим знатком военного искусства.

— Ай да Лаврушка! — восхищается барин бравым видом своего крепостного. — Ай да герой! Ну-ка поведай нам, в каких сражениях участвовал, за что получил сии регалии.

Лаврентий все по порядку принялся рассказывать. Дошел до прусской медали.

— А это, — говорит, — от их величества короля тамошнего Фридриха-Вильгельма за баталью при граде Лейпциге.

— Выходит, ты и в «Битве народов» участвовал, — удивляется барин. — И фельдмаршала Блюхера видал?

— Никак нет, — простодушно признается прадед. — Такого фельд-маршала не токмо что не видал, но и не слышал. Фельдмаршала князя Кутузова Михаил Ларионича знаю, а этого... как его... виноват, не довелось.

— Ну, братец, не ожидал, — разочарованно разводит руками бабин. — Медаль за Лейпцигскую битву имеешь, а под чьим руководством одержал сию викторию, не ведаешь... Конфузия! Ну погоди...

Отставной корнет приказывает дворовым людям, издали наблюдая, всю эту картину, подойти ближе и торжественно провозглашает:

— Произвожу моего подданного младшего унтер-офицера Лаврентия в Блюхеры и повелеваю отныне величать его только так!

С тех пор и прозываются потомки моего прадеда знатной немецкой фамилией. Не знаю, устраивала ли она моих предков, но лично я ничего против нее не имею. Не раз вырчала она меня, не раз и подводила, и в смешное положение ставила. Все было — тем и хороша!.. Помню, обучал нас, деревенских ребятишек, грамоте приходской священник отец Евстигней. Назовет, бывало, меня по фамилии, а сам крестится и бурчит себе под нос «господи, прости мя». А когда в Питере пришел я наниматься на франко-русский завод, управляющий, услышав фамилию Блюхер, отвел меня в сторону и грозно спрашивает:

— Шваб?.. Бош?

Я не понял, подумал, что специальностью моей интересуется.

— Нет, — говорю, — в слесари хочу, учеником.

А он мне:

— Совсем дурак!

И приказывает мастеру определить меня на черные работы. Потому что я узнал, что швабами да бошами французы немцев обзывают. Это мне в четырнадцатом году на фронте ротный командир разъяснил. Невзлюбил он меня за фамилию.

— Ты, — говорит, — не иначе, как немцами подослан к нам в полк. Только одного не пойму: почему они тебе документы на Иванова или Петрова не сфабриковали?

Я посчитал, шутит он, шуткой и отвечаю:

— Не додумались, видать, ваше благородие.

— Нет, другая тут причина, — понимающе грозит кому-то пальцем ротный. — Хитрецы!.. Ну да и мы не лыком шиты.

Уж не знаю, кого он имел в виду, однако под всякими предлогами совал меня на самые опасные участки, где было больше шансов встретиться с немецкой шрапнелью.

КУРС ГИМНАЗИИ

Больше года провалялся в госпиталях после тяжелого ранения младший унтер-офицер третьей роты Девятнадцатого Костромского стрелкового полка Василий Блюхер. Наконец, раны зажили настолько, что можно было без сопровождавших отправлять его домой. Комиссовали по чистой с назначением, как Георгиевскому кавалеру, пенсии первого разряда.

В Баршинке, своей родной деревне, Василий не задержался. Укатил в Нижний Новгород. Устроился было на Сормовский, да ненадолго. Вычитал в рекламном отделе «Нижегородского листка» объявление о том, что студент Казанского университета господин Нагорный предлагает свои услуги в качестве репетитора и обязуется по изобретенной им методе за полгода подготовить своих учеников к сдаче экстерном экзаменов за полный курс гимназии. Это как раз то, что надо было Василию.

Блюхер написал студенту письмо и вскоре получил приглашение. Условия исключительно соблазнительные: двадцать пять рублей задаток, после успешной сдачи экзаменов еще столько же. А провалишься — и платить не надо. Честно и благородно.

За день рассчитался Василий на заводе, сложил в баул пожитки и ночным парходом отбыл из Нижнего. В Казани первым делом пошел искать Собачий переулок, где в одном из домов снимал комнату студент Петр Нагорный. Нашел только под вечер.

Неопрятно одетая сгорбленная старуха провела Василия к флигелю, сердито постучала клюкой в дверной косяк:

— Еще один к вашей милости. За дверью послышался бодрый голос.

— Заходите, милости прошу.

В узенькой каморке на железной кровати, заправленной серым солдатским одеялом, положив длинные ноги в сапогах на спинку, лежал молодой человек. Он отложил в сторону раскрытую книгу, но с кровати не встал.

— Слушаю вас, уважаемый.

— Я из Нижнего по объявлению, — начал было Блюхер, но человек не дал ему договорить.

— Так это вам я третьего дня отвечал на письмо?.. Быстро же вы, однако. Садитесь.

Василий оглядел комнатушку, но ни стула, ни лавки не обнаружил. Поняв причину замешательства гостя, студент живо сбросил на пол ноги и постучал ладонью по освободившемуся на кровати месту.

— Устраивайтесь здесь. Как видите, ни диванов, ни кресел не дер-

жу... С условиями учебы ознакомились? Они вас устраивают? Отступать не будете? Ну и прекрасно. Предупреждаю: я педагог строгий, требовательный — иначе нельзя... Если не передумаете, приходите сюда в следующую субботу к пяти часам пополудни и не забудьте захватить двадцать пять рублей. А можете — двадцать, но в таком случае синенькую дайте мне сейчас.

Блюхер помялся, но пятерку решил дать. Студент, явно не ожидавший такой щедрости от незнакомца человека, пришел в умиление:

— Вот это по-рыцарски... Сразу видно благородную натуру, не испорченную духом меркантилизма. Может быть, чаю со мной выпьете?

— С удовольствием бы, да времени нет, — развел руками Василий. — Я ведь к вам прямо к пристани. В Казани у меня никого нет, надо искать пристанище хотя бы на ночь.

— Ну это сущие пустяки при наличии тугого кошелька. В доме напротив хозяева сдают угол. Я буду рад рекомендовать вас...

С квартирой все уладилось быстро. Да и с работой тоже: Василия приняли токарем на завод Остермана.

В субботу вечером в каморке Нагорного сошлись шестеро молодых парней, лелеющих надежду за полгода одолеть восьмилетний курс гимназии. Репетитор усадил всех на кровати, вручил каждому по остро отточенному карандашу и тетраднему листку.

— Ну-с, господа, занятия начнем с диктанта, — сказал Нагорный, устраиваясь на подоконнике. — Я должен иметь представление об уровне ваших знаний. Итак, пишем: «Железя подготовить себя к сдаче экзаменов за курс гимназии, я обязуюсь аккуратно к назначаемым господином Нагорным срокам выполнять все заданные мне уроки...» Написали?.. Очень хорошо. Продолжаем: «При нарушении мною этого условия господин Нагорный вправе отказать от дальнейшего моего обучения и не возвращать двадцать пять рублей задатка».

Закончив диктовку, Нагорный предложил всем расписаться под текстом и поставить дату. Потом он собрал листки, аккуратно сложил их вчетверо и спрятал во внутреннем кармане своей куртки.

— А теперь, господа, получите первое задание к следующей субботе...

Никакой особой методы скоростного обучения у Нагорного не было. Блюхер понял это после первого же занятия. В течение часа репетитор бегло объяснял материал по тому или иному предмету. А потом давал задание на дом. Причем

задания эти раз от разу становились все объемнее и сложнее. Нагорный делал ставку на самостоятельное изучение материала, задавая на дом немалое количество. Его подопечные стали просить репетитора пощадить их — уменьшить задания.

— А вы как, господа, думали? Двигаясь черепашками шажками, одолеть за полгода науки, на изучение которых отводится восемь лет? Прошу покорно!.. Я не господь бог, а вы не ангелы. Так что не сетуйте на большие задания.

Постепенно, не выдержав бешеных темпов, ученики (а все они были еще и рабочими) стали пропускать занятия, а потом и вовсе бросили учебу. Репетитор отнесся к этому весьма спокойно, поскольку предвидел такой финал. Занкнувшимся о возвращении хотя бы части задатка говорил с милой улыбкой, издали показывая листок с текстом диктанта и соответствующей подписью.

— Вы, уважаемый, нарушили условия, так что не взыщите.

Наконец, наступили дни, когда на занятия стал приходить один Блюхер. Нагорный жестоко гонял его по заданным темам, надеясь уличить в недобросовестности. Но придаться было не к чему. Репетитор явно недооценил способности и упорство «увечного унтера».

В одну из суббот, придя к Нагорному, Василий застал его в расстроенных чувствах. В комнатухе стоял крепкий дух винного перегара. На подоконнике валялись рыбьи кости и чешуя, корки хлеба, луковая шелуха. Завидев Блюхера, студент неуклюже сполз с кровати и ответил пришедшему земной поклон.

— Дорогой мой ярославский Ломоносов,— начал Нагорный плачущим голосом.— Я поражаюсь вашему терпению и прилежанию... Я преклоняюсь перед вашей устремленностью к свету... И прошу прощения. Больше заниматься с вами не могу: не я вас — вы меня загнали... Вот тринадцать целковых — все, что есть за душой. Берите их, и расстанемся без взаимных обид.

Василий терпеть не мог присутствия пьяных, а разговоров с ними — и подавно. Молча он взял из рук Нагорного деньги, трешку положил на подоконник, остальные спрятал в свой карман.

Обиды на репетитора-авантюриста не было. Три месяца занятий «по системе Нагорного» не прошли бесследно. По крайней мере научили самостоятельно работать с книгой и — главное — укрепили веру в свои способности к постижению больших и сложных наук. Вот только жаль: мечту о сдаче экстерном гимназического курса пришлось оставить.

СЫН МАРШАЛА

Как-то позвонила мне по телефону Мария Николаевна Соловьева, жительница Костромы:

— Я знаю, что вы занимаетесь поисками материалов о маршале Блюхере. А известно ли вам что-нибудь о его сыне Всеволоде?.. Дело в том, что он учился у меня: в 30-х годах я вела математику в старших классах хабаровской школы номер два. Когда арестовали командующего Особой Дальневосточной Краснознаменной армии, пропал и его сын Сева. Вслед за ним так же таинственно исчезли дети других арестованных командиров и политработников. За короткое время из 30 учеников выпускного класса нашей школы осталось не более десятка. Мы, учителя школы, в ту пору, конечно, не знали истинных причин повальных арестов. Официальная версия говорила, что высшие воинские начальники ОДВКА во главе с Блюхером были японскими шпионами. Они будто бы готовили отторжение от СССР Дальнего Востока и присоединение к «Империи восходящего солнца». Но многие хабаровчане в душе не очень-то верили такому страшному обвинению...

Этот страстный монолог заставил меня взяться за перо. Факты о сыне маршала сообщила мне родная сестра Всеволода Зоя Васильевна Блюхер.

В середине августа 1938 года командующий Особой Краснознаменной Дальневосточной армией был вызван наркомом обороны Ворошиловым в Москву для доклада на Главном военном совете об итогах военных действий против японских самураев у озера Хасан. Сразу после доклада улыбающийся нарком предложил Блюхеру пойти в отпуск:

— Забирай детей, поезжай в Сочи и живи в свое удовольствие на моей даче...

Удовольствия, конечно, было мало. Предчувствие приближающейся беды не покидало полководца. Уже взяты органами НКВД Егоров, Федько, Уборевич... Кольцо сужалось. 22 октября на даче Ворошилова был арестован и Блюхер. Находившихся вместе с ним сына Всеволода и племянницу Нину отправили в Армавирский дептриемник. Сева окончил там среднюю школу, а потом на курсах в Свердловске получил специальность киномеханика. От мечты стать кадровым военным пришлось отказаться.

Можно было облегчить свою участь, отрестившись от отца, переименовав фамилию. «Сердобольные» дяди из НКВД это и советовали.

Но такое предательство Всеволода, конечно, совершить не мог, потому что свято верил в невиновность отца.

Жизнь Всеволода переменяла война. Отныне его помыслы сводились к одному: попасть на фронт, доказать в бою свою преданность Родине. Скрыв родство с репрессированным маршалом, он поступает в пехотное училище. Но обман быстро раскрывается, и юношу, к великой его радости, отправляют не в лагерь к энкам, а в действующую армию.

Попав в 235-й зенитный полк, он быстро освоил специальность наводчика и вскоре открыл счет сбитым фашистским стервятникам. Уже тогда представили его к медали, уже тогда написал он заявление с просьбой принять в комсомол. Чуть позже рекомендацию в партию давал ему сам парторг батарея. Только тщетно ждал юноша какого-либо ответа.

...В списках представленных к награде за овладение деревней Гютте в числе первых значилась фамилия Блюхера. На этот раз обойти его было никак нельзя: ведь это он невестку как пробрался к злополучному дому, забрался на чердак, гранатой заставил замолчать немецкий пулемет, чем сохранил десятки жизней...

Перед самым концом войны пришла в полк выписка из Указа о награждении. Фамилия Блюхера в нем не упоминалась. Это никого не удивило, и сам Всеволод уже не так остро переживал несправедливость. Привык.

Участие в Великой Отечественной войне не сняло с сына полководца позорного ярлыка. Уволенный из армии, он нигде не мог найти постоянной работы. Брали грузчиком, чернорабочим. Но через какое-то время раздавался в отделе кадров телефонный звонок, вслед за которым Блюхер получал обходной лист.

Измученный подозрениями, недоверием Всеволод решает «спрятаться под землю». Он едет в Донбасс на восстановление разрушенных войной шахт, получает специальность проходчика и уходит в забой. До самой пенсии остался сын маршала верен горному делу.

...А Орден Красного Знамени, к которому рядовой Блюхер был представлен в марте 1945 года, нашел своего владельца спустя девятнадцать лет. И в партию Всеволод вступил. И женился. И квартиру получил. Только бы и жить теперь... Да сказало пережитое — 30 января 1977 года его не стало.

На снимке: В. К. Блюхер. 1918 г. (Из архива дочери Василия Константиновича — З. В. Блюхер)

ЭКЗОТЫ НА ОКНАХ

Александр
СЕМЕНИН

См. цветное фото
на 4-й стр. обложки

Рис.
Андрея
Пулатова

могут загнить. Поэтому необходимы своевременные, но частые пересадки — не менее двух раз в год в течение первых трех лет. Трех-пятилетние растения пересаживают один раз в год, более взрослые — через 2—3 года.

О недостатке питания вам подскажет само растение — в этом случае листья у него гораздо мельче, а листовая пластинка долгое время остается цельной.

Для посадки монстеры наиболее подходит слабокислая рыхлая питательная почва примерно такого состава: дерновая и перегнойная земля, торф, песок (все компоненты в равных объемах). Подкормку удобрениями проводят в течение всего года: зимой и осенью — 2, весной и летом — 3—4 раза в месяц.

Монстера, хотя и происходит из влажных тропических лесов, неплохо приспособилась к помещениям с сухим воздухом. Однако периодическое опрыскивание листьев теплой водой «пальме ураганов» только на пользу.

Летом необходимо притенять растение от прямых солнечных лучей. Зимой же монстера не особенно страдает от недостатка освещенности, так как и в природе она растет в условиях сильной затененности.

Размножают монстеру черенками и воздушными отводками. На черенки используют побеги молодых растений толщиной не более 2 см. Их разрезают на отрезки длиной 10—15 см, имеющие 1—2 междоузлия и, желательнее, воздушные корни. Черенки укореняются в хорошо промытом песке при температуре +20—24 °С за 15—20 дней. Более взрослые растения с толстыми побегами лучше размножать воздушными отводками. Для этого на стебле делается кольцевой надрез коры (шириной 5—7 мм), который обвязывают кусочками сухого сфагнума (а сверху неплотно полиэтиленовой пленкой) и периодически увлажняют.

При правильном уходе монстера зацветает на 4—5-й год. Добавь к этому еще год — именно столько зреют ее плоды. И не забудьте о коварном свойстве незрелых «початков». Лишь самым искусным и терпеливым подарит монстера свои необычные плоды.

Монстера

Оригинальный вид монстеры давно снискал ей славу прекрасного «уродца» или «чудища» (именно так с латинского переводится название этого растения). Тому, кто видит ее впервые, она может показаться растительным монстром: округлые метровой величины листья будто специально кем-то продырявлены, как решето, а с извивающегося стебля свисают толстыми веревками воздушные корни.

В Америке монстеру называют «пальмой ураганов». Раньше ботаники полагали, что «продырявленные» листья монстеры приспособлены к шквалистым ветрам. Потоки воздуха проходят через дырки и, благодаря этому, крупная листовая пластинка якобы не рвется. Однако... сильных ветров никогда не бывает во влажных тропиках — их растительность густа настолько, что даже умеренной силы ветерок там редкость. Для чего же монстере «дырки»? Специалисты считают, что дырчатая поверхность листьев помогает «пальме ураганов» избавляться от избытка воды.

Когда монстера зацветает и опадает крупный прицветник, похожий на раковину, взору предстает соцветие, напоминающее кукурузный початок, только окраска у него не желтая, а зеленоватая. Лепестков и чашелистиков у цветков нет, а на «початке» можно разглядеть лишь очень короткие тычинки и пестики.

Самым первоклассным фруктам не уступают по вкусу плоды монстеры. Но вырастив их... будьте осторожны! Иначе случится с вами

то, что однажды произошло с автором этих строк...

Посетители свердловского ТЮЗа помнят, какой замечательный уголок южной растительности был лет 5—6 назад в вестибюле театра. Хозяйка этого зимнего сада Зинаида Васильевна принесла мне однажды монстеровый «початок». Как не поделиться радостью, ведь первый урожай собрала! Разрезала плод на дольки — разлился изумительный аромат. И душистую ягоду землянику, и спелый ананасовый плод почувяли мы в комнате! Хорош был и вкус: нежная, но хрустящая, как капуста, мякоть вобрала в себя что-то от банана и ананаса.

Придя домой, пытаюсь заняться делами. Но — что за притча! — мешает что-то сосредоточиться, какое-то неудобство испытываю, и в горле першит. Прошел час, другой — появилось более сильное жжение. Как будто съел стручок перца или иной неведомой пряности. Лишь к вечеру, выпив горячего молока, почувствовал, что горло мое «проходит».

Потом я узнал, что незрелые плоды монстеры содержат кристаллы оксалата кальция. «Приклеиваясь» к языку, они и вызывают сильное жжение гортани. При созревании фрукта кристаллы исчезают. Однако определить качество плода непросто, ведь и в зрелом виде он остается зеленым. Созревают плоды постепенно, сверху вниз, поэтому созревшую верхушку можно срезать, а нижнюю часть оставить «на потом».

Чтобы добиться плодоношения монстеры, необходимо создать для нее достаточную площадь питания. Однако если маленькое растение сразу поместить в большой ящик, то почва вскоре закиснет, а корни

Продолжение. Начало в № 7, 8, 1990

Ну, кеды не обязательно, но обувь, оказывается, нужна. Вот какую фотографию поместил один из номеров американского журнала «Аляска». Летний день. По шоссе на дороге упряжка собак везет видавший виды легковой автомобиль. Что бы это значило? У жителей этого обособленного штата большой любовью пользуются гонки собачьих упряжек. Особенно популярны многодневные гонки на две самые длинные дистанции: Анкоридж — Ном (более 1700 километров) и Уайтхорс (территория Юкон, Канада) — Фэрбенкс (более 1600 километров). А чтобы собаки и летом были в форме, им устраивают тренировочные пробеги. Вот тут-то вместо саней и пригодился старый автомобиль. Особенно берегут ноги собак, и чтобы животные их не поранили, им надевают специально сшитую обувь.

Е. ИВАНОВ

Американских индейцев не сложно представить в качестве лихих наездников. Но мало кто знает, что этот народ был одним из лучших коневодов мира.

Лошади появились в степях примерно в 1600 году. Центром их распространения стали испанские скотоводческие хозяйства в районе Санта-Фе, на юго-западе США. Самыми богатыми владельцами табунов были индейцы команчи, а также кайова и осейджи. Численность их табунов могла достигать нескольких тысяч голов. У другого индейского народа — кроу — в XIX веке на 400 палаток приходилось до 9—10 тысяч лошадей.

Характерно, что тип седла, уздечки, манера седлать и объезжать коней — все это было изобретено индейцами совершенно автономно и не схоже с приспособлениями других народов.

Но невольно возникает вопрос — зачем индейцам такое количество лошадей? Даже ведя кочевой образ жизни, можно обойтись гораздо меньшим числом. Все дело в том, что лошадь у индейцев постепенно превратилась в денежную единицу, так сказать, крупную денежную купюру, роль же мелкой играли ружья и фабричные одеяла, а в качестве «копеек» при торгах, об-

менах, залогах выступали шилья, топоры. Таким образом, все подарки и плата за труд, все сделки имели свою цену, выраженную в лошадях. И потому конечной целью большинства военных походов были табуны вражеских племен.

Однако пополнение табунов происходило отнюдь не всегда с помощью набегов или ловли диких мустангов, как это обычно преподносится в литературе и фильмах. Не меньшую роль играли разведение и племенной отбор лошадей. Существовали специальные ветеринары, пастухи, объездчики. Между прочим, индейцами выведено несколько пород лошадей, наиболее известные — это пинто, аппалузо и каюза.

Индейцев часто представляют на высоких, рослых конях. Это не совсем так, ибо большинство в индейском хозяйстве составляли невысокие лошади-пони — сильные, выносливые трудяги. На них в основном перевозили домашний скот, на них ездили женщины и дети. Скакуны, прекрасные быстрые кони, использовались обычно только в бизоньих охотах, для которых их специально обучали. Даже отправляясь в военный поход, воин ехал на своем пони, а рядом вел на петле рослого скакуна.

Недаром в войнах с индейцами белые офицеры отдавали приказ об уничтожении в первую очередь лошадиных табунов. И если бы не колонизация, индейцы вполне могли бы остаться просто скотоводами, подобно многим народам мира.

Д. КОНОНОВ

Так, по крайней мере, утверждал в начале XX века один из офицеров британской армии П. Х. Дж. Пауэлл-Коттон, служивший в то время в оккупационных войсках в Африке.

Вот что с ним произошло. Однажды на охоте он повстречал льва, в которого, не долго думая, дважды выстрелил. Вряд ли Пауэлл-Коттон относился к числу хороших стрелков. Во всяком случае, во льва он не попал. Разъяренное животное сшибло неудачника с ног и вонзило когти в его бок. Удар лапы пришелся по карману, где лежал сложенный номер английского юмористического журнала «Панч», и серьезных повреждений охотник не получил. Прежде, чем лев смог нанести следующий удар, он был отогнан подоспевшими на помощь другими участниками охоты.

Е. СОЛДАТКИН

Огромное, в два этажа, помещение тесно — от пола до потолка и от стены до стены — заставлено различными устройствами, необычными сооружениями и оборудованием. Это лаборатория кафедры гидроаэродинамики НЭТИ (Новосибирского электротехнического института).

И вот в этом царстве струйных течений и крыльев, где сам воздух, кажется, насыщен всевозможными гидро-, авиа- и аэро-, мое внимание привлекла замысловатая конструкция со множеством ячеек.

Когда же мне сказали, что это макет инкубатора на 50 тысяч яиц, признаться, я опешил: ну что может быть общего у облачных высей, разработки вертолата (тоже новый летательный аппарат), тонких научных исследований с... «родильным домом» для цыплят! Сразу же вспомнилась хрестоматийная история, случившаяся на заре советской аэродинамики.

Однажды Н. Е. Жуковскому, как руководителю основанного им ЦАГИ, принесли на подпись счет для оплаты 5 рублей владельцу курицы, которую накануне продавали в аэродинамической трубе института. Николай Егорович категорически отказался подписывать этот документ. «Но почему? — удивились сотрудники. — Ведь вчера вы безоговорочно оплатили пятерку за такую же продукту ворон!» В ответ Жуковский назидательно изрек: «А потому, уважаемые, что ворона летает, а курица нет. И нечего было ее продувать».

По аналогии с той давней историей невольно подумалось: да не такая ли «куриная» затея и сегодняшняя продувка инкубатора? Какой смысл в аэродинамическом обдуве яиц?

Оказалось, что неравномерность обтекания их нагретым воздухом отрицательно влияет на такой важный народнохозяйственный показатель, как выводимость цыплят. В обычных условиях она составляет 84—88 процентов — это считается естественной нормой. А вот режим вентиляции, рассчитанный дипломником 6-го курса Дмитрием Петраченко с помощью старшего преподавателя кафедры, научного руководителя студенческого исследовательского бюро С. Д. Саленко, — позволяет выводить, так сказать, в жизнь 96—97 процентов птенцов.

А это, учитывая емкость инкубатора, сконструированного по законам аэродинамики, означает прибавку «цыплячьей урожайности» в 4—5 тысяч штук при каждом «высиживании»!

В. ДЕБЕРДЕЕВ

Талон

для

тессериста

Виктор РУДЕНКО

Фото О. Капорејко

Говорят, когда Ломоносов получил в свое время за труды вознаграждение в две тысячи рублей, деньги ему доставили пятаками на двух подводах. Произойди такое теперь, знаменитому ученому и поэту пришлось бы принимать минимум три телеги. При этом одна из них непременно была бы нагружена талонами. Стремительно ворвались в нашу жизнь талоны, стали уже привлекать внимание не только домохозяйек, политиков и экономистов, но и коллекционеров. Нумизматика, филателия, филокартия, фалеристика, филогамистика... Не пополнится ли этот ряд новым занятием — тессеристикой?

Талоны — явление, корни которого уходят в античность. «Тессера» — таким греческим словом в Древнем Риме обозначались ордера на получение городской беднотой определенного количества зерна или денег. Не была чужда римлянам и раздача по «талонам» вина и масла.

Талоны могут дать более точное представление о не самом лучшем состоянии товарно-денежных отношений общества, чем монеты или бумажные денежные знаки. Ведь

если монеты и купюры лишь косвенно отражают кризисное состояние экономики (колебание веса монеты, рост в ней удельного содержания лигатуры — недрагоценных добавок, появление бумажных денег с пятизначным и шестизначным номиналом), то талон связан с кризисом напрямую. В нынешнем столетии крупномасштабно он появлялся в нашем отечестве неоднократно и всегда в тяжелые годы.

Впервые талоны введены в царское время, в период начавшегося в 1915 году продовольственного кризиса. Затем их использовало Временное правительство, установив в апреле 1917 года карточную систему. В условиях продолжающегося голода и перипетий Октябрьской революции они появились вновь в августе — сентябре 1918 года и просуществовали до 1921-го. Слово птица Феникс, возродились талоны в конце 1928-го в связи с кризисом НЭПа и сопровождали все катаклизмы, вызванные коллективизацией и индустриализацией, вплоть до 1935 года. По известным причинам, талон циркулировал и с 1941 по 1947 год. В опять же кризисом для нашей

экономики 1963-м снова серьезно обсуждался вопрос о введении талонной системы. И, наконец, он возникает в наше время.

Талон позволяет проследить и этапы развития кризиса. Достаточно вспомнить, что первые современные талоны появились в виде «эксперимента» как раз тогда, когда надвигающийся кризис давал о себе знать постоянными срывами планов и провалами в сельском хозяйстве, но его еще удавалось скрывать в ловкой формулировке «у нас все хорошо, но имеются некоторые недостатки». Начало разговоров в печати о «предкризисном состоянии» нашего общества в 1986—1987 годах сопровождалось уже разрастанием талонной системы по промышленным центрам. А к 1989-му, когда кризис обнаружил себя явно, в нашей стране оформилась целостная талонная система, охватившая также сельскую местность.

И еще. Поскольку речь идет о кризисе, талон, естественно, связан с такими всем известными явлениями, как дефицит, теневая экономика, инфляция, спекуляция, мошенничество и тому подобное. Собственно, он

и рождается на основе этих явлений — как попытка со стороны власти предотвратить взвинчивание цен. И здесь мы подошли к главному, о чем может поведать талон. А именно — о том, что вторым после кризиса столпом, поддерживающим нормированное распределение продуктов, является оторванное от условий реального рынка централизованное вмешательство в образование цен.

С этой точки зрения появление талонов в России предвосхитил, похоже, Борис Годунов. Именно его указом от 3 ноября голодного 1601 года в Соль-Вычегодске впервые в отечественной истории были установлены твердые цены на хлеб и введено его нормированное распределение. Но вводя норму в 2—4 четверти (приблизительно 0,42—0,84 литра) зерна в одну руку, русский правитель и не предполагал, что в туманном социалистическом далеке постоянное грубое вмешательство сверху в систему ценообразования приведет к появлению громадного числа карточек и талонов.

Кстати, такое вмешательство позволяет вызывать талоны к жизни даже в самое безоблачное время. И это хорошо осознавали некоторые наши экономисты уже в 20-е годы. В 1926 году, например, за два года до введения карточной системы, В. В. Новожилов писал в «Вестнике финансов»: «Там, где цена перестает выполнять свою основную функцию уравнивателя спроса и предложения, там... Торговлю за деньги нужно заменить распределением по нарядам, карточкам, ордерам». Эти строки прозвучали предостережением против навязывания рынку выгодной для осуществления индустриализации политики цен. Увы, предупреждения эти не принимались во внимание. И пока сохранялось и сохраняется грубое насилие над рынком, талоны время от времени всплывают и будут всплывать в нашей повседневности.

Не удивительно, что сейчас в стране нет поколения, которое бы не знало талонов. В различные годы они появлялись в разных обликах: то в виде отдельных контрольных листов на получение какого-нибудь товара, то карточек и заборных книжек с напечатанными на них купонами, то ордеров — письменных предписаний на получение продукции, либо как справки различных ведомств и учреждений и, наконец, в неявном виде — в форме торговли по паспортам и спискам по месту работы, прописки и так далее. Но как бы разнообразны ни были талоны, их суть всегда одна: это — средство учета и контроля над мерой нашего с вами потребления. Причем такое средство, которое, в отличие

от денег, не выражает ни стоимости товара, ни вклада каждого в общую копилку. По существу, талон — это инструмент практической реализации пресловутой уравниловки. Талонное распределение, предоставляя каждому человеку строго определенное количество продуктов, в корне противоречит так настойчиво провозглашенному принципу «от каждого по способности, каждому по труду».

Талоны служат также прекрасным рычагом принуждения и монополизма. Лишая нас свободы выбора желаемого продукта, принуждая покупать, к примеру, одну и ту же дрянную колбасу, причем в назначенное время и в строго определенном количестве. В этом плане дурным примером из нашего прошлого может служить малоизвестное начинание Петра I, который ввел в свое время так называемые «ерлыки» на похороны в строго определенном гробу...

Но не только обо всем этом может рассказать лежащий перед нами привычный талон. Обратимся теперь к его «легенде» — надписи и рисунку. Наверняка будущему исследователю-тессеристу не удастся сполна испытать то чувство недолимого стыда, которое испытываем мы — люди с талонами на исходе века компьютерных расчетов. Но постараться понять нас у него будут все возможности. Ведь это чувство как бы запечатлено уже в самих наименованиях талонов. Если обратиться к старым образцам, то там чаще всего фигурирует одно слово — «карточка»: «Карточка на сахар» (1916 г.), «Карточка на право покупки одной пары детской обуви» (1918), «Карточка на промышленные товары» (1945). Названия нынешних талонов как-то более обтекаемы и напоминают самообман: «Заказ на сахар» (Омск, 1989), «Приглашение на покупку сахара» (Киев, 1988), просто «Приглашение» (Новосибирск, 1989). Прямолинейное слово «карточка», будящее жуткие воспоминания о голоде 30-х годов и военном времени, напрочь исчезло из «легенды».

Небезынтересен и перечень «оталониваемых» товаров. В 1916 году в него входил сахар. В 1917-м — хлеб и основные продукты питания. В 1918—1921-м провизия и промышленные товары. В послевоенное время выдавались талоны на отпуск соли, спичек, мыла, чая и керосина. Не менее обширен перечень и в настоящее время. Список чрезвычайно динамичен и зависит от дефицита на тот или иной товар в разных регионах страны. В то время как год назад в Свердловске распространялись талоны на сахар, мясо и колбасу, омичи, например, обходились лишь сахарны-

ми талонами, а ленинградцы отоваривались по двум видам талонов — на кофе и сахар.

Обильными на талоны для жителей страны были 1989 и 1990 годы. Для свердловчан они обернулись расширением ассортимента нормированного распределения на мыло и синтетические моющие средства, а для жителей некоторых городов области — еще и на чай. К весне 1990-го ситуация несколько изменилась — были отменены талоны на стиральный порошок. Однако не обошлось без сюрпризов. Известный доклад Н. И. Рыжкова о предстоящей деятельности правительства, предусматривающий повышение цен на продукты питания и ширпотреб, вызвал цепную реакцию панической скупки товаров по всей стране. Как результат, над городами и селами прошел настоящий талонный град. Для Свердловска он означал возврат к недавно отмененному талонному распределению животного масла и налаживанию нормирования масла растительного.

Обязательной принадлежностью талона является дата. И часто суровая надпись: «Действителен в течение указанного срока». Но при этом талон вовсе не гарантирует своему владельцу права приобретения товара в любое удобное для него время. О днях реализации продукта обычно сообщается объявлением в магазине, или же они проставляются от руки на самом талоне. Другим свидетельством несвободы выбора покупателя является своеобразное прикрепление жителей микрорайона к определенной торговой точке. Об этом тоже рассказывает «легенда». Если в крупных городах талон можно использовать в любом магазине района, то в малых на нем, как правило, указывается номер торгового учреждения.

Немалую информацию могут предоставить и сведения о нормах отпуска товаров.

К счастью, на современных талонах не увидишь крупных цифр 1, 2 или 3, означающих принадлежность покупателя к определенной категории граждан. Но так было не всегда. В годы гражданской войны и позже такая градация существовала и зависела от характера выполняемой работы и классовой принадлежности талонладельца — продовольствие получали только трудящиеся. В 1919 году норма отпуска хлеба в зависимости от категории выглядела следующим образом: 1 категория — 200 граммов в сутки, 2-я — 150, 3-я — 50 граммов.

В каком же объеме и количестве можно было приобрести другие товары? В 1916 году в условиях военного времени один талон предоставлял возможность покупки трех фун-

Редакционная коллегия:

Станислав МЕШАВКИН
(главный редактор),
Евгений АНАНЬЕВ,
Виктор АСТАФЬЕВ,
Выталий БУГРОВ,
Юрий ГОРБУНОВ,
Герман ИВАНОВ
(заместитель главного редактора),
Сергей КАЗАНЦЕВ
(ответственный секретарь),
Владислав КРАПИВИН,
Юрий КУРОЧКИН,
Николай НИКОНОВ,
Олег ПОСКРЕБЫШЕВ,
Аркадий СТРУГАЦКИЙ,
Юрий ШИНКАРЕНКО

Художественный редактор
Дмитрий ЛИТВИНОВ
Технический редактор
Людмила БУДРИНА
Корректор
Ольга НАГИБИНА

Адрес редакции:
620219, г. Свердловск,
ГСП-353, ул. Декабристов, 67
Телефоны отделов:
22-36-62 (фантастики),
22-45-01 (краеведения, секретариат),
22-10-74 (писем, науки и техники),
22-04-81 (прозы и поэзии, публицистики,
молодежных проблем)

Рукописи принимаются перепечатанными
на машинке через 2 интервала, 60 знаков
в строке, 28—30 строк на странице.

По вопросам подписки и доставки обра-
щаться в районные отделения «Союзпечати».
Бракованные экземпляры отправлять
в типографию издательства
«Уральский рабочий».

Сдано в набор 09.10.90.
Подписано к печати 28.11.90.
Формат бумаги 84×108^{1/16}.
Бумага типографская № 2.
Высокая печать.
Усл. печ. л. 8,82.
Уч.-изд. л. 13,3.
Усл. кр.-отт. 11,76.
Тираж 390 000.
(1-й завод: 1—200 000).
Заказ 347.
Цена 80 коп.
Типография издательства «Уральский рабо-
чий». 620219, г. Свердловск,
ул. Тургенева, 13.

На 1-й стр. обложки репродукция с
картины Анатолия Пасеки.

© «Уральский следопыт», 1991.

ТАЛОН ДЛЯ ТЕССЕРИСТА В. Руденко

тов (примерно 1,2 кг) сахара в ме-
сяц. В 1920-м рабочий, занятый на
тяжелых физических работах, полу-
чал мяса или рыбы 210 граммов в
месяц, сахара—300 г, соли 360 г,
спичек 1 коробку.

На исходе XX столетия ситуа-
ция значительно лучше. Надписи на
талонах сообщают нам, что по ним
можно приобрести от 1 до 1,5 кг
сахара в месяц, от 0,5 до 1 кг кол-
басы, от 0,2 до 0,5 кг масла,
200 граммов туалетного и 1 кусок
хозяйственного мыла в квартал, по
одной бутылке водки и вина в ме-
сяц. Они же предупреждают, что на
один талон выдается не более
500 граммов спирального порошка...

В сравнении с трудным време-
нем гражданской войны, нынешнее
довольствие выглядит, конечно, бар-
ским. Но время движется, и все
чаще на страницах местных газет,
в залах продовольственных и уни-
версальных магазинов перед ищущим
взглядом человека мелькают
грустные объявления вроде этого:
«На основании решения Соловецкого
районного Совета с 25 мая 1990 г.
(временно) продажу продовольст-
венных и промышленных товаров
производить только местному насе-
лению согласно прописки... Устано-
вить предельные нормы отпуска про-
дольственных товаров одному по-
купателю: макаронные изделия — 1 кг,
мучнистые, кондитерские — 1 кг, кон-
сервы рыбные — 3 банки, пищеко-
нсервы — 1 кг». Другое объявление в
универмаге города Кириллова сооб-
щило не так давно, что ветеранам
здесь предоставляется льготное право
приобрести 2 пары нательного белья,
2 полотенца в год и одну шапку-
ушанку — раз в три года.

АВТОРСКОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ

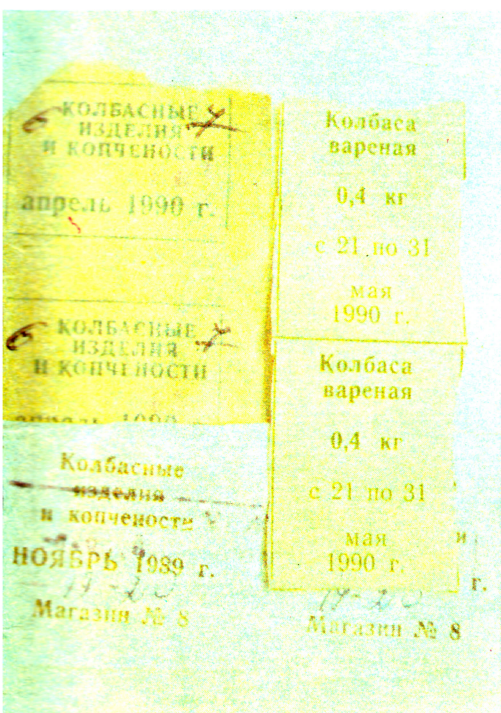
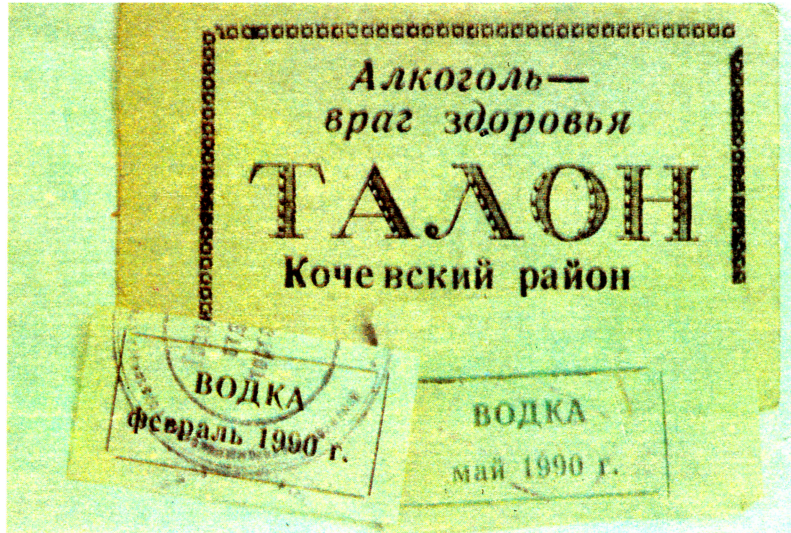
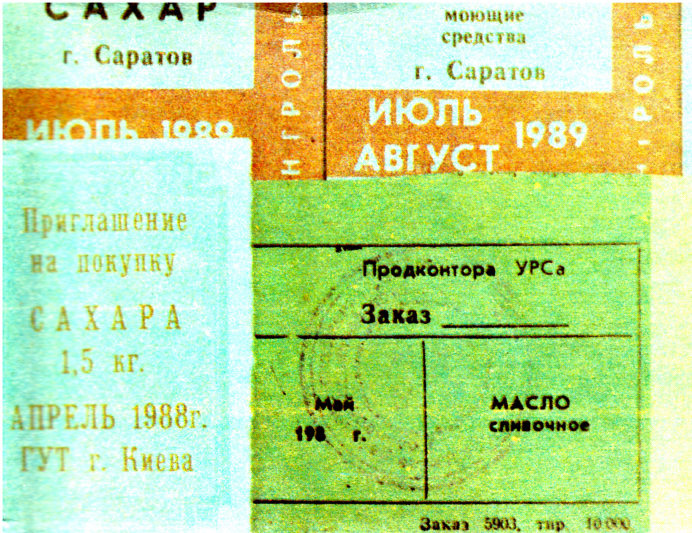
Пока номер готовился в печать, в
экономике страны, а соответственно,
и в талонной системе произошли су-
щественные изменения.

Стремясь обеспечить необходи-
мым только «своих», республики, об-
ласти, районы, города начали при-
держивать свой товар. Отчетливо
стал формироваться натуральный об-
мен, в результате чего хозяйствен-
ный механизм и дисциплина поста-
вок были нарушены настолько, что
оказалось невозможным стабильное
отоваривание даже введенных тало-
нов. Над страной мрачной тенью на-
висла удручающая тень талонной ин-
фляции. Она спровоцировала огром-
ные очереди за «гарантированными»
макаронами, колбасой, маслом, ред-
ко обходящиеся без скандалов и
нервотрепки. Повсеместно расцвела
торговля по паспортам и визиткам,
а самих талонов стало значительно
больше (на табак, на спички, соль,

Еще несколько лет назад нас
шокировали данные по уровню по-
требления растительного масла в
Китае—125 граммов в месяц.
А сегодня уже читаем в одной из
местных газет: «Согласно приказу
управления торговли Свердловского
облсполкома и по многочисленным
просьбам жителей с 1 августа
1990 года распоряжением Верхне-
пышминского горисполкома вводятся
талоны на продажу масла: живот-
ного—300 г в месяц, растительного—
300 г в квартал на одного челове-
ка». И совсем удручающее сообще-
ние в конце августа 1990-го передала
телевизионная служба новостей:
в городе Холм, что на Новгородчине,
действуют талоны на хлеб. Нор-
ма—400 граммов...

Держашему в руках талон, ко-
нечно же, бросаются в глаза различ-
ного рода надписи и печати, расска-
зывающие об организациях-гарантах,
ведущих распространением тало-
нов или распределением продуктов.
Среди них имеются три «кита»: главное
управление торговли, отдел
кадров предприятия и общий отдел
РК КПСС. Но кроме цели заставить
нас уважать данные организации,
печати имеют и другое назначение.
Это борьба с повторным использо-
ванием талонов, их кражей и перепро-
дажей, получением талонов одновре-
менно по месту жительства и по месту
работы. Более эффективного способа
противодействия этим явлениям, чем
печать, пока не найдено, хотя и
здесь имеются заслуживающие вни-
мания изобретения. Например, сара-
товцы тиражируют талоны (напо-
минающие входные билеты в кино-
театр с отрывным контрольным ку-
поном.

кур и т. д.). При очевидной натура-
лизации хозяйства для страны все
более реальной становится перспек-
тива оформления территориальных
талонных систем (республиканских,
областных, городских), что было не-
возможно в условиях жесткого цен-
трализма. Можно также предполо-
жить, что сама талонная система в
скором времени претерпит суще-
ственные качественные изменения: при
обилии разновидностей талонов (в
некоторых городах их больше 10)
вполне возможно, что однажды мы
будем иметь свою региональную «ва-
люту»—так называемые суррогаты
денег, которые избавят от необхо-
димости ежемесячной талонной эмис-
сии и в то же время будут выпол-
нять роль денег, отвечающих интере-
сам натурального хозяйства (разу-
меется, пока оно существует). Для
коллекционера (если он выживает...) открываются перспективы просто не-
обозримые...

Но, конечно же, самой выдающейся для коллекционера в ряду множества среди возможных находок-раритетов с отклонениями от «нормы» является поддельный талон. История фальшивомонетного дела — целая глава в нумизматике. Похоже, что такая же глава будет написана и в тессеристике. Во многих городах уже появились талоны, нарисованные от руки людьми, не имеющими прописки, а также подделки, отпечатанные типографским способом. Об одной такой вспышке массового фальшивоталонного производства в октябре 1989 года сообщила газета «Уральский рабочий». Речь шла о городе Красноуфимске, где в июне было выпущено порядка 10 тысяч талонов на сахар, в результате чего торговля перерасходовала 10 тонн этого продукта. Автор статьи справедливо ставит вопрос о грядущей инфляции не только рубля, но и талона. Вот почему на маленькой бумажке так необходима большая печать. Средства борьбы с

фальшивоталонщиками тоже не ограничиваются лишь штампами. Нетрудно заметить, что в последнее время талоны все больше приобретают внешнее сходство с денежными знаками. Московские талоны с самого начала печатаются на хорошей бумаге с тонким рисунком. Они имеют серию и номер. Более того, ленинградские талоны снабжены водяными знаками. Возможно, не слишком далек тот день, когда, как в 1918 году, на них появится надпись: «Виновные в подделке талонов караются по закону».

А пока, кроме всего перечисленного, в распоряжении государственных органов — штрафы, разнообразные шрифты плюс буйная фантазия художников. О последней с уверенностью можно сказать, что талонам чрезвычайно повезло. Ситуация с ними сейчас весьма напоминает 1918—1920 годы, когда на рынках появлялись самого фантастического вида деньги, выпускавшиеся отдельными территориями, организа-

циями и даже частными лицами. Вот и талоны за последние годы из уныло серых превратились в различной формы ярко окрашенные знаки, порой иллюстрированные и даже с пропагандистскими лозунгами. Вот уже несколько лет в Коми АССР и Курганской области талоны на спиртные напитки непременно украшает убеждающая надпись: «Алкоголь — враг вашего здоровья». Но особенно утонченно и с душой оформлены тюменские талоны на моющие средства, выпущенные в мае 1990 года. Понизу находчивый дизайнер пустил полоску из кружочков с точками и звездочками, по верхнему краю — ряд из цветочков и... маленьких грампластинчиков. Можно, конечно, пойти и еще дальше. Ну, допустим, начать сочинять гимны талонам, оставив потомкам еще и целый музыкальный жанр — тессерический. Но до чего же тоскливая это будет музыка! Нужна ли она — и нам, и им?

ЭКЗОТЫ
НА ОКНАХ

